

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2020 ТОМ 12 № 4

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии

С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Заместитель

главного редактора

И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля, г. Салоники, Греция
E-mail: ids@law.auth.gr

Ответственный секретарь серии

Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Багри, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, г. Гиза, Египет

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, г. Москва, Российская Федерация

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, г. Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Latinoамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета, г. Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Кулбхушан Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, г. Москва, Российская Федерация

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток–Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова
Адрес редакции:**

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 19.11.2020. Выход в свет 01.12.2020. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 8,78. Тираж 500 экз. Заказ № 1057. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2020 VOLUME 12 NUMBER 4

DOI 10.22363/2312-8127-2020-12-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Voronin S., Doctor of Science (History), Head of the Chair of the World History, RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre, Moscow, Russian Federation
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Stefanidis I.D., Professor, Aristotle University, Thessaloniki, Greece.
E-mail: ids@law.auth.gr

Executive Secretary

Bazanova E., Ph.D. in History, Assistant of the Department of World History, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Members of Editorial Board

Abu al-Hassan Moussa Bakri, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Larin E., Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Lee, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Variku, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Люлина А.Г.** «Бронзовый треножник» цинской власти в Тибете и положение Панчен-ламы V 315
- Михайлов С.А.** Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций» 324

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ

- Рогожина Н.Г.** Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте американского проекта «Индо-Тихоокеанский регион» 338
- Понька Т.И., Куклин Н.С., Дубровский И.Р.** Формат «Китай–Вьетнам–Индия» в Южно-Китайском море в контексте региональной безопасности 354
- Бакина Е.А.** Сущность и специфика евразийской доктрины Аскара Акаева 372
- Воронин С.А., Якеменко Б.Г.** Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы... 380

АНТИЧНЫЙ МИР

- Конюхов В.А.** Аграрный закон 111 г. до н. э. как исторический источник 390

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Гизбулаев М.А.** Исследования Дагестана по сведениям арабских авторов IX–XIII вв. в историографии российских и зарубежных ученых 399

РЕЦЕНЗИИ

- Куделин А.А., Зуева Е.Г.** Рецензия на книгу М.Ф. Видясовой «Тунис. Маршрут в XXI в.». М.: САДРА, 2018 412

CONTENTS

ORIENTAL STUDIES

- Lyulina A.G.** The “Bronze Tripod” of the Qing Power in Tibet and the Position of Panchen Lama V 315
- Mikhailov S.A.** North-East India as an example of a “clash of civilizations” (according to S. Huntington) 324

IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

- Rogozhina N.G.** Regional security in Southeast Asia in the context of the American project “Indo-Pacific region” 338
- Ponka T.I., Kuklin N.S., Dubrovsky I.R.** The China–Vietnam–India format in the South China Sea in the context of regional security 354
- Bakina E.A.** The essence and specificity of the Eurasian doctrine of Askar Akayev 372
- Voronin S.A., Yakemenko B.G.** The marauders are just expropriating what they would otherwise have bought... 380

ANTIQUÉ WORLD

- Konyukhov V.A.** Agrarian Law 111 BC e. as a historical source 390

HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

- Gizbulaev M.A.** Study of Dagestan through the 9th–13th centuries Arabic sources in historiography of Russian and overseas scholars 399

REVIEWS

- Kudelin A.A., Zueva E.G.** Review of the book by MF Vidyasova “Tunisia. Route in the XXI century”. M.: SADRA, 2018 412

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА ORIENTAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-315-323

Научная статья

«Бронзовый треножник» цинской власти в Тибете и положение Панчен-ламы V

А.Г. Люлина

Российский Университет Дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В китайской историографии относительно периода усиления цинской администрации в тибетском регионе встречается понятие 三足鼎立 (*sānzú dǐnglì*), что буквально означает «установить бронзовый треножник», а в переносном смысле – «трехсторонний баланс сил». Одной из трех опор власти империи Цин в Тибете к середине XVIII в. становится линия перерождений Панчен-ламы. Панчен-лама V Лосанг Еше был удостоен множеством привилегий от императоров Канси и Юнчжэна, был приглашен в Пекин и даже рассматривался на роль регента при Далай-ламе VII. Лосанг Еше сыграл медиативную роль в ряде внутритибетских и внешних конфликтов, признал инкарнации трех Далай-лам, утвердил свое правительство в Ташилунпо, и в целом сыграл видную роль в истории тибето-цинских отношений.

Ключевые слова: Панчен-лама, Тибет, Ташилунпо, Цинское правительство, тибето-цинские отношения

Введение

Панчен-лама V Лосанг Еше (*Blo-bzang Ye-she*, 1663–1737) стал свидетелем и непосредственным участником переломных событий в истории Тибета конца XVII – первой половины XVIII вв. После длительного периода регентства дэсрида Сангье Гьяцо и инцидента с Далай-ламой VI Цаньяном Гьяцо в Тибете начался политический кризис. Междоусобные разногласия, борьба между хошутскими кланами за признание «своего» кандидата на воплощение Далай-ламы, а также джунгарская угроза способствовали прямому вмешательству правительства Цин в политику Тибета. Келсанг Гьяцо (*Bskal-bzang rgya-mtsho*, 1708–1757), при содействии маньчжуров провозглашенный Далай-ламой VII в 1720 г., управлял страной номинально до 1750 г., а в период с 1728

© Люлина А.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

по 1735 вынужденно был перемещен из Поталы в Восточный Тибет. Политическая власть в это время принадлежала Совету министров Кашагу, религиозные обязанности переходили к Панчен-ламе V, чему особенно содействовали цинские императоры. Исследователь Чжан Хушэн отмечает, что действия цинской власти в регионе были обусловлены не только стремлением разрядить напряжение в правительстве, избежать столкновения интересов Далай-ламы и главного министра Полханэ (1689–1747). Демолитизация Келсанг Гьяцо позволила цинским императорам повысить статус и положение Панчен-ламы и его правительства в Ташилунпо, тем самым создав дополнительную точку опоры в регионе и противовес власти Далай-ламы [9. С. 91]. Доверительные отношения с Панчен-ламой позволили цинской администрации создать некий трехсторонний баланс сил, который символически обозначается китайским чэньюем «三足鼎立», в лице амбаня-надзирателя (1), Далай-ламы и Панчен-ламы [1, 13]. Если о первых двух институтах в зарубежной и отечественной историографии известно не мало, то институт Панчен-ламы исследован крайне поверхностно. Правительство Панчен-Лабранг в Ташилунпо было сформировано и учреждено при четвертом и пятом Панчен-ламах, однако о его структуре и особенностях управления крайне мало сведений.

Цель работы – проанализировать роль и значение Панчен-ламы V Лосанг Еше в политической истории Тибета и выявить причины повышенного интереса цинских императоров к его фигуре; рассмотреть организацию Панчен-Лабранг в соотношении с правительством Далай-ламы Ганден Пходранг. Изучение положения Панчен-лам, их роли и значения в религиозно-политической жизни буддийских народов важно в контексте современных реалий, в связи с положением нынешних Панчен-ламы XI в КНР и Далай-ламы XIV в Индии, отношениями между ними и значимости их будущих воплощений.

В статье использованы «Материалы из правдивых записей династии Цин по истории тибетского народа» [8], документы из сборника «Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд» [7], переводы Х. Ричардсона [12] и В. Шакабпы [14], работы китайских и тибетских исследователей, а также англо-тибетские словари [10, 16].

Линия перерождений Панчен-ламы

Панчен-лама представляет линию перерождений *тулку*, которые считаются эманациями будды Амитабхи. Традиция поиска и идентификации перерождения Панчен-лам возникла при Великом Пятом Далай-ламе (*Ngag-dbang blo-bzang rgya-mtsho*, 1617–1682), который определил воплощения IV и V Панчен-лам.

Во время борьбы Гуши-хана за Тибет Лосанг Чогьял (*Blo bzang chos kyi rgyal mtshan*) оказал ему значительную поддержку, и в 1645 г. получил от хана титул Панчен-богдо (2). Впоследствии Далай-лама V присвоил ему титул Панчен-лама IV, что было признано главными монастырями Гелуг. Лосанг Чогьял был наставником IV и V Далай-лам. После его смерти Далай-лама V назвал Панчен-лам воплощением будды Амитабхи, составил молитву о новом

воплощении Панчен-ламы, а монахи Ташилунпо занялись поиском его пере-рождения [14. Р. 119]. В 1664 г. мальчик, родившийся в м. Тобгьял (Цзан), был распознан Далай-ламой V как реинкарнация Лосанг Чогьяла. В 1667 г. Лосанг Еше был приглашен в Ташилунпо для интронизации (3).

Согласно устоявшимся представлениям, отношения между Далай-ламой и Панчен-ламой подобны отношениям между отцом и сыном, наставником и учеником, что характеризуется тибетским понятием *yab-sras mgon po* и коррелирует с их духовным происхождением от Авалокитешвары и Ами-табхи соответственно [11. Р. 174]. Далай-лама и Панчен-лама несут ответственность за подтверждение реинкарнации друг друга, а также за духовное воспитание, монашеские посвящения и др. [11. Р. 174]. До XX в. в случае смерти Далай-ламы духовные обязанности переходили к Панчен-ламе, он же должен выбирать кандидатуру на пост регента при несовершеннолетии признанного Далай-ламы. Фактически обе линии тулку были равными по значимости, но политическое первенство, звание правителя Тибета всегда принадлежало только Далай-ламе. Цинский двор в вопросах совершенствования тибетской системы управления не раз обращался к идее назначения Панчен-ламы на пост регента, старался уравнивать статус обоих иерархов, тем самым неизменно следуя традиционной стратегии «разделяй и властвуй».

Предпосылки возвышения Панчен-ламы V

Еще задолго до политического кризиса в Тибете император Канси (правл. 1661–1722) вел переписку с Лосанг Еше, неоднократно приглашал его в Пекин. Необходимость приезда, как и в случае с Далай-ламой V, аргументировалась политическими и религиозными причинами. В своих письмах Канси часто подчеркивал глубокое понимание Учения и благие заслуги Лосанг Еше [8. С. 188]. С 1665 г. по 1693 г. император направил 22 посольства к Панчен-ламе с дарами и наградами [6. С. 40–41]. Вероятно, главной причиной отклонения приглашения императора приехать в Пекин была не боязнь оспы, как сказано в переписке, а давление регента. Когда Канси узнал, что Сангье Гьяцо долгое время скрывал факт смерти Далай-ламы V, он предложил передать власть в Тибете Панчену [8. С. 130; 19. Р. 73].

После утверждения Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо Лосанг Еше в основном занимался религиозными и государственными делами, он приложил много усилий для того, чтобы Далай-лама принял все необходимые обеты монашеской жизни. По указу Канси Панчен-лама в 1713 г. получил титул «Эрдени» (монг., тиб. *Ринпоче*) – «драгоценность, сокровище», а также золотой диплом и печать [7. С. 331–332]. В 1720 г. после войны с джунгарами цинское правительство было озабочено представительством светской власти в Тибете. Страна находилась в тяжелом состоянии, Далай-лама VII был слишком молод, поэтому помимо военной опоры требовался сильный светский правитель. В этой ситуации кандидатура Панчен-ламы также выдвигалась, но не была рассмотрена ввиду преклонного возраста. В итоге император созвал Совет министров (*bka'-shag*) из представителей областной аристократии.

Стремление императоров Цин поддерживать и возвышать Панчен-ламу V было обусловлено не только политическими мотивами. При Великом Пятом была возрождена традиция отношений «чой-йон» (*mchod-yon*), согласно которой Далай-лама являлся «духовным наставником» императора Цин, а тот выступал в качестве «светского покровителя» школы Гелуг и тибетского буддизма. Однако императоры Канси и Юнчжэн не получали духовных наставлений и не встречались с Далай-ламой VII. В 1730 г. Далай-лама вместе с отцом был перемещен в специально построенный для него монастырь Хуэйюань (惠远庙) в Гартар [12. Р. 52]. Вероятно, основными причинами отсылки Далай-ламы был разлад в правительстве, междоусобные конфликты и джунгарская угроза. Император выделил для охраны Далай-ламы небольшой гарнизон, позволил представителям различных регионов совершать паломничества к нему и снабжал всем необходимым для комфортного пребывания, но встреча «наставника» и «покровителя» так и не состоялась [9. С. 93]. Демолитизация духовного лидера выявила недостатки функционирования правительства при отсутствии главной, традиционной составляющей Буддийского государства – религиозного правления. В такой неоднозначной ситуации цинский император вновь пытался передать часть религиозных обязанностей Панчен-ламе, тем самым повысить его положение и подтвердить свой статус патрона Гелуг.

Лосанг Еше, несмотря на сложную политическую обстановку в стране, сохранял отечески-дружеские отношения с Далай-ламой. Когда Панчен узнал о решении Юнчжэна вывезти Далай-ламу из Лхасы, он отправил императору петицию с просьбой о его скорейшем возвращении. При попытке императора передать часть властных полномочий Панчен-ламе тот ответил вежливым отказом [8. С. 361]. Эти факты говорят о том, что Лосанг Еше не стремился «потеснить» Далай-ламу, а напротив, был верен сложившейся между двумя главами Гелуг традиции отношений «учитель – ученик» и тем самым укрепил уважение основополагающих принципов буддийской этики, которыми руководствовались в своих действиях все последующие представители линии перерождений Панчен-ламы в условиях цинского господства [5. С. 147]. В глазах тибетцев Панчен-лама всегда оставался вторым после Далай-ламы верховным авторитетом, несмотря на его деятельное участие в делах светского правления, в решении внутренних конфликтов и представительство на международной арене.

Панчен-Лабранг

После Гражданской войны 1727–1728 гг. светская власть была передана министру Полханэ (1689–1747), основан институт цинских наместников-амбаней, а Далай-лама VII временно отстранен от власти. Тибет был условно поделен на сферы влияния Далай-ламы (регион Уй) и Панчен-ламы (Цзан). Панчен-ламе от имени императора было предложено получить во владение весь Западный Тибет, но Панчен-лама принял только несколько округов [6. С. 43]. В его правление был также передан монастырь Ташилунпо. Интересен тот факт, что разделение Тибета на сферы влияния произошло еще при

Гуши-хане, а Ташилунпо был передан Панчен-ламе IV Лосанг Чогьялу Далай-ламой V [11. P. 205; 14. P. 111].

Монастырь Ташилунпо был основан учеником Джэ Цзонкапы – первым Далай-ламой в 1447 г. на юго-западе Шигадзе. При четвертом Панчен-ламе в монастыре была основана его резиденция Лабранг (*Lhadrang*) и учреждено одноименное правительство. Далее выделились управленческие структуры, которые в основном копировали ведомства Ганден Пходранг в Лхасе, светские чиновники занимали каждый пост совместно с монахами [3. С. 87]. Высшим органом духовной власти являлся Йикцанг (*yig tshang*), главным секретарем канцелярии назначался монах-чиновник четвертого ранга. Финансовое ведомство Цзиканг (*rtsis khang*) было представлено государственной казной, занималось счетными делами, а также отвечало за личные владения и имущество Панчена. Местная администрация (*rdzong dpon*) занималась сбором налогов и пошлин, жалованиями, а также судебными делами [4].

Панчен-ламу сопровождали хамбо-ламы (*mkhan po*) четвертого ранга, ответственные за ритуальную службу, повседневные бытовые нужды. Главный хамбо-лама был приближенным советником Панчена и имел большую власть и влияние [4]. Военное ведомство как таковое не было сформировано. Военные гарнизоны были расквартированы цинским правительством для сопротивления возможной внешней агрессии. Военная служба не рассматривалась как отдельная сфера, должности распределялись по тем же рангам, что и гражданские. Продвижение по военной службе, как и в правительстве, проходило согласование и утверждение амбанем и Панчен-ламой [4]. Институт амбаней также имел место в Шигадзе начиная со второй половины XVIII в., однако его контроль и влияние были значительно меньше, чем в Лхасе. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в 1774 г., когда в Лхасе действовал запрет на въезд иностранцев, строго соблюдаемый под надзором амбаней, Ташилунпо посетила миссия Джорджа Богля [15]. Кроме того, Панчен-лама VI активно развивал торговые контакты с южными странами без санкций цинского императора. Владение Ташилунпо было полуавтономным несмотря на то, что Панчен-ламы не располагали своими силами для поддержания порядка и органами судебной власти. Панчен-Лабранг был вторым по политической значимости после правительства Далай-ламы [17. P. 19–20].

Панчен-Лабранг сыграл важную роль в разрешении внутривнутриполитических и внешнеполитических конфликтных ситуаций. Панчен-ламы как знатоки буддийского учения и представители влиятельной линии тулку в регионе привлекались монгольскими и цинскими правителями для «умиротворения границ». Так, советы и наставления Панчен-ламы IV помогли остановить борьбу между Гуши-ханом и тибетским Цзанпа-ханом, что в итоге привело к объединению Тибета под властью Далай-ламы в 1642 г. [18. P. 27–28]. Панчен-лама V выступал в роли посредника во время джунгарских набегов и посягательств на правление Тибетом; вместе с министром Полханэ добился урегулирования отношений Тибета с Бутаном, Непалом и Ладаком. Панчен-лама VI Лосанг Палден Еше (*Blo-bzang Gpal-ldan Ye-shes*) помогал в разрешении тибето-гуркхского конфликта и вел переговоры с англичанами. Таким

образом, Панчен-ламы в разные исторические периоды продолжали играть медиативную роль в дипломатических отношениях Тибета.

Положение Панчен-ламы и стремление не связывать себя обязательствами перед цинскими императорами позволили поддерживать определенную автономию правительства Панчен-Лабранг, которое в дальнейшем могло действовать независимо от Цинской империи в отношениях с другими странами.

Заключение

Внимание Канси и Юнчжэна к Лосанг Еше объясняется не только признанием его религиозного и политического авторитета, но и попыткой изменить традиционный статус линии тулку Панчен-лам в своих интересах. Благодаря следованию буддийскому закону и принципам школы Гелуг, умению решать конфликты мирным путем Панчен-лама способствовал поддержанию союзнических отношений между различными геополитическими силами в регионе. Цинское правительство, понимая роль и значение фигуры Лосанг Еше, полагалось на него как на проводника своей политики не только в Тибете, но и за его пределами. Он и его последующие инкарнации стали олицетворением третьей точки опоры «бронзового треножника» цинской администрации в Тибете. Вместе с тем цинские правители не смогли вызвать заметную конфронтацию между двумя лидерами Гелуг на протяжении всего имперского периода. Верность Панчен-ламы V и его последователей традиционной духовной иерархии и религиозно-этическим принципам во взаимоотношениях с Далай-ламой позволила сохранить мир в Буддийском правительстве Тибета XVII–XX вв. и заслужить неизменное уважение тибетцев.

Примечания

(1) Далай-лама и Панчен-лама представляли две властные линии *тулку* в Тибете. Ввиду традиционной роли института тулку в управлении страной он привлекал особое внимание цинских императоров, и к концу XVIII в. третьей точкой опоры цинской администрации вместо амбана становится регент-тулку. Подробнее см. [2].

(2) Панчен – «великий ученый», от санскр. *paṇḍit* (ученый) и тиб. *chen* (великий), монг. *bokto* (мудрый и отважный муж).

(3) Существует две традиции порядковой нумерации Панчен-лам. По хронологии Ганден Пходранг (Правительства Далай-ламы) Лосанг Еше считается Панчен-ламой II. Однако в традиции Панчен-Лабранг (правительство Панчен-ламы) с учетом первых трех Панчен-лам, которые были признаны посмертно, он указан как Панчен-лама V.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Го Цин*. Лунь циндай чжуцзан дачэнь дэ лиши цзоюн (К вопросу об исторической роли института амбаней при династии Цин) // Сицзан яньцзю, 1998. № 2.
- [2] *Китинов Б.У., Люлина А.Г.* Первые регенты-тулку Тибета и их роль в управлении страной // *Oriental Studies*, 2019. № 2.
- [3] *Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература, 2005.
- [4] *Сежао Исы*. Цянь Цин Сицзан дифан чжэнфу тичжи цзяньшу (Местное правительство Тибета в период Ранней Цин) // Сицзан яньцзю. 2009.05.07.

URL: http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2002/02/200706/t20070608_249097.htm.
Дата обращения: 23.03.2020.

- [5] Солощева М.А. О роли института панчен-лам во внутренней политике империи Цин // Проблемы Дальнего Востока, 2017. № 4.
- [6] Фэн Чжи. Люэлунь уши баньчань цзай каньюн чжицзанчжун дэ лишэ цзоюн (Об исторической роли Панчен-ламы V во время правления цинских императоров Канси и Юнчжэна) // Чжунго цзансюэ, 2005. № 1.
- [7] Циндай илай чжуньян чжэнфу дуй Сицзан дэ чжили юй хофо чжуаньши чжиду шиляо хуйцзи (Управление Тибетом со стороны центрального правительства и система перевоплощений живых будд. Сборник исторических материалов со времен Цин) / Ред. Чжао Сюэни, Чан Вэйминь. Пекин: Хуавэнь чубаньшэ, 1996.
- [8] Цин шилю цзанцзу шиляо (Материалы из «правдивых записей» Цин по истории тибетского народа). Т. 1. Лхаса: Сицзан жэньминь чубаньшэ, 1982.
- [9] Чжан Хушэн. Юй чжи хуэйюаньмяо бэй хань веньбэй вэнь сяочжу – цзянь шо циши далай лама и цзю хуэйюаньсы (Высочайше сочиненная надпись на китайском языке на стеле из монастыря Хуэйюань и перемещение Далай-ламы VII в монастырь Хуэйюань) // Чжунго цзансюэ, 1994. № 3.
- [10] Glossary for Tibetan Terms. Tibetan Oral History Archive Project. URL: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles-and-essays/glossary/>. Дата обращения: 23.03.2020.
- [11] Mullin Glenn H. The Fourteen Dalai Lamas: A Sacred Legacy of Reincarnation. Santa Fe, New Mexico: Clear Light Publishers, 2001.
- [12] Richardson H.E. Tibet and its History. L.: Oxford University Press, 1962.
- [13] Rockhill W.W. The Dalai Lamas of Lhasa and their relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908. T'oung Pao, 2nd series, 1910. Vol. 11, no 1.
- [14] Shakabpa W.D. Tibet. A Political History. New York: Potala Publications, 1984.
- [15] Telisher K. High road to China: George Bogle, the Panchen Lama and the First British Expedition to Tibet. L.: Bloomsbury. 2013.
- [16] THL Tibetan to English Translation Tool. The Tibetan& Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php>. Дата обращения: 23.03.2020.
- [17] Tsering Yangdzom. The aristocratic families in Tibetan history, 1900–1951. Beijing: China Intercontinental Press, 2006.
- [18] Xing Quancheng. The important role played by the fourth Panchen Lama in Early Contact between Tibet and Central Government // The Journal of Qinghai Nationalities University. 2011. Vol. 37. № 1.
- [19] Ya Hanzhang. Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis. Beijing: Foreign Language Press, 1994.

REFERENCES

- [1] Guo Qing. *Lun Qingdai zhuzang dachen de lishi zuoyong* [On the historical role of the Amban institution during the Qing Dynasty]. Xizang yanjiu, 1998. Is. 2. (In Chin.).
- [2] Kitinov B.U., Liulina AG. Pervye regenty-tulku Tibeta i ih rol' v upravlenii stranoj (First Tulku-Regents of Tibet and their role in governing the country). *Oriental Studies*; 2019. (2). (In Russ.).
- [3] Kychanov E.I., Mel'nichenko BN. *Istorija Tibeta s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Tibet from ancient times to the present day]. M.: Vostochnaja literatura, 2005. (In Russ.).
- [4] Xierao Yisi. *Qian Qing Xizang defang zhengfu tizhi jianshu* [Tibetan local Government of the early Qing period]. Xizang yanjiu. 2009.05.07. URL: http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2002/02/200706/t20070608_249097.htm. [Accessed: 23.03.2020.] (In Chin.).

- [5] Soloshheva M.A. *O roli instituta panchen-lam vo vnutrennej politike imperii Cin* [On the role of the Panchen Lama institution in the Qing Empire domestic policy]. *Problemy Dal'nego Vostoka (Far Eastern Affairs)*; 2017 (4). (In Russ.).
- [6] Feng Zhi. Luelun wushi banchan zai kangyong zhizang zhong de lishi zuoyong [Historical role of the 5th Panchen Lama during Kangxi and Yongzheng period]. *Zhongguo zangxue*, 2005. Is. 1. (In Chin.).
- [7] *Qingdai yilai Zhongyang zhengfu dui Xizang de zhili yu huofu zhuanshi zhidu shiliao huizi* [Administrating Tibet by the Qing central government and the system of living buddhas incarnations. A Collection of Historical Materials of the Qing]. Ed. Zhao Xueni, Chang Weimin. Beijing: Huawen chubanshe, 1996. (In Chin.).
- [8] *Qing shilu zangzu shiliao* [Materials from the Qing Veritable Records on the history of Tibetans]. Vol. 1, Lhasa: Xizang renmin chubanshe, 1982. (In Chin.).
- [9] Zhang Husheng. *Yu zhi Huiyuanmiao bei hanwen xiaozhu – jian shuo qishi Dalai Lama yiju Huiyuan si* [The Chinese inscription on a stele from Huiyuan Monastery and the transfer of the 7th Dalai Lama]. *Zhongguo zangxue*, 1994. (3). (In Chin.).
- [10] Glossary for Tibetan Terms / Tibetan Oral History Archive Project. URL: <https://www.loc.gov/collections/tibetan-oral-history-project/articles-and-essays/glossary/>. [Accessed: 23.03.2020.]
- [11] Mullin Glenn H. *The Fourteen Dalai Lamas: A Sacred Legacy of Reincarnation*. Santa Fe, New Mexico: Clear Light Publishers, 2001.
- [12] Richardson H.E. *Tibet and its History*. L.: Oxford University Press, 1962.
- [13] Rockhill W.W. *The Dalai lamas of Lhasa and Their Relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908*. T'oung Pao, Second Series. Leiden: Brill, 1910. Vol. 11 (1).
- [14] Shakabpa W.D. *Tibet. A Political History*. New York: Potala Publications, 1984.
- [15] Teltsher K. *High road to China: George Bogle, the Panchen Lama and the First British Expedition to Tibet*. L.: Bloomsbury. 2013.
- [16] THL Tibetan to English Translation Tool. The Tibetan& Himalayan Library. URL: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php>. [Accessed: 23.03.2020.]
- [17] Tsering Yangdzom. *The aristocratic families in Tibetan history, 1900–1951*. Beijing: China Intercontinental Press, 2006.
- [18] Xing Quancheng. The important role played by the fourth Panchen Lama in Early Contact between Tibet and Central Government. *The Journal of Qinghai Nationalities University*. 2011. Vol. 37. (1).
- [19] Ya Hanzhang. *Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis*. Beijing: Foreign Language Press, 1994.

Research article

“The Bronze Tripod” of Qing Power in Tibet and the position of the 5th Panchen Lama

A.G. Lyulina

Peoples' Friendship University of Russia
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str. 6

Chinese historiography, concerning the period of Qing administration's strengthening in the Tibetan region, shows the concept 三足鼎立 (sānzú dǐnglì), which literally means “to establish a bronze tripod” or figuratively “tripartite balance of power”. The Panchen Lama incarnation lineage become one of the three pillars of Qing power in Tibet by the middle of the

XVIII century. The 5th Panchen Lama Lobsang Yeshe got many privileges from Kangxi and Yongzheng emperors, was invited to Beijing and even considered to be the regent for the Dalai Lama VII. Lobsang Yeshe played a mediating role in a number of internal and external conflicts, recognized the incarnations of the three Dalai Lamas, enhance the government in Tashilhunpo, and generally played a prominent role in the history of Tibeto-Qing relations.

Keywords: Panchen Lama, Tibet, Tashilhunpo, Qing government, Tibeto-Qing relations.

Информация об авторе / Information about the author

Люлина Анастасия Геннадьевна – к.и.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: liulina_ag@pfur.ru.

Lyulina A.G. – PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: liulina_ag@pfur.ru.

Для цитирования / For citation

Люлина А.Г. – «Бронзовый треножник» цинской власти в Тибете и положение Панчен-ламы V // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 315–323. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-315-323

Lyulina A.G. "The Bronze Tripod" of Qing Power in Tibet and the position of the 5th Panchen Lama // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 315–323. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-315-323

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 25.05.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Научная статья

Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций»

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2

В данной статье предпринята попытка анализа ситуации в Северо-Восточной Индии (СВИ) в контексте применения известной концепции американского политолога и сторонника современной версии цивилизационного подхода к истории Самуэля Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Можно сказать, что даже поверхностное рассмотрение проблем СВИ свидетельствует о весьма характерном примере наглядного проявления его концепции.

Актуальность работы заключается в возможностях практического применения данной концепции для анализа существующих в регионе СВИ и Индии этноконфессиональных проблем и оптимальных путей их решения.

Ключевые слова: Северо-Восточная Индия, «столкновение цивилизаций», цивилизация, идентичность, этнический сепаратизм и национализм.

Введение

Существует множество определений термина «цивилизация», однако в современных реалиях словари дают ему следующее толкование: «Цивилизация – это ступень общественного развития и материальной культуры, характерная для той или иной общественно-политической формации» [1]. Попытки вывести формулу понимания и трактовки понятия «цивилизованного» предпринимались начиная как минимум с XVII века. Так, Ж. Кондорсе и Л. Морган рассматривали это явление в рамках бинарного противостояния «цивилизация – варварство». В эпоху Средних веков и Нового времени, возможно, такой подход еще как-то соответствовал идеологическим установкам, но сегодня он кажется довольно упрощенным. Тем не менее, основными постулатами данных трактовок является утверждение французского историка Ф. Броделя о том, что «цивилизация определяется собранием культурных характеристик и феноменов» [2. Р. 314].

В качестве объекта исследований на первый план выходили параметры возникновения, подъема, взаимодействия, достижений, заката и падения

цивилизаций. Они были приоритетными в исследованиях многих выдающихся историков, социологов, антропологов прошлого века, таких как М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Шпенглер, А. Тойнби и другие.

Затрагивая ключевые смыслы концепции Хантингтона, надо сказать, что он выступал в роли главного оппонента либеральной концепции Ф. Фукуямы, заявлявшего о «Конце истории» и победе либеральной глобалистской модели, где нет конфликтов, а есть лишь так называемый «глобальный универсализм» (выражение Ф. Дальмайра) [3. С. 274–297]. Однако для Хантингтона подобная ситуация невозможна, поскольку различия между цивилизациями очень велики, и они гораздо важнее, чем, например, раскол мира по принципу «капитализм–коммунизм». В этом контексте Хантингтона можно назвать сторонником «партикуляризма» и противника глобализации.

Он считал, что перспективы конфликтогенных ситуаций в меньшей степени возникают между социальными классами, бедными и богатыми, в большей – между народами различной культурной идентификации. Именно внутри цивилизаций велик риск межплеменных войн и этнических конфликтов с высоким потенциалом эскалации, поскольку в этот круг вовлекаются и соседние регионы и страны, близкие по расовой, географической принадлежности, религии и культуре.

По мнению Хантингтона, на первый план в качестве первопричин конфликта в СВИ выходят не идеологические, а культурные, этнические, религиозные и иные самоидентификационные факторы, разводящие народы этой страны данного региона по разным «национальным квартирам». И именно они являются либо точкой соприкосновения культур и вариантом цивилизационного выбора либо путей сосуществования, либо точкой разрыва, конфронтации и жесточайшего кризиса.

Исследование проблемы

Когда говорят об Индии, всегда упоминают ее особую уникальность и цивилизационный потенциал, успехи экономического развития, рекордный рост ВВП и ВНП, культурную, географическую особенность, значительный человеческий потенциал. Исторический и цивилизационный потенциал Индии настолько велик, что не вызывает сомнений в их исключительности. Но путь становления Индии как единого национального государства после достижения независимости в 1947 году сопровождается определенными трудностями, связанными в том числе с уникальным мультиэтническим цивилизационным многообразием. Такую историческую реальность следует рассматривать как ключевой фактор столкновения интересов многочисленных народов, населяющих Индию, выражающийся в протестных движениях, сопротивлении властям, с одной стороны, и многолетним, практически системным игнорированием интересов народов СВИ со стороны центральной власти, с другой.

Трудности страны (и их вряд ли удастся решить в ближайшее время) состоят в перенаселенности, невероятной многонациональности и не менее сложной конфессиональной структуре. Население насчитывает более 1 млрд

350 млн человек, и рост этот, вероятно, продолжится еще не одно десятилетие [4]. По мнению Хантингтона (и это вполне очевидно), именно демографический взрыв, неконтролируемая рождаемость как внутри государства в целом, так и в национальных группах в частности, является дестабилизирующим фактором и непосредственно влияет на социально-экономическую и политическую стабильность страны; усугубляет положение Индии и ее сложное этноконфессиональное устройство.

Национальный состав страны насчитывает несколько сотен этнических групп различного этнического происхождения (крупнейшие: хиндустанцы, телугу, маратхи, бенгальцы, тамилы, гуджаратцы, пенджабцы и другие). Они, в свою очередь, раздроблены на десятки тысяч каст и подкаст, говорящих как минимум на 1562 языках, относящихся к разным лингвистическим группам. Число только признанных официально государственных языков уже выросло до 25 [4]. Они относятся к разным языковым группам: индоарийской, дравидской, тибето-бирманской, мон-кхмерской.

В свою очередь, население СВИ составляет около 46 млн человек (2019), при этом они делятся более чем на 100 национальных групп. В расовом, культурном, языковом отношении СВИ представляет собой чрезвычайно разнородное общество, которое во многих аспектах (культурных, территориальных, расовых) гораздо ближе, например, к буддистской и синской цивилизации, нежели к индуистской. Даже внешний облик коренных жителей этих территорий свидетельствует о большем родстве с бутанцами и бирманцами, нежели с индусами. Демографическая ситуация в СВИ не менее напряженная, чем в целом по стране. Для СВИ характерен достаточно высокий естественный прирост населения, увеличение плотности проживания, а также непрекращающийся поток мигрантов из Бангладеш и Мьянмы, что усугубляет демографическую и криминогенную ситуацию, вызывая рост преступности, трафик наркотиков, оружия, взрывчатых веществ и так далее [5].

Языковые барьеры остаются фактором разобщения, поскольку государственный язык хинди так и не стал языком общей коммуникации в этом регионе. Существует теория, что язык – это не только средство коммуникации, но и особый инструмент, формирующий ментальные особенности нации. Убеждение Э. Сепира и Б. Ли Уорфа, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка, не бесспорно, но не лишено некоторой доли истины (теория лингвистической относительности) [6]. Язык может выступать в качестве фундамента внутринациональной сплоченности определенных групп и фактором разобщенности в условиях этнически разнообразного и не сформированного государства. Мир родного языка для народов СВИ – это «дом бытия», «самое интимное лоно культуры» [7. С. 447]. Не случайно требования признания статуса родного языка, проблема его сохранения, право преподавания в школах на родных языках ставится во главу угла как фактор сохранения национальной идентичности народов СВИ.

Еще одним барьером для взаимодействия и важнейшим аспектом характеристики цивилизации в целом является религия. Данные по Индии свидетельствуют о значительном конфессиональном разнообразии [8].

Таблица 1

Религии Индии и их статистическая характеристика

Религия	Количество последователей (2019)	Процент общей численности населения	
		2019	2008
Индуизм	1 099 933 480	80,5 (+)	79,5 %
Ислам	199233234	14,4 (+)	13,4
Христианство	34 589 103	2,5 (+)	2,3
Буддизм	11 068 513	0,8	
Другие	31 821 975	2,3	
Народные верования	6 917 821	0,5 (+)	0,1

Мировой опыт своими примерами подтверждает особую роль религии в своем влиянии на ментальность и выработку определенных поведенческих моделей поведения, в формировании национальной идентичности. В этой связи необходимо выделить основные: индуистская (Индия, Непал); буддистская (Мьянма); мусульманская (Бангладеш); конфуцианская/синская (Китай, Бутан); христианская (ряд регионов СВИ); тибетская.

Представителей *буддизма* в Индии насчитывается около 1% от общего числа населения, что в числовом значении довольно значительно, порядка 11 миллионов человек [9]. Арел проживания в СВИ – Аруначал-Прадеш, Сикким, Мизорам. Ментальные особенности исповедующих этот вид религии – рационализм, конструктивизм, прагматизм. Тем не менее, в правилах буддистов есть и обращение к проблемам человеческой личности, и отсутствие жестких канонов поведения, и признание относительной свободы личности с соблюдением традиций. Буддистов отличает стремление к внутреннему познанию, созерцательность, терпение и спокойствие, душевная невозмутимость, приверженность труду [10. С. 317].

Внешние атрибуты жизни (характерные для европейской цивилизации), а именно стремление к обогащению, предприимчивость и активность, для исповедующих буддизм является второстепенным фактором. Буддистам присуща некая асоциальность, частое отстранение от какой-либо борьбы, в том числе за политические, экономические и иные права. В постулатах буддизма при желании можно обнаружить некое сходство с социалистическими идеями, включая отрицание неравенства. Исходная экономическая ячейка – группа. Тип поведения – конформизм, консенсус, помощь единоверцам. Точки соприкосновения и объединяющее начало с индуизмом – духовные практики [11].

Представители *конфуцианства* в СВИ представлены малым количеством населения, компактно проживающим в пограничных с Китаем районах Аруначал-Прадеш и Сиккима. Для них также характерен рационализм, конструктивизм, «деятельное начало». Прагматизм и особенности поведения напрямую переплетаются с разнообразными ограничениями, дисциплинированностью и трудолюбием, уважением и почитанием старших, а также терпением, вежливостью, искренностью и состраданием, почтением к опыту и

традициям. Человеческие качества с детских лет находятся в жестких рамках воспитания сдержанности в привычках, эмоциях, превалирования общественного над личным. Исходная экономическая ячейка – группа. Тип поведения – коллективизм, чувство долга, дисциплина и иерархичность. Характерна приспособляемость, бережливость, способность к заимствованию [12].

Ислам в Индии стал неотъемлемой частью индийской религиозной и культурной традиции. Более 14 % населения Индии (около 200 миллионов человек) составляют мусульмане, это самая большая религиозная община после индуистов. Приверженцы ислама в СВИ проживают в основном на территории Ассама (34%), Трипуры (9%) и Манипура (8%) [13].

Набор поведенческих реакций мусульман в Индии довольно сложен в том плане, что несмотря на религиозные отличия, в индийском мусульманстве парадоксальным образом заложены традиции индуистской кастовости, что сразу исключает какое-либо равенство в их среде, изначально «обещанного» этой религией. Кастовость стала неотъемлемой чертой приверженцев ислама в Индии. Что касается набора поведенческих реакций, то последователи ислама в Индии – наиболее «заряженный» на протестные действия электорат. Как правило, в социально-экономическом отношении мусульмане находятся на нижних ступенях развития индийского общества, что является для них сильным раздражителем. Ментальность мусульман выражена в формулировке «Ислам – всевластие Аллаха и долг». Опасность представляют сторонники нетерпимости и агрессивности по отношению к иным вероисповеданиям. Поведенческие ориентиры – стремление к сохранению традиций, коллективизм, семейственность, взаимовыручка.

Христиане – третья по численности религия в Индии (2,5%, или около 35 млн человек), в основном это католики, в меньшей степени протестанты; проживают христиане в СВИ в Нагаленде (88%), Мизораме (87%), Мегхалае (75%), Манипуре (41%), Аруначал-Прадеш (30 %) [13].

Насколько влияют христианские трактовки на социальные и поведенческие установки и характер их приверженцев в Индии? Христианство (в первую очередь протестантизм) воспринимает труд как долг; отношение к деньгам – чем больше денег, тем более угоден Богу; к частной собственности – индивидуальность, стремление к инновациям; исходная экономическая ячейка – индивидуум. Тип поведения – индивидуализм, конкурентность. Характер взаимодействия – формальный. Экономическое поведение – рациональность, личный интерес [14. С. 808].

Принимая во внимание влияние религии на формирование ментальности, можно предположить, что именно христиане в Индии находятся в особенно острой точке цивилизационного разлома. Сложно представить, каким образом может переходить гармоничный переход из одной веры в другую без ломки стереотипов, традиций и норм поведения, образа жизни, складывающихся веками представлений об окружающем мире. Может быть, именно в этом причина агрессивности, непримиримой жестокости индийских христиан в отношении как к представителям христианской общины, так и к иным вероисповеданиям.

Очевидно, что системообразующей нацией являются индусы и их религия – *индуизм*. Последователи индуизма лидируют по количеству приверженцев в Индии, их насчитывается около 80%, в цифровом исчислении это более 1 млрд человек [13]. При этом индуизм – религия регионального характера, присущая в основном только жителям этой страны.

Территориально в СВИ индуисты расселены в основном на следующих территориях: Трипура (доля индуистов 83%), Ассам (62%), Сикким (58%), Манипур (41%), Аруначал-Прадеш (29%) [13]. Значительное влияние на формирование ментального портрета индуиста накладывает кастовость, поскольку именно индуизм поддерживает варно-кастовую систему. Она является серьезной проблемой Индии, поскольку тормозит развитие общества и страны, провоцируя социальные конфликты. Тем не менее, индуизм многогранен, ему свойственен плюрализм и высокая степень демократичности. Ему несвойственна состязательность. Индуизм – синтетическая религия, способная впитывать иные веяния, не теряя своей внутренней природы и значимости для индийцев.

Индусская цивилизация, индуизм, за многие тысячелетия своей истории сформировали определенные модели поведения ее представителей, способных нахождению точек соприкосновения и умению сосуществовать множеству самых разнообразных и не похожих друг на друга племен и социальных слоев населения в едином географическом пространстве, выступая ядром консолидации народов Индии. Играет определенную роль и многолетняя направленность на демократические установки, на которую повлияло длительное английское владычество в Индии. Однако нельзя забывать, что декларация толерантности не есть собственно толерантность. И это подтверждают сложные взаимоотношения народов, в том числе и в СВИ.

Отправным (и, на мой взгляд, ошибочным) пунктом для идеологов превосходства индусской цивилизации могло служить представление о том, что цивилизационный образ Индии может быть единственно верным и определяющим для многонационального населения «лоскутно скроенной» страны. Признание классификации и географии цивилизаций может свидетельствовать о высокой степени готовности государства избежать трагических последствий этнорелигиозных столкновений на границах цивилизационных разломов.

Предположение индийских националистов, что именно индусская цивилизация безоговорочно может быть скрепой во взаимоотношениях народов Индии, была ошибочной и до конца не просчитанной с учетом возможных последствий. Находясь в рамках жестких условий сохранения единого государства и создания единой индийской нации, сторонники преобладания индуизма не учитывали всю сложность цивилизационной картины страны. Декларации БДП (Bharatiya Janata Party) и желание индийских националистов выстраивать национальное государство с абсолютным преобладанием индийцев (концепция *Hindu rashtra*) стала точкой отсчета неповиновения и выступлений практически по всей Индии.

Это проявилось в мощном всплеске националистических настроений, в том числе в СВИ. *Hindu rashtra* натолкнулась на ожесточенное сопротивление

многочисленных местных народов (нага, ассамцы, бодо, мизо, кхаси и так далее), что в конечном счете привело к длительному и кровавому противостоянию с Нью-Дели, которое продолжается (пусть и в латентной фазе) по сей день [15. С. 238].

В этой связи стоит отметить, что основная идея Хантингтона заключается в утверждении, что в мире после Холодной войны культура и различные виды культурной идентификации (которые являются идентификацией цивилизации) могут стать как моделью сплоченности, так и возможностью дезинтеграции и конфликта [16. С. 603]. Это может быть своего рода Сциллой и Харибдой, когда путь к консенсусу становится длительным процессом с большими человеческими, политическими и моральными потерями. И только умение систематизировать и обобщать реальность, понимание причинных связей между явлениями, умение власти и противоборствующих сторон отделять важное от менее значимого, а также умение находить компромисс могут предопределить возможный успех в поиске решения конфликтных ситуаций в обществе.

В то же время поиск «врагов», так необходимых нациям, находящимся в поиске и утверждении превосходства культурной, национальной и религиозной самоидентификации, приводит к эскалации и (в конечном счете) военному противостоянию внутри самих этих наций. И очевидно, что Индия не могла пройти путь становления без потерь. Еще с середины XIX века индийские религиозные реформаторы пытаются убедить общество в исключительности индуизма, когда другие вероисповедания сознательно ставились на нижнюю ступень культурного, религиозного, социального развития, «выносились за скобки» как чуждый элемент.

Во главу угла ставилась главенствующая роль индусов, когда подчеркивалось их приоритетное право на политическое и идеологическое формирование страны. Таким образом, исключалась даже малейшая возможность участвовать в этом процессе приверженцам ислама, христианства, джайнизма, буддизма или сикхизма [17. С. 187]. История человечества знает немало подобных альтернатив, когда меньшинствам навязывается идея отказа от собственной культурной идентичности, от их «чужеземной ментальности», а взамен предлагается вариант общей национальной жизни в пользу большинства по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Идея создания государства индусов *Hindu rashtra* полностью отвечало интересам индуистского большинства, а отсутствие политического опыта привело к тому, что с 1980-х годов идеология хиндутвы («индусскости») стала ключевой в деятельности индусских политиков, идеологическим стержнем пропаганды, легальным прикрытием любых дискриминирующих действий, направленных против национальных меньшинств. Тем не менее, следует отметить, что и меньшинства ненамного отстали в своих стремлениях создания собственной идеологии, протестные методы которой (в том числе в СВИ) периодически принимали террористические, противозаконные формы как способ борьбы против ущемления своих прав.

Теория Хантингтона об обязательном условии поиска врага находит подтверждение в СВИ в ситуации идейных столкновений народов по

этноконфессиональному признаку, отягощенных множеством сохранившихся предрассудков и предубеждений.

Печальный исторический факт, но он бесспорен – народы Ассама, Мегхалаи, Нагаленда, Манипура, Бодоленда, Мизорама, Аруначал-Прадеш и всего северо-востока Индии оказались на границах цивилизационного разлома, став активными участниками разрушительного процесса этноконфессиональных противостояний. В сознании населения за многие десятилетия борьбы сформировались обоюдоострые предубеждения и предрассудки, которые определяют искаженное, конъюнктурно трактуемое восприятие реальности, видение фактов, суждение об их важности и сущности. Все это вносит свой «вклад» в разобщение и нагнетание эскалации на всех уровнях принятия решений. Историческая обида на обстоятельства прочно вошла в обиход жителей СВИ, формируя особый тип «притесненной и оскорбленной» нации или группы. Это привело к потере уже не одного поколения, потратившего силы на военное сопротивление, не принесшее, в конечном итоге, значительных политических или каких-либо иных дивидендов.

Безусловно, ситуация меняется, поскольку федеральным Центром приняты определенные решения, связанные с необходимостью оперативно и кардинально изменить ситуацию. Однако современный конфессиональный состав региона остается таким же сложным образованием последователей разнообразных религиозных течений, что мешает реализовать имеющуюся у Дели программу действий.

Так, в ряде штатов религиозное большинство составляют христиане (Нагаленд, Мизорам), в Ассаме, Трипуре значительна роль мусульман-мигрантов из Бангладеш, что, безусловно, также повышает градус взаимного противостояния. В последнее время в регионе стремительно растет доля христиан, и во многом это вызвано активной миссионерской деятельностью католиков и протестантов. Ситуация вызывает серьезное беспокойство как у местных племенных лидеров, так и у Нью-Дели, который намерен принять закон об ограничении деятельности христианских миссионеров [18. Р. 324].

Особенностью индийских христиан является их апеллирование к Библии для оправдания своей деятельности (например, фразы «Трипура – земля Христа» или «Нагаленд за Христа»). Причем для них является вполне естественным одновременно восхищаться идеями марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуна и посещать мессы. Такого рода конвергенция порождает поистине взрывоопасную смесь. На этом фоне особенно выделяется деятельность НФОТ (Национальный фронт освобождения Трипуры), который настроен наиболее радикально в отношении религии. Еще 1980–1990-е годы в Трипуре происходили обоюдные кровавые столкновения между христианами, мусульманами, индуистами и буддистами, когда НФОТ объявил «вне закона» поклонение священным традиционным индуистским божествам (Дурга, Сарасвати, Лакшми и так далее), совершив акты насилия против их приверженцев и священников. Индийские националисты (в частности, организация *Rashtriya Swayamsevak Sangh*, RSS) также не оставались в стороне, совершая агрессивные действия против неиндуистов.

В Манипуре сепаратисты заявляли о необходимости возрождения санамахи – традиционной веры местных племен. Во многом это своего рода протест против стремительного роста влияния ислама, «импортируемого» мигрантами из Бангладеш. Местное население таким образом протестует против особых привилегий для мигрантов, в частности, применения бенгальской письменности в штате. В Ассаме, Трипуре на политический климат влияют мусульмане-мигранты из Бангладеш, что, безусловно, повышает градус взаимного противостояния. Например, в Ассаме среди лидеров ОФОА (Объединенный фронт освобождения Ассама) встречаются и индуисты, и мусульмане, и христиане. Подобная ситуация служит объектом нападок радикальных националистов, например, из НФОТ [18. Р. 324].

Иная ситуация в другом известном сепаратистском движении Ассама – «Национальном демократическом фронте Бодоленда» (НДФБ), где преобладают христиане. Они требуют перехода языка бодо на латиницу (того же требует и НФОТ в Трипуре), такие «принципиальные» расхождения часто вели к росту насилия, убийствам идейных противников среди видных общественных организаций, придерживающихся гуманистических подходов в решении данной проблемы.

Распространение христианского радикализма в СВИ вызывает ответную агрессию со стороны индийских националистов, которые видят в этом опасном явлении прямое или опосредованное иностранное вмешательство. Лидеры RSS обвиняют прохристианские СМИ в распространении «идеологии освобождения» посредством лозунговой пропаганды из серии «Путь к Христу – это путь народных выступлений». Индуистские идеологи предлагают приравнять подобные издания к сепаратистским и террористическим, поскольку те зачастую в открытую призывают к антиправительственным действиям. Однако пока правительство не идет на такие шаги, пытаясь абстрагироваться от проблемы.

В последнее время растущая угроза со стороны радикальных исламистов (в частности, из Бангладеш) заставила RSS пересмотреть свою позицию в отношении христиан. В частности, глава Союза В. Сударшан заявлял о том, что проникновение террористов из НРБ представляет для региона куда большую опасность, чем традиционное противостояние индуистов и христиан [18. Р. 324]. Однако возможность объединения этих конфессий перед лицом исламской угрозы оказалась скорее призрачной, поскольку непримиримая вражда оказалась сильнее, чем осознанное понимание опасности исламского радикализма и терроризма (за исключением Ассама, где традиционно мусульмане играли важную роль).

Мусульмане в Ассаме создали ряд вооруженных группировок, сильнейшей из которых стала «Мусульманский фронт тигров освобождения Ассама» (Muslim United Liberation Tigers of Assam, MULTA). Она была основана в 1997 году и имеет тесные связи с радикалами-суннитами из Sipah-i-Sahaba Pakistan (SSP). MULTA требовали утвердить систему шариатских судов в Ассаме. В планах MULTA было создание большого исламского Бангладеш (с включением в его состав Ассама и бирманской провинции Аракан,

населенной преимущественно мусульманами бангладешского происхождения). Препятствием служили аресты и смена политических лидеров на менее радикальных и умеренных, кропотливая работа силовых и разведывательных структур [18. Р. 324].

Таким образом, этноконфессиональная ситуация в СВИ на современном этапе вряд ли похожа на «пеструю сумятицу», скорее, это огнедышащий котел с закрытой крышкой, готовый при неблагоприятных условиях сорваться. Тем более что националистическая политика правящей партии БДП, которая так или иначе делает ставку на индуистский национализм, крайне болезненно воспринимается большинством жителей СВИ и их лидерами. Недавняя история с Джамму и Кашмиром (2019-й год) лишней раз продемонстрировала, что правительство Нарендры Моди готово на жесткие меры для «наведения конституционного порядка» даже без оглядки на такие документы, как Резолюция СБ ООН по Кашмиру (1948) [19].

Тем не менее, премьер-министр страны старается занимать по возможности умеренную позицию, стараясь отмежеваться от позиции индусских радикалов, декларируя идею «развития всех и для всех» и предпринимая попытки примирения индуистов, мусульман и христиан. Как любой разумный политик, он признает целесообразность цивилизованных подходов в решении конфессиональной проблемы, признавая право каждого жителя Индии придерживаться собственных религиозных воззрений. В этой связи весьма характерно высказывание Н. Моди: «Мы не можем согласиться с насилием в отношении любой религии под любым предлогом. Я решительно осуждаю такое насилие. Мое правительство не позволит какой-либо из религиозных групп возбуждать ненависть к представителям других религий, открыто или тайно. Принцип равного уважения ко всем верованиям был в течение тысячелетий частью нашей нравственности» [20].

Заключение

Итак, анализируя цивилизационные особенности индийского общества (в том числе в СВИ), следует исходить из того, что мы признаем наличие в Индии различных иных цивилизационных групп (помимо индусской), претендующих на самоопределение и находящихся в конфликте с системообразующей цивилизацией. Это последователи мусульманства, христианства, конфуцианства, буддизма. Если говорить об особенностях народов и племен, населяющих СВИ, то можно выделить множество особых культурных, этнических, религиозных и иных самоидентификационных черт, отличающих их (зачастую коренным образом) от индусской цивилизации. Религия и язык этих «малых» народов оказали значительное воздействие на формирование этнической индивидуальности, сознания, особого видения мира, культурного и духовного развития.

Тысячелетнее разделение религий на отдельные ветви внесло свои коррективы на формирование ментальности народов. Тем не менее, существует ряд факторов, объединяющих народы в условиях совместного проживания.

Это многовековое соседство, экономическая, политическая или военная заинтересованность, так называемая историческая целесообразность, в конце концов, уже более чем семидесятилетняя совместная история в рамках единого государства. Поиск возможностей объединения людей, живущих на территории современной Индии, представляется довольно сложной задачей, и она подразумевает принятие нетривиальных решений.

Вписывается в теорию Хантингтона и утверждение о том, что для народов СВИ, для их самоидентификации, играют огромное значение не только фундаментальные различия (вера, язык, культура), но и, как может показаться на первый взгляд второстепенным (но от этого не менее значимым), внешние факторы, такие как национальная атрибутика, культурные символы, когда культура быта, праздники, танцы, песни и прочее имеют колоссальное значение, поскольку культурная идентификация зачастую определяет национальную и духовную принадлежность.

С учетом анализа Хантингтона очевидным становится, что внутренние проблемы Индии так или иначе сопряжены с межцивилизационным столкновением населяющих ее народов. Отсюда логично вытекают проблемы этнического сепаратизма, болезненные процессы интеграции многочисленных «малых» народов в общее государственное пространство, усугубленные форсированными и непоследовательными методами слияния различных по цивилизационному (национальному, языковому и культурному) признаку регионов.

Рациональность нынешней государственной политики Индии заключается в присутствии понимания фундаментальности проблем, безусловного учета фактора цивилизационных различий внутри общества. По Хантингтону, формула «цивилизованного» требует именно таких практических решений в системе цивилизационных отношений. Решение проблемы сепаратизма лежит в цивилизационном поле, ментальной конвергенции, поскольку иные (в том числе и силовые) пути ведут к разрушению и деградации, наносят ущерб не только нациям СВИ, но и титульной в том числе. Культивирование национальной исключительности в таком государстве, как Индия, чревато только ростом сепаратизма.

Несмотря на то, что в результате значительной либерализации и интенсификации политики в отношении к СВИ конфликт сейчас находится в стадии «медленного (или латентного) горения», тем не менее, он сохраняет свой разрушительный потенциал. Это, в свою очередь, ставит под сомнение национальную безопасность Индии и ее территориальную целостность в условиях нерешенности запроса народов СВИ на равное экономическое, социальное и политическое устройство в рамках общего государства.

Адаптируя мысль Хантингтона к реалиям Индии и ее политике в СВИ, можно предположить, что сохраняется определенная степень вероятности перерастания локальных конфликтов в более масштабные столкновения между группами из различных цивилизаций. При этом Нью-Дели нельзя забывать, что внутренний цивилизационный порядок (основанный на взаимоуважении, уважении к культуре, религии и человеческому достоинству других народов

и наций) является самым надежным средством предупреждения гражданских войн и межнациональных конфликтов.

С моей точки зрения, путь Индии состоит в попытке создания универсальной цивилизации, объединяющей власть и культурные истоки различных общественных групп, при этом нивелирующей мусульманскую воинственность, геополитические притязания Китая и другие дестабилизирующие факторы. Стране необходимо принять парадигму, предусматривающую комплексные варианты решения проблем с учетом интересов цивилизационных меньшинств (в том числе СВИ). И тогда, возможно, эти регионы перестанут быть очагами конфликтов и аренами «столкновения цивилизаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Митрошенков О.А.* Культура и цивилизация (материалы лекции) // Журнал «Личность. Культура. Общество». 2000. Т. 2, вып. 2(3).
- [2] *Braudel Fernand.* *Ecrits sur l'histoire.* Paris, 2013.
- [3] *Дальмайр Ф.* Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм – партикуляризм». – М., 2004.
- [4] Численность населения Индии. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [5] *Das С.К.* *Purvattara me samabeshi vikas (India Water Portal)* (хинди) («Дас С.К. Инклюзивное развитие СВИ (Водный портал Индии)»).
- [6] *Бурас М., Кронгауз М.* Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности // Журнал «Наука и жизнь», № 8. М., 2011.
- [7] *Хайдеггер М.* *Время и бытие.* Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
- [8] Население Индии (Pew Research Center. The Global Religious Landscape). URL: <https://countymeters.info/ru/India>. Дата обращения: 17.02.2020.
- [9] Данные переписи населения Индии 2011 года (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>). Дата обращения 15.02.2020.
- [10] *Дюмулен Генрих.* История дзэн-буддизма. М.: Центрполиграф, 2003. URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/. Дата обращения: 17.04.2020.
- [11] *Меликова К.А.* Конфуцианство и взаимоотношения поколений в Древнем Китае // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М., 2014.
- [12] Данные переписи населения Индии 2011 года (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>). Дата обращения: 15.02.2020.
- [13] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.
- [14] *Баранов С.А.* Сепаратизм в Индии. М.: ИВ РАН, 2003.
- [15] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- [16] *Абрамов Д.Б.* Светское государство и религиозный радикализм в Индии. М.: ИМЭМО РАН, 2011.
- [17] *Bhaumik Subir.* *Troubled periphery: crisis of India's North East.* New Delhi, 2009. URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>. Дата обращения: 05.05.2020.
- [18] *Юрлова Е.С.* Индия. Касты в политике. М.: ИВ РАН, 2017.

REFERENCES

- [1] *Mitroshenkov O.A.* *Kul'tura i civilizaciya (materialy lekcii).* Zhurnal «*Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*». Т. 2(3). М., 2000.
- [2] *Braudel Fernand.* *Ecrits sur l'histoire.* Paris, 2013.

- [3] Dal'majr F. *Global'naya etika: preodolenie dihotomii «universalizm – partikulyarizm»*. M., 2004. (In Russ.).
- [4] Chislennost' naseleniya Indii. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-indii-chislennost>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [5] Das S.K. *Purvattara me samabeshi vikas [India Water Portal]*. (In Hindi).
- [6] Buras M., Krongauz M. Zhizn' i sud'ba gipotezy lingvisticheskoy otositel'nosti. Zhurnal «*Nauka i zhizn'*», (8). M., 2011.
- [7] Hajdegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. M.: Respublika, 1993.
- [8] Naselenie Indii [Pew Research Center. The Global Religious Landscape]. URL: <https://countrymeters.info/ru/India>. [Accessed: 17.02.2020]. (In Russ.).
- [9] Dannye perepisi naseleniya Indii 2011 goda (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>) . [Accessed 15.02.2020]. (In Russ.).
- [10] Dyumulen Genrih. *Istoriya dzen-buddizma*. M.: Centrpoligraf, 2003. URL: https://lenta.ru/articles/2019/12/09/buddha_dhamma/. [Accessed: 17.04.2020]. (In Russ.).
- [11] Melikova K.A. *Konfucianstvo i vzaimootnosheniya pokolenij v Drevnem Kitae*. Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. M., 2014. (In Russ.).
- [12] Dannye perepisi naseleniya Indii 2011 goda (URL: <https://censusindia.gov.in/2011-Common/CensusData2011.html>) . [Accessed: 15.02.2020]. (In Russ.).
- [13] Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma*. M.: «Progress», 1990.
- [14] Baranov S.A. *Separatizm v Indii*. M.: IV RAN, 2003.
- [15] Hantington S. *Stolknovenie civilizacij*. M.: AST, 2003.
- [16] Abramov D.B. *Svetskoe gosudarstvo i religioznyj radikalizm v Indii*. M.: IMEMO RAN, 2011.
- [17] Bhaumik Subir. *Troubled periphery: crisis of India's North East*. New Delhi, 2009. URL: <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriianov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>. [Accessed: 05.05.2020]. (In Russ.).
- [18] Yurlova E.S. *Indiya. Kasty v politike*. M.: IV RAN, 2017.

Research article

North-Eastern India (NER) as an example of “clash of civilizations”

S.A. Mikhailov

Peoples' Friendship University of Russia
10–2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

This article attempts to analyze the current situation in North-Eastern India (NER) in the light of well-known concept “clash of civilizations” developed by S. Huntington (the American political scientist and proponent of the modern version of the civilizational approach to History). One may say that even a superficial glance at NER problems demonstrates a very characteristic example of the visual manifestation of this concept.

The relevance of the work implies the possibilities of practical application of this concept for the analysis of India and NER existing ethnic and religious problems as well as the best ways to solve them.

The author (besides S. Huntington's work “Clash of civilizations”) used the works of the Russian indologists – S. Baranov (“Separatism in India”), B. Klyuyev (“Religion and conflict in India”), K. Likhachev (“Ethnic separatism in NER: old problems in the new century”) and the book of the Indian specialist on separatism in NER S. Bhaumik (“Troubled periphery: crisis of India's North East”) as well as other sources.

Keywords: North-Eastern India (NER), “clash of civilizations”, civilization, identity, ethnic separatism and nationalism

Информация о авторе / Information about the author

Михайлов Сергей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, e-mail: wetter248@mail.ru.

Sergey Mikhailov – postgraduate student of the Chair of the World history, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: wetter248@mail.ru.

Для цитирования / For citations

Михайлов С.А. Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 324–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Mikhailov S.A. North-Eastern India as an example of “clash of civilizations” // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 324–337. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-324-337

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 02.07.2020

ИДЕИ И ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ IDEAS AND POLITICS IN HISTORY

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-338-353

Научная статья

Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте американского проекта «Индо-Тихоокеанский регион»

Н.Г. Рогожина

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук
117997, Россия, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23

Статья посвящена анализу подхода стран Юго-Восточной Азии к построению архитектуры безопасности в регионе в рамках реализации проекта «Индо-Тихоокеанский регион» в формате, продвигаемом США. В статье подробно исследуются факторы, определяющие отношение стран ЮВА к американской доктрине «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», которая оценивается ими как стратегически рискованная и ведущая к деформации сложившейся системы безопасности в регионе при потере АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) своей центральной роли в обеспечении ее стабильности.

Ответной реакцией стран ЮВА на внешние вызовы стало формирование собственной концепции ИТР, в которой отражаются их взгляды на характер взаимоотношений внутри складывающейся региональной общности. Автор подробно анализирует содержание доктрины АСЕАН, акцент в которой делается на укрепление экономического сотрудничества между странами Тихого и Индийского океанов в отличие от геостратегической направленности американской концепции. Выделяются три основные направления сотрудничества – морское сотрудничество, развитие коммуникационной связи и взаимодействие в достижении Целей устойчивого развития. Предлагая такой формат ИТР, страны АСЕАН исходят из необходимости укрепления доверия между странами как важнейшего условия поддержания мира и порядка в регионе на основе традиционных принципов деятельности АСЕАН. К ним относятся: открытость, прозрачность, инклюзивность, законность, уважение суверенитета, невмешательство, равноправие, взаимное доверие и уважение. Позиция АСЕАН остается неизменной в вопросе сохранения за ней центральной роли в эволюции региональной архитектуры безопасности. Выступая с позиции мультирализма, АСЕАН видит путь к преодолению конфликта интересов в регионе в условиях обостряющегося соперничества между США и Китаем в создании синергетической системы безопасности на основе механизмов, ассоциированных с АСЕАН. ИТР в концепции АСЕАН

© Рогожина Н.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

предстает как регион диалога и сотрудничества, а не конкуренции, открытый для участия в проекте и Китая.

Автор приходит к выводу, что такая постановка вопроса оправданна как с точки зрения стратегических интересов самих стран ЮВА, так и в целом всего региона, если взаимоотношения внутри него будут строиться на принципах, отстаиваемых АСЕАН.

Однако, как подчеркивает автор, проект ИТР, предложенный странами ЮВА, порождает много вопросов, главным из которых является его осуществимость в условиях намечающегося раскола региона по оси соперничества США–Китай за лидерство в Азии. И тем не менее, как отмечает автор, укрепление экономического взаимодействия между странами, расположенными в бассейне двух океанов, создает основу для роста их заинтересованности в создании стабильной архитектуры безопасности.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, безопасность, Индо-Тихоокеанский регион, центральность АСЕАН, региональный порядок

Геостратегический проект «Индо-Тихоокеанский регион»

Десять стран, входящих в состав АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), в июне 2019 г. после длительных переговоров и обсуждений приняли стратегию по Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР) – «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион», в которой отражена их совместная позиция по построению архитектуры безопасности в регионе. Решение по этому вопросу далось им нелегко. Продвигаемый активно США проект «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» порождал много вопросов и, чтобы ответить на них, потребовалось время и поиск наиболее оптимальных для стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) форм адаптации к новой геополитической ситуации. Американскую доктрину ИТР они оценивали как стратегически рискованную для себя.

Хотя термин ИТР использовался в научном дискурсе уже достаточно давно, а в политический лексикон вошел с подачи премьер-министра Японии Синдзо Абэ еще в 2007 г., однако только Д. Трамп внес в эту идею реальное геостратегическое содержание и сделал ее предметом широкого обсуждения. Выступая на саммите АТЭС в Дананге во Вьетнаме в 2017 г., он впервые заговорил о создании новой конструкции безопасности в рамках «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона».

В задачу новой администрации входит укрепление позиции США в Азии за счет расширения географических границ их участия в форсировании новой сетевой системы безопасности в регионе с вовлечением как можно большего числа стран, разделяющих принципы ее построения. К таковым, по мнению руководства Белого дома, относятся:

- уважение суверенитета и взаимозависимости всех стран;
- мирное разрешение конфликтов;
- свободная, честная торговля, осуществляемая на принципе взаимности и основанная на прозрачных соглашениях;

- соблюдение правил и норм международного права, в том числе и в части свободы навигации и воздушного сообщения [1].

Этот геостратегический проект США, предполагающий в теории коалицию стран в интересах «предотвращения агрессии, поддержания стабильности и обеспечения свободного доступа к общественным ресурсам» [2] уже получил поддержку крупных региональных игроков, таких как Австралия, Япония и Индия. Несмотря на имеющиеся различия в их оценке приоритетных задач построения новой региональной общности, они едины в признании необходимости поддержания уже развивающегося тренда на укрепление экономической и военно-политической взаимосвязи между странами, расположенными в бассейне двух океанов.

По мнению Д.В. Стрельцова, анализ этих процессов позволяет сделать вывод о формировании новой региональной общности [3. С. 65–74]. Хотя идея американского проекта ИТР имеет объективное экономическое обоснование, тем не менее его экономическая составляющая не является основополагающей, скорее производной от военно-политической. Его целью, по замыслу США, является поддержания «баланса сил», а иначе – сдерживание Китая, амбиции которого на доминирование не только в АТР, но и в Индийском океане превращаются в угрозу для обеспечения порядка, основанного на верховенстве права [4].

Опасения по поводу наращивания военно-политической и экономической активности Китая в бассейне Индийского и Тихого океанов разделяют и другие региональные лидеры, что послужило толчком для возобновления в 2017 г. переговоров в рамках четырехстороннего диалогового формата по вопросам безопасности – Quadrilateral Security Dialogue (“Quad”) с участием США, Индии, Японии и Австралии. В действиях Китая и в его долгосрочных стратегических планах они усматривают угрозу региональному порядку, своим экономическим и стратегическим интересам [5. Р. 22].

Но даже среди участников Quad, несмотря на их общую позицию относительно необходимости поддержания регионального порядка и возрастающие опасения по поводу амбиций Китая, нет единства по вопросу: как идея «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» будет воплощаться в их внешней политике [6. Р. 2].

Появление концепции «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» связано с обострением американо-китайского экономического и стратегического соперничества, которое США хотят выиграть за счет мобилизации поддержки региональных стран, к которым относятся и страны ЮВА. Интерес США к ним вполне закономерен. И не только потому, что они представляют собой активно экономически развивающийся субрегион (страны ЮВА, в которых проживают ныне свыше 640 млн человек, к 2050 г. по совокупности могут стать четвертой экономикой мира), но и потому, что объединенные в институт АСЕАН играют важную роль в построении архитектуры безопасности в Азии. Жизнеспособность проекта ИТР напрямую зависит от вовлечения в него стран ЮВА.

Попытки получить их согласие на участие в проекте «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» предпринимались администрацией США на протяжении последних двух лет, но каждый раз наталкивались на их пассивное сопротивление. Их настороженное и даже скептическое отношение к американской концепции ИТР [7] была вызвана оценкой тех рисков, которые несет ее реализация для стран АСЕАН и организации в целом.

Позиция стран Юго-Восточной Азии по американской концепции ИТР

Концепция не вызывала споров в той части, которая касалась поддержания регионального порядка, основанного на правилах, или положения о свободе судоходства и равного доступа к общемировым ресурсам. Страны ЮВА также признавали факт наличия стратегической, экономической и логистической связи между странами Индийского и Тихого океанов и приветствовали возрастающую роль Индии в решении региональных проблем. Однако их интерес к участию в проекте ИТР сдерживался возникшими опасениями по целому ряду проблем, которые они пытались для себя прояснить.

Во-первых, их настораживала и даже отпугивала направленность проекта ИТР на противодействие Китаю. На вопрос, как его страна реагирует на американскую концепцию «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун заметил: «Мы не хотим оказаться в ситуации наличия конкурирующих блоков и необходимости выбора сторон» [8]. Выступая на форуме по безопасности Shangri-La Dialogue 31 марта 2019 г., на котором соперничество между США и Китаем стало главной темой повестки дня, премьер-министр Сингапура высказал глубокую озабоченность стран ЮВА по поводу обостряющегося конфликта интересов двух супердержав. Он призвал США и Китай к сотрудничеству и отказу от политики, ведущей к расколу региона на блоки [9].

Страны ЮВА, несмотря на наличие территориальных сопоров с Китаем в Южно-Китайском море и опасений по поводу наращивания им военного присутствия в Восточной Азии, избегают открытого конфликта с ним, прежде всего по экономическим соображениям. Хотя экономические связи США со странами ЮВА остаются на достаточно высоком уровне: американский экспорт товаров и услуг составил в 2018 г. 106 млрд долл., прямые инвестиции – 329 млрд долл. (превышая суммарную объем вкладов в Японию, Китай, Индию и Южную Корею), а оказываемая помощь развитию оценивалась в 800 млн долл., тем не менее КНР, которая активно наращивает свое экономическое присутствие в регионе, отодвигает США на вторые позиции. Китай стал основным торговым партнером стран АСЕАН. Торговой оборот между ними достиг 591 млрд долл. в сравнении со 272 млрд долл. с США [10. Р. 13].

Несмотря на то, что страны ЮВА в разной степени зависят от торговли с КНР и притока китайских инвестиций [11. С. 42–44], тем не менее проект ИТР в том виде, в каком он был представлен США, экономически проигрывает китайскому плану «один пояс, один путь». Учитывая долгосрочный

тренд на экономическое сближение стран АСЕАН с Китаем, не возникает сомнений в том, что на дипломатическом и стратегическом пространстве они будут сохранять нейтралитет, даже несмотря на признание роли США в обеспечении региональной безопасности [12. Р. 5]. По данным опроса общественного мнения, проведенного сингапурским Институтом исследования Юго-Восточной Азии (ISEAS) в 2019 г., на вопрос, «какая страна оказывает наибольшее экономическое влияние на страны ЮВА», 73,3% респондентов ответили «Китай», в то время как только 7,9% проголосовали за США [13. Р. 20]. Поэтому страны ЮВА считали и по-прежнему считают для себя нецелесообразным участвовать в американском проекте ИТР, имеющим явную антикитайскую направленность, предпочитая проводить политику равноудаленности от конкурентной борьбы между США и Китаем за лидерство в Азии.

Во-вторых, страны ЮВА не скрывали своей озабоченности по поводу возможной (в случае реализации американского проекта ИТР) маргинализации их положения в системе региональной безопасности, в которой они, объединенные в институт АСЕАН, отводят себе центральное место [14. Р. 3] «Центральность» для АСЕАН означает обеспечение интересов субрегиона как единого целого и продвижение его интересов на региональный и мировой уровень. Этому в немалой степени способствует создание аффилированных с деятельностью АСЕАН многосторонних механизмов безопасности – (Восточноазиатский форум (ВАС); Региональный форум АСЕАН (АРФ); Совещание министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу (СМОА+), которые, по общему мнению стран ЮВА, в наибольшей мере содействуют поддержанию порядка и стабильности в регионе на основе баланса интересов. При этом АСЕАН в этих институтах видит себя как законодателя ценностей и принципов, которые должны принять все присутствующие в регионе державы и на основе которых они должны решать возникающие вопросы [15].

Страны АСЕАН полагали, что если они поддержат концепцию «открытый и свободный Индо-Тихоокеанский регион», то их принципы инклюзивности и нейтралитета во внешнеполитической деятельности будут подорваны. Несмотря на все заверения США и Индии, что «центральность» АСЕАН будет сохранена и станет основой новой конструкции безопасности в ИТР, недоверие к предлагаемому проекту сохранялось. И подозрительность только усилилась с возобновлением переговоров в рамках “Quad”, что страны АСЕАН восприняли однозначно как угрозу своей центральной роли в регионе [16].

По мнению Евана Лаксмана, эксперта индонезийского Центра стратегических и международных исследований, “нейтралитет и инклюзивность являлись многолетними и фундаментальными принципами АСЕАН. Отсюда и понятное нежелание их пересматривать, несмотря на глубокие изменения, происходящие в регионе и появление новых вызовов» [17].

Внешнеполитическая ситуация складывается неблагоприятно для стран АСЕАН, которые оказались вовлеченными в «новую великую игру» – в борьбу великих держав за влияние в Азии, когда каждая из них стремится переманить их на свою сторону, используя различные рычаги давления на них. И эта тенденция, судя по всему, имеет долгосрочный характер и будет

определять политический, экономический и дипломатический контекст развития стран ЮВА. Усиливающееся соперничество между США и Китаем в Азии превращается в фактор риска для самих стран ЮВА и угрожает их единству. Уже сегодня проявляются их экономические и политические предпочтения. Одни явно склоняются в сторону Китая, другие, наоборот, выражают поддержку США. И этот наметившийся раскол внутри АСЕАН не только осложняет решение задачи по созданию единой общности, но подрывает целостность организации и ведет к ослаблению ее дипломатической роли. Перед АСЕАН встает вопрос, как сохранить (и насколько это возможно) свою центральность в регионе, разделенном на группы интересов.

Возникшая ситуация поставила их перед дилеммой. С одной стороны, они осознавали риски, связанные с признанием ИТР, с другой стороны, понимали, что игнорирование этой проблемы чреват потерей своего дипломатического авторитета и ослаблением стратегических позиций. Географическое расположение стран ЮВА на стыке двух океанов диктует необходимость их вовлечения в диалог по формированию концепции безопасности в ИТР.

Пути решения этой непростой задачи в условиях отсутствия единства мнений среди стран ЮВА виделись в формировании согласованной концепции АСЕАН (1). К этому призывало руководство стран ЮВА и экспертное сообщество, мнение которого сводилось к тому, что в противном случае АСЕАН вынуждена будет играть по чужим правилам, и интересы стран ЮВА не будут учитываться в новом образовании [18]. По мнению Тан Сью Муна, главы Центра изучения АСЕАН сингапурского Института исследования Юго-Восточной Азии (ISEAS), АСЕАН должна продумать свое будущее как «центральное объединение в ответ на оказываемое на нее давление в интересах формирования более широкой и инклюзивной формы регионализма» [19].

После длительных дебатов страны ЮВА пришли к мнению, что их голос будет услышан только в случае выработки общей позиции. Они слишком малы, чтобы в одиночку противостоять оказываемому на них давлению со стороны США и Китая. Но как коллективный организм, состоящий из небольших и средних по размеру стран, АСЕАН может попасть в «основную лигу» и занять важное место на экономическом и стратегическом пространстве ИТР, поддерживая необходимый баланс сил.

Индонезийская концепция ИТР

Ответственность по подготовке стратегии АСЕАН в ИТР была возложена на Индонезию. И то, что выбор пал на нее, неслучайно. Индонезия с 2015 г. стала активно разрабатывать концепцию ИТР. Еще в свой первый срок пребывания на посту президента Джоко Видодо (2014–2019 гг.) поставил цель превратить Индонезию в ведущую страну на стратегическом пространстве ИТР, используя географическое положение страны: под ее контролем находятся основные проливы, соединяющие Индийский и Тихий океаны. Руководство Индонезии понимало, что достичь этой цели возможно только при поддержке других стран АСЕАН. Как признала индонезийский министр

иностранных дел Ретно Марсуди, принятие странами АСЕАН концепции ИТР укрепит статус Индонезии как лидера организации и как региональной державы [20]. В практическом плане реализация этой задачи началась еще при предыдущем министре иностранных дел Марти Наталегава, который еще в 2013 г. предложил расширить формат договора о Дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии с включением в его состав основных диалоговых партнеров АСЕАН – КНР, Японию, Республику Корею, Австралию, Новую Зеландию, Индию, США и Россию. Предложено было назвать его Индо-Тихоокеанский договор о дружбе и сотрудничестве. Однако идея Мартина Наталегава не была реализована [21. С. 43].

Индонезия предложила свой вариант стратегии во время встречи министров иностранных дел АСЕАН в январе 2018 г., что послужило толчком к активному обсуждению этой проблемы в течение последующих 18 месяцев, в ходе которых страны ЮВА определили для себя основополагающие ее элементы с учетом рекомендаций индонезийской стороны. По мнению Индонезии, конструкция безопасности в ИТР должна опираться на следующие принципы: центральность АСЕАН, инклюзивность (включая Китай), открытость, прозрачность, консенсус как механизм принятия решений с опорой на использование политических и дипломатических средств, соблюдение международного права [22].

Реализации этих принципов взаимодействия в регионе как нельзя лучше соответствуют уже проверенные временем институты региональной безопасности, сформированные вокруг АСЕАН, и прежде всего ВАС (2). Однако обеспечение порядка и поддержание мира в ИТР диктуют необходимость установления тесной связи с другими механизмами безопасности и сотрудничества в регионе в целях налаживания партнерских отношений между странами [23]. Индонезия исходила из того, что такой формат взаимодействия в ИТР позволит минимизировать негативные последствия стратегического соперничества США и Китая и сохранить за АСЕАН центральное место в региональной структуре безопасности, а странам бассейнов двух океанов избежать включения в навязываемые великими державами альтернативные структуры [20].

Пыталась убедить своих коллег по блоку в правомерности принятия ими индонезийской концепции «Сотрудничества в ИТР», Ретно Марсуди отмечала, что Индонезия не стремится создавать новую региональную архитектуру, но хочет оптимизировать уже имеющуюся и принцип центральности АСЕАН [24]. При этом за основу кодекса поведения в ИТР предлагалось взять Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

Концепция АСЕАН по Индо-Тихоокеанскому региону

Насколько страны АСЕАН учли пожелания и рекомендации Индонезии, можно судить по тексту их совместного заявления на 34-м саммите АСЕАН 23 июня 2019 г. Как отметил премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун, «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» отражает их совместную позицию по сохранению центральности АСЕАН, поддержанию внутреннего единства,

развитию экономического сотрудничества и установлению мирового порядка, опирающегося на нормы международного права. «Я надеюсь, – сказал премьер-министр, – что этот документ будет способствовать укреплению существующей вокруг АСЕАН инклюзивной региональной архитектуры безопасности и поддержанию стабильности в интересах всех стран» [25].

Посыл АСЕАН на обеспечение мира и порядка в регионе – очевиден. И тем не менее содержание заявления оставляет двойственное впечатление, если оценивать его с точки зрения практической реализации поставленной АСЕАН задачи по созданию такой архитектуры безопасности в ИТР, которая исключала бы деструктивное влияние на нее стратегической конкуренции Китая и США и опиралась бы на следующие принципы: открытость, прозрачность, инклюзивность, законность, уважение суверенитета, невмешательство, равноправие, взаимное доверие и уважение.

Вслед за США, Австралией, Японией и Индией АСЕАН признает правомерность использования термина ИТР в отношении новой экономической общности, связанной единым морским пространством (в заявлении термин ИТР употребляется 26 раз, в то время как АТР лишь 6 раз). По мнению Тхитинана Понгсудирака, эксперта тайландского Института безопасности и международных исследований, это свидетельствует о «парадигматическом сдвиге» в оценке реалий сегодняшнего дня [26].

Позиция АСЕАН остается неизменной в вопросе сохранения за ней центральной роли в эволюции региональной архитектуры безопасности, что аргументируется географическим расположением стран ЮВА в центре Тихого и Индийского океанов. Выступая с позиции мультирализма, АСЕАН не видит иных возможностей для преодоления конфликта интересов в регионе и обеспечения его стабильности кроме как создание синергетической системы безопасности на основе имеющихся механизмов, ассоциированных с АСЕАН, и прежде всего ВАС [27]. В то же время подчеркивается необходимость их взаимодействия с другими региональными форумами (Ассоциация стран бассейна Индийского океана (IORA); Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC); Сотрудничество стран бассейна реки Меконг) в целях развития экономического сотрудничества в ИТР.

В этом заключается главная идея и направленность концепции АСЕАН. Она переориентирует страны ИТР с военно-политической тематики дискуссии на экономическую. В отличие от других доктрин ИТР, упор в которых делается на объединение стран вокруг понятия «общие ценности», к каковым в первую очередь относятся демократические нормы, АСЕАН акцентирует внимание на общих интересах, таких как развитие и процветание. По мнению стран ЮВА, залогом обеспечения стратегической безопасности и поддержания порядка в регионе в интересах всех участников проекта ИТР является укрепление их экономической взаимосвязанности.

Выделяется три приоритетные сферы сотрудничества – морское сотрудничество, развитие коммуникационной системы, достижение целей устойчивого развития. Необходимость расширения морского сотрудничества аргументируется тем, что существующие и возникающие геополитические вызовы, с которыми сталкиваются страны региона, аккумулируются вокруг

морских проблем. К ним относятся неразрешенные морские споры, способные перерасти в открытый конфликт, неустойчивая эксплуатация морских ресурсов и загрязнение океанов и морей. Для решения этих проблем, говорится в документе, следует использовать мирные средства и опираться на принципы международного права в целях обеспечения безопасности на море и свободы навигации, поддержания экологической устойчивости [28].

Заинтересованность стран АСЕАН в коммуникационном взаимодействии объясняется тем, что его слабое развитие сдерживает расширение экономического сотрудничества в ИТР, в чем крайне заинтересованы и страны ЮВА. По их мнению, будущие инициативы в этой сфере должны дополнять и поддерживать их собственные проекты в рамках Генерального плана взаимосвязанности АСЕАН до 2025 г. (МРАС).

Выделяя приоритетным направлением сотрудничества достижение Целей устойчивого развития до 2030 г., страны АСЕАН руководствуются двумя соображениями – значимостью совместных действий в этой сфере для самих стран региона и вкладом ИТР в решение глобальных проблем в интересах всего человечества.

Стратегия АСЕАН в ИТР, в первую очередь, направлена на укрепление экономических и политических позиций самих стран ЮВА в складывающейся новой общности. Они рассматривают формат ИТР как возможность для получения реальных экономических выгод от налаживания интеграционных связей со странами бассейна Индийского океана. Последнее предполагает создание благоприятного для этого политического климата путем умиротворения антикитайских настроений, присутствующих в других доктринах ИТР [27].

ИТР в концепции АСЕАН предстает как регион диалога и сотрудничества, а не конкуренции, открытый для участия в проекте и Китая. Оставаясь верными принципам нейтралитета во взаимоотношениях с великими державами и сохраняя дистанцированность от стратегического соперничества между ними, страны ЮВА проявляют осторожность и по вопросу территориальных споров с Китаем в Южно-Китайском море. Однако это не исключает того, что они открыто выражают свою озабоченность по поводу угрозы использования великими державами военной и экономической силы для усиления своих позиций в регионе. Дипломатичность подхода АСЕАН к ИТР проявляется и в том, что в принятом заявлении «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» не рассматриваются и не критикуются другие концепции.

Принятие странами АСЕАН стратегии в ИТР – это заявка на их участие в проекте в качестве независимых и самостоятельных акторов, имеющих свою четкую позицию по ключевым проблемам взаимодействия между странами бассейнов двух океанов. Его основой должно стать экономическое сотрудничество при сохранении центральной роли АСЕАН как структуры, стремящейся к достижению консенсуса в разрешении возникающих конфликтов интересов.

Безусловно, такая постановка вопроса оправданна не только с точки зрения стратегических интересов самих стран ЮВА, но и в целом всего региона, если взаимоотношениями внутри него будут строиться на принципах, отстаиваемых АСЕАН.

Намерения АСЕАН очевидны. Но как они будут реализоваться на практике? По мнению Тан Сю Муна из сингапурского Института исследования Юго-Восточной Азии (ISEAS), «АСЕАН четко обозначила свой нарратив, который должен учитываться в дискурсе по ИТР. Но АСЕАН не может ограничиться заявлением, ей необходимо предпринять конкретные действия для защиты своих интересов» [29]. Однако ответа на этот вопрос в принятом документе нет.

Как и на другой вопрос: отвечает ли позиция стран ЮВА интересам других игроков на пространстве ИТР, в том числе и в части сохранения «центральности» АСЕАН? Проблематична в плане воплощения и предложенная АСЕАН схема взаимодействия, основанная на диалоге и сотрудничестве всех стран региона в ситуации обостряющейся стратегической, экономической и технологической конкуренции между США и Китаем, ведущей к разъединению стран региона по «осевому» принципу. И является ли концепция АСЕАН по ИТР гарантией того, что сами страны ЮВА будут следовать ей при проведении своей внешней политики при наличии между ними разногласий по целому ряду вопросов, в том числе и по конфликту с КНР в Южно-Китайском море?

Говорить сегодня об осуществимости проекта ИТР в форматах, предложенных как США, так и АСЕАН, пока трудно, учитывая существующие между ними отличия в представлении о том, на каких принципах должны строиться взаимоотношения между странами региона. Дискуссии, как и согласование мнений, продолжаются. Антикитайская направленность американского проекта ИТР не встречает поддержки не только у стран АСЕАН. В этом вопросе с ними солидаризируется и Австралия, союзник США. Премьер-министр страны Скотт Моррисон во время визита в Сингапур в ноябре 2018 г. заявил: «Австралия не должна стоять перед выбором – США или Китай. И мы не будем выбирать» [30].

Заслуживает внимания и мнение экспертов института Брукингс. Их рекомендации администрации Д. Трампа сводятся к тому, что необходимо пересмотреть американскую политику в регионе, чтобы сохранить стратегическую и экономическую привлекательность США для стран ЮВА. И в этих целях предлагается перестать демонизировать Китай и всячески поддерживать позицию АСЕАН по формированию регионального порядка, основанного на принципах инклюзивности, процветания и центральности АСЕАН, что, с точки зрения экспертов, отвечает интересам самих США [10. Р. 19–20].

Пройдет еще немало времени, прежде чем ИТР поучит институциональное оформление. Но это не исключает того, что экономические связи между странами будут укрепляться из года в год, вне зависимости от их видения формата ИТР. И хотя концепция АСЕАН в ИТР не дает ответа на многие проблемы сегодняшнего дня, однако предлагает долгосрочный план по укреплению интеграционных связей в регионе с перспективой формирования инклюзивной архитектуры безопасности.

Примечания

- (1) Филиппины и Камбоджа первоначально отказывались обсуждать этот вопрос в рамках АСЕАН. Лаос, Бруней и Мьянма хранили молчание. Индонезия, Сингапур, Вьетнам, Таиланд и Малайзия выступали в поддержку данной инициативы, но каждая из сторон хотела использовать ситуацию в своих интересах.
- (2) ВАС создан в 2005 г. как платформа для обсуждения стратегических вопросов лидерами стран АСЕАН с партнерами по диалогу (Россия, Австралия, Индия, Китай, Республика Корея, Новая Зеландия, США и Япония).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Indo-Pacific Strategy Report, 2019: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense, June 1, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [2] Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [3] *Стрельцов Д.* Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // *Международная жизнь*. 2018. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [4] *Paul Becker* “The ‘Indo-Pacific’: Redrawing the Map to Counter China,” *The Cipher Brief*, January 12, 2018. URL: https://www.thecipherbrief.com/column_article/indo-pacific-redrawing-map-counter-china. (accessed 10.10.2019). Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [5] *Lee J.* The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN // *Trends in Southeast Asia* 2018. № 1.
- [6] *Hoang Thi Ha.* ASEAN Outlook on the Indo-Pacific: Old Wine in New Bottle? PERSPECTIVE, Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, Issue: June 25 2019. № 51.
- [7] *Bilahari Kausikan.* “ASEAN: Agnostic on the Free and Open Indo-Pacific”, *The Diplomat*, 27 April 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/asean-agnostic-on-the-free-and-open-indo-pacific/>. Дата обращения: 10.10. 2019.
- [8] Responses by Prime Minister Lee Hsien Loong to Questions from Australian Media, 17 March 2018. URL: https://theaustralianatnewscorpau.files.wordpress.com/2018/03/australian-media-interview_final.pdf. Дата обращения: 10.10.2019.
- [9] *Storey Ian.* Contending US and Chinese Visions for Regional Order at the Shangri-La Dialogue: A Mixed Reception from Southeast Asia // PERSPECTIVE Singapore YUSOF ISHAK INSTITUTE, 7 August 2019. ISSUE: № 59.
- [10] *Stromseth J.* Don’t Make Us Choose: Southeast Asia In The Throes Of Us-China Rivalry // *Foreign Policy at Brookings*, October 2019.
- [11] *Рогожина Н.Г., Рогожин А.А.,* Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии – условие проведения политики “мягкой силы” // *Мировая экономика и международные отношения*, 2019. Т. 63. № 4.
- [12] *Daljit Singh,* “Southeast Asia’s Uneasy Position in America’s Indo-Pacific Strategy” // PERSPECTIVE, Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, November 28, 2018, ISSUE: 2018 № 76.

- [13] *Tang Siew Mun, Moe Thuzar, Hoang Thi Ha.* The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report. The ASEAN Studies Centre at ISEAS-Yusof Ishak Institute. 29 January 2019. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf. Дата обращения: 10.10.2019.
- [14] *Chong Ja Ian.* Still in the driver's seat or asleep at the wheel ? // East ASIA Forum QuArterly, January–March 2018, vol. 10, № 1.
- [15] *Цветов А.* Россия и АСЕАН: поиски экономической синергии и политического единомыслия. М.: Московский Центр Карнеги. Май 2016. URL: <https://carnegie.ru/2016/05/19/ru-pub-63618>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [16] *Amitav Acharya.* Why Asean's Indo-Pacific Outlook Matters // East Asia Forum. 11.08.2019. URL: https://www.eastasiaforum.org/?p=198717?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter2019-08-11. Дата обращения: 10.10.2019.
- [17] *Evan A. Laksmana.* Why the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific is Defective. September 19, 2019. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/flawed-assumptions-why-the-asean-outlook-on-the-indo-pacific-is-defective>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [18] *Lynn Kuo.* Shangri-La Dialogue: Negotiating the Indo-Pacific security landscape. The Straits Times, June 1, 2018. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/negotiating-the-indo-pacific-security-landscape>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [19] *Tan Hui Yee.* What comes after Asean's Indo-Pacific vision is more crucial, say analysts. June 23, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/what-comes-after-aseans-indo-pacific-vision-is-more-crucial-say-analysts>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [20] *Weatherbee D.* ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept // PERSPECTIVE Singapore YUSOF ISHAK INSTITUTE. 7 June 2019, Issue № 47.
- [21] *Колдунова Е.В.* Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций / Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1. № 2.
- [22] *Suryadinata Leo.* Indonesia and its Stance on the “Indo-Pacific” PERSPECTIVE Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, 23 October 2018. Issue №. 66.
- [23] *Retno L.P. Marsudi* Foreign Minister of Indonesia. Time to deepen Indo-Pacific cooperation. Jakarta Post, March 20, 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [24] *Nazia Hussain, Tan Ming Hu.* The Indo-Pacific: Clarity, Inclusivity and ASEAN Centrality. August 21, 2018. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/08/21/the-indo-pacific-clarity-inclusivity-and-asean-centrality/>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [25] *Tan Hui Yee.* Asean agrees on common vision for Indo-Pacific region. The Straits Times, June 24 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/asean-agrees-on-common-vision-for-indo-pacific-region>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [26] *Melissa Conley Tyler.* The Indo-Pacific is the New Asia. 28 Jun 2019. URL: <http://www.lowyinterpreter.org/the-interpreter/indo-pacific-new-asia>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [27] *Kliem F.* ASEAN's Indo-Pacific Dilemma: Where To From Here? RSIS COMMENTARY S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), Nanyang Technological University (NTU), Singapore, 6 August, 2019.
- [28] “Asean Outlook On The Indo-Pacific”. URL: <https://www.asean2019.go.th/en/news/asean-outlook-on-the-indo-pacific/>. Дата обращения: 10.10.2019.
- [29] *Tan Hui Yee.* Asean issues collective vision for Indo-Pacific as it attempts to reclaim geopolitical narrative. The Straits Times., June 23, 2019. URL: https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/asean-issues-collective-vision-for-indo-pacific-as-it-attempts-to-reclaim-geopolitical?utm_source=emarsys&utm_medium=email&utm_campaign=ST_Newsletter_AM&utm_term=Asean+issues+collective+vision+for+Indo-Pacific+as+it+

attempts+to+reclaim+geopolitical+narrative&utm_content=24%2F06%2F2019. Дата обращения: 10.10.2019.

- [30] Phillip Coorey, “Scott Morrison: ‘We Won’t Choose’ between US, China,” *Financial Review*, November 16, 2018. URL: <https://www.afr.com/world/asia/scott-morrison-a-turning-point-in-china-ties-20181115-h17y1g>. Дата обращения: 10.10.2019.

REFERENCES

- [1] Indo-Pacific Strategy Report, 2019: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense, June 1, 2019. P. 3–6. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [2] Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [3] Streltsov D. Indo-Pacific region as a new reality of the global system of international relations. *International life*. 2018. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [4] Becker P. The “Indo-Pacific”: Redrawing the Map to Counter China. *The Cipher Brief*, January 12, 2018. URL: https://www.thecipherbrief.com/column_article/indo-pacific-redrawing-map-counter-china. [Accessed 10.10.2019]. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [5] Lee J. The “Free and Open Indo-Pacific” and Implications for ASEAN. *Trends in Southeast Asia* 2018. (1).
- [6] Hoang Thi Ha. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific: Old Wine in New Bottle? PERSPECTIVE, *Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, Issue: June 25 2019*. (51).
- [7] Bilahari Kausikan. “ASEAN: Agnostic on the Free and Open Indo-Pacific”, *The Diplomat*, 27 April 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/05/asean-agnostic-on-the-free-and-open-indo-pacific/>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [8] Responses by Prime Minister Lee Hsien Loong to Questions from Australian Media, 17 March 2018. URL: https://theaustralianatnewscorpau.files.wordpress.com/2018/03/australian-media-interview_final.pdf. [Accessed: 10.10.2019].
- [9] Storey Ian. Contending US and Chinese Visions for Regional Order at the Shangri-La Dialogue: A Mixed Reception from Southeast Asia. PERSPECTIVE Singapore YUSOF ISHAK INSTITUTE, 7 August 2019. ISSUE: (59).
- [10] Stromseth J. Don’t Make Us Choose: Southeast Asia In The Throes Of Us-China Rivalry. *Foreign Policy at Brookings*. October 2019.
- [11] Rogozhina NG., Rogozhin AA., China’s economic presence in Southeast Asia is a condition for pursuing a policy of “soft power”. *World Economy and International Relations*, 2019, Volume 63, (4).
- [12] Daljit Singh, “Southeast Asia’s Uneasy Position in America’s Indo-Pacific Strategy”. PERSPECTIVE, Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, November 28, 2018, ISSUE: 2018, (76).
- [13] Tang Siew Mun, Moe Thuzar, Hoang Thi Ha. The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report. The ASEAN Studies Center at ISEAS-Yusof Ishak Institute. 29 January 2019 URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/TheStateofSEASurveyReport_2019.pdf [Accessed: 10.10.2019].

- [14] Chong Ja Ian. Still in the driver's seat or asleep at the wheel? *East ASIA Forum Quarterly*, January – March 2018, vol. 10, (1).
- [15] Tsvetov A. *Russia and ASEAN: the search for economic synergy and political like-mindedness*. М.: Carnegie Moscow Center. May 2016. URL: <https://carnegie.ru/2016/05/19/ru-pub-63618>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [16] Amitav Acharya. *Why Asean's Indo-Pacific Outlook Matters*. *East Asia Forum*. 11.08.2019. URL: https://www.eastasiaforum.org/?p=198717?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter2019-08-11. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [17] Evan A. Laksmana: Why the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific is Defective. September 19, 2019. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/flawed-assumptions-why-the-asean-outlook-on-the-indo-pacific-is-defective>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [18] Lynn Kuo. Shangri-La Dialogue: Negotiating the Indo-Pacific security landscape. *The Straits Times*, June 1, 2018. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/negotiating-the-indo-pacific-security-landscape>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [19] Tan Hui Yee. What comes after Asean's Indo-Pacific vision is more crucial, say analysts. June 23, 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/what-comes-after-aseans-indo-pacific-vision-is-more-crucial-say-analysts>. [Accessed: 10.10.2019].
- [20] Weatherbee D. ASEAN, and the Indo-Pacific Cooperation Concept. PERSPECTIVE Singapore YUSOF ISHAK INSTITUTE. 7 June 2019, Issue (47).
- [21] Koldunova EV. Southeast Asia facing the challenges of Indo-Pacific concepts. *Southeast Asia: Actual problems of development*. 2019, volume 1 (2).
- [22] Suryadinata Leo. Indonesia and its Stance on the "Indo-Pacific" PERSPECTIVE Singapore: ISEAS Yusof Ishak Institute, 23 October 2018. Issue № 66.
- [23] Retno LP Marsudi Foreign Minister of Indonesia. Time to deepen Indo-Pacific cooperation. *Jakarta Post*, March 20, 2019. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/03/20/insight-time-to-deepen-indo-pacific-cooperation.html>. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [24] Nazia Hussain, Tan Ming Hu. The Indo-Pacific: Clarity, Inclusivity and ASEAN Centrality. August 21, 2018. URL: <https://theasiadialogue.com/2018/08/21/the-indo-pacific-clarity-inclusivity-and-asean-centrality/>. [Accessed: 10.10.2019].
- [25] Tan Hui Yee. Asean agrees on common vision for Indo-Pacific region. *The Straits Times*, June 24 2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/asean-agrees-on-common-vision-for-indo-pacific-region>. [Accessed: 10.10.2019].
- [26] Melissa Conley Tyler. The Indo-Pacific is the New Asia. 28 Jun 2019. URL: <http://www.lowyinterpreter.org/the-interpreter/indo-pacific-new-asia>. (Accessed: 10.10.2019).
- [27] Kliem F. ASEAN's Indo-Pacific Dilemma: Where To From Here? RSIS COMMENTARY S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS), Nanyang Technological University (NTU), Singapore, 6 August, 2019.
- [28] "Asean Outlook On The Indo-Pacific". URL: <https://www.asean2019.go.th/en/news/asean-outlook-on-the-indo-pacific/>. [Accessed 10.10.2019]. (In Russ.).
- [29] Tan Hui Yee. Asean issues collective vision for Indo-Pacific as it attempts to reclaim geopolitical narrative. *The Straits Times*., June 23, 2019. URL: https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/asean-issues-collective-vision-for-indo-pacific-as-it-attempts-to-reclaim-geopolitical?utm_source=emarsys&utm_medium=email&utm_campaign=ST_Newsletter_AM&utm_term=Asean+issues+collective+vision+for+Indo-Pacific+as+it+attempts+to+reclaim+geopolitical+narrative&utm_content6%2F1020.102F019. [Accessed: 10.10.2019]. (In Russ.).
- [30] Phillip Coorey. Scott Morrison. We Won't Choose' between US, China. *Financial Review*, November 16, 2018. URL: <https://www.afr.com/world/asia/scott-morrison-a-turning-point-in-china-ties-20181115-h17y1g>. [Accessed: 10.10.2019].

Regional Security in South-East Asia in the Context of American “Indo-Pacific Region” Project

N.G. Rogozhina

Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations
117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya street, 23

Abstract. The article is devoted to the analysis of the position of the countries of South-East Asia on the construction of security architecture in the region within the framework of the Indo-Pacific region project in the format promoted by the USA. The article examines in detail the factors that determine the attitude of Southeast Asian countries to the American doctrine of “free and open Indo-Pacific”, which they assess as strategically risky and leading to deformation of the existing security system in the region with the loss of ASEAN (Association of Southeast Asian Nations) its central role in ensuring its stability.

The response of the Southeast Asian countries to external challenges was the formation of their own concept Asean’s – “Outlook On The Indo-Pacific, which reflects their views on the nature of the relationship within the emerging community. The author analyzes in detail the content of the ASEAN doctrine, which emphasizes the promotion of economic cooperation between the countries of the Pacific and Indian Oceans, in contrast to the geostrategic orientation of the American concept. Three main areas of cooperation are distinguished – maritime cooperation, the development of connectivity and interaction in achieving the Sustainable Development Goals. Offering such a format for engaging, ASEAN countries proceed from the need to strengthen trust between countries as the most important condition for maintaining peace and order in the region based on the traditional principles of ASEAN. These include: openness, transparency, inclusiveness, rules-based world order anchored on international law, respect for sovereignty, non-interference, equality, mutual trust and respect. ASEAN’s position remains unchanged in maintaining its central role in the evolution of the regional security architecture. Speaking from the position of multirealism, ASEAN sees a way to overcome the conflict of interests in the region in the context of escalating rivalry between the US and China, in creating a synergistic security system based on mechanisms associated with ASEAN. In the ASEAN concept, India-Pacific Region appears as a region of dialogue and cooperation, rather than competition, open to participation of China in the project.

The author comes to the conclusion that such format is justified both from the point of view of strategic interests of the countries of Southeast Asia and the whole region, if the relations within it are based on the principles advocated by ASEAN. However, as the author emphasizes, the project proposed by the Southeast Asian countries raises many questions, the main of which is its feasibility in the context of the emerging split of the region along the axis of US-China rivalry for leadership in Asia. Nevertheless, as the author notes, the tendency to strengthen economic cooperation between the countries located in the basin of two oceans creates the basis for the growth of their interest in developing a stable security architecture.

Keywords: Southeast Asia, security, Indo-Pacific region, ASEAN centrality, regional order

Информация об авторе / Information about the author

Рогожина Наталья Григорьевна – д. п. н., главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, e-mail: ngrogozhina@mail.ru.

Rogozhina Nataliya Grigorievna – Dr in Political Science, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Studies Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, e-mail: ngrogozhina@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Рогожина Н.Г. Региональная безопасность в Юго-Восточной Азии в контексте Американского проекта «Индо-Тихоокеанский регион» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 338–353. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-338-353

Rogozhina N.G. Regional Security in South-East Asia in the Context of American “Indo-Pacific Region” Project // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 338–353. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-338-353

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 16.07.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-354-371

Научная статья

Формат «Китай–Вьетнам–Индия» в Южно-Китайском море в контексте региональной безопасности

Т.И. Понька, Н.С. Куклин, И.Р. Дубровский¹

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Предлагаемая статья посвящена роли территориального спора в Южно-Китайском море в отношениях между Китаем, Вьетнамом и Индией в региональной подсистеме Юго-Восточной Азии. Рассматриваемое региональное пространство характеризуется высоким экономическим динамизмом и активными процессами интеграции, участие в которых принимают в том числе и нерегиональные акторы. Особое значение придается позициям трех государств по фундаментальным аспектам, оказывающим деструктивное влияние на развитие региональных процессов. Внимание уделяется концептуализации политики трех государств в акватории данного моря. По итогам рассмотрения проблемы авторы делают вывод, что пересечение интересов трех стран в данном море угрожает усугублением стратегической хрупкости политического ландшафта региональной подсистемы, оформлению открытого, но китаецентричного порядка на пространстве ЮКМ. Отмечается, что конфронтационная тональность в отношениях между КНР, СРВ и Индией привносит с собой немало угроз, в частности столкновение государственных интересов в энергетической плоскости, гонку вооружений между тремя ядерными державами (США, Индия, Китай), которое сопровождается усилением военного присутствия нерегионального игрока (США) в регионе, осложненным территориальными и историческими противоречиями.

Ключевые слова: Китай, Вьетнам, Индия, Южно-Китайское море, безопасность в АТР, территориальные споры в Юго-Восточной Азии, Индо-Тихоокеанский регион

Введение

На современном этапе развития международных отношений все более заметную роль начинают играть регионы, ранее не находившиеся в центре глобальной политики. Одним из них в последние годы становится регион Юго-Восточной Азии (ЮВА), характеризующийся бурным социально-экономическим развитием, но в то же время содержащий большой конфликтный потенциал, в известной степени вызванный территориальным спором между

© Понька Т.И., Куклин Н.С., Дубровский И.Р., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Данная статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № № 20-514-92001 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

двумя ведущими государствами Вьетнамом и Китаем. Наибольшее деструктивное влияние на региональную подсистему оказывают взаимные территориальные претензии данных государств на акваторию и морские объекты (Парасельские острова и архипелаг Спратли) в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Актуальность исследования обусловлена огромным геополитическим и геостратегическим значением Южно-Китайского моря для региональных и целого ряда нерегиональных держав в силу целого ряда факторов. К таковым факторам следует, в первую очередь, отнести выполнение данным регионом роли главной артерии мировой торговли, через которую проходит основной объем импорта энергоносителей (свыше 50% нефтяных танкеров) и большая часть экспортного грузопотока (70 тыс. торговых судов) и товарооборота (свыше 5,3 трлн долл США). Кроме непосредственно транзитного аспекта, данный регион обладает внушительным ресурсным потенциалом: залежи нефти, по предварительным данным, составляют до 30 млрд т, а природного газа – не менее 16 трлн куб. м. Бассейн ЮКМ находится на четвертом месте среди крупнейших рыбопромысловых районов мира. Учитывая современные тенденции переформатирования стратегических подходов ряда государств (США, Япония, Австралия, Индонезия) к трансрегиональному пространству Индо-Тихоокеанского региона, акватория ЮКМ представляет важность как своеобразный узел, связывающий два океана, а также тихоокеанские государства с Индией, которая рассматривается как точка опоры в фарватере политики «сдерживания Китая».

В данном контексте большое значение приобретают отношения на треке Китай–Вьетнам–Индия в ЮКМ. Анализ эволюции особенностей отношений в данном стратегическом треугольнике важен для понимания общих закономерностей нынешних интеграционных процессов и региональной системы безопасности в подсистеме ЮВА.

Целью исследования является выявление роли территориального спора в Южно-Китайском море на состояние отношений между Китаем, Вьетнамом и Индией в региональной подсистеме Юго-Восточной Азии.

Теоретико-методологическую базу исследования представляет неоклассический, структурный реализм, позволивший выявить закономерности в развитии региональной политики Индии, Вьетнама и Китая, а также проанализировать тенденции межгосударственного взаимодействия в данном географическом пространстве. Для изучения особенностей отношений Китая, Вьетнама и Индии в контексте территориальных споров в ЮКМ был применен системный подход, позволивший рассмотреть взаимоотношения на трехстороннем треке как систему взаимосвязанных направлений, определяющих степень реализации взаимных интересов. Для исследования процесса концептуализации регионального вектора во внешней политике отмеченных стран был применен логический концептуальный анализ.

Территориальные споры в Южно-Китайском море

Территориальная проблема в Южно-Китайском море имеют несколько узлов противоречий. Деструктивное влияние на региональную безопасность

оказывает территориальный конфликт за Парасельские острова и архипелаг Спратли. На первый географический объект претендуют КНР, Тайвань, СРВ, а на отдельные острова Спратли претензии также предъявляют Филиппины, Малайзия, Бруней.

А уже в 1996 г. на 29-м Совещании министров АСЕАН в Джакарте принятие общеобязательного документа, регламентирующего деятельность всех сторон в ЮКМ – «Кодекса поведения в ЮКМ» (Code of Conduct – СОС), – рассматривалось как работоспособное и перспективное средство для укрепления стабильности и безопасности в данном регионе [1].

Длительные переговоры с Китаем по разработке «Кодекса поведения в ЮКМ» выявили противоречия между Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией, из-за чего было принято решение заменить Кодекс Декларацией о поведении сторон в Южно-Китайском море, не имеющей обязательной силы. В 2002 г. Декларацию (DOC) подписали Китай и десять государств-членов АСЕАН [2. С. 279–285]. После подписания DOC конфликт в Южно-Китайском море вышел из латентной фазы: в 2009 г. КНР официально представила карту с девятью штриховыми линиями («nine-dash line»), очертившими пространство, на которое претендует Китай. Вслед за этим последовал ряд действий, наполнивший заявление китайского правительства практическим содержанием: требование к международному сообществу относиться к 80% акватории ЮКМ как к исключительной экономической зоне (ИЭЗ) КНР, запрет экономической и научно-исследовательской деятельности. Это ускорило процесс разработки и согласования позиций по Кодексу.

В 2009–2012 гг. развернулся основной цикл противостояния главных оппонентов – СРВ и Филиппин – с Китаем по известной формуле «действие – противодействие», кульминацией которого стали события весны 2012 г. в лагуне Скарборо, когда Китай полностью перекрыл филиппинцам доступ в этот район [3. С. 14–15]. Ни одна страна АСЕАН (кроме Вьетнама) не сделала никаких заявлений, а на июньском саммите в Пномпене впервые за всю историю существования Ассоциации стороны не смогли принять совместное коммюнике [4]. Данный факт продемонстрировал деструктивное влияние Китая на интеграционное объединение ЮВА, усугубив проигрышную в репутационном плане ситуацию для АСЕАН.

Неспособность Ассоциации урегулировать проблему собственными усилиями привела к разделению стран-участниц в зависимости от их положения в данном споре. В частности, в результате очередного кризиса в ЮКМ, в результате которого Китай активизировал свою экономическую деятельность в водах лагуны Скарборо (2012 г.), Манила возбудила иск против Китая в Постоянном Арбитражном Суде в Гааге. В 2016 г. 5 судей Гаагского Арбитража приняли решение в пользу Филиппин, указав на противоречие претензий Пекина Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS), а также опровергнув островной статус тех объектов, за суверенитет над которыми разгорелся спор. Неудивительно, что Пекин осудил это решение как «несправедливое и незаконное» [5].

Существенные коррективы в геополитический ландшафт всего региона внесло создание 7-ми искусственных островов общей площадью 13 кв. км с

последующим возведением на них с 2015 г. военной инфраструктуры [6. С. 34]. Это позволило КНР приобрести позиционное превосходство в данном регионе, и в то же время продемонстрировало неспособность Вашингтона предотвратить эти события.

С конца 2016 г. консультации между Китаем и АСЕАН по потенциальному «Кодексу поведения» приобрели новый импульс. В августе 2017 г. стороны приняли «рамочный проект Кодекса поведения», а 2 августа 2018 г. на встрече в Сингапуре стороны достигли договоренности по уже первому, базовому тексту Кодекса (single draft negotiating text – SDNT). Данный документ сохраняет значительные препятствия по целому ряду наиболее чувствительных вопросов. Географические границы действия «Кодекса» в документе по-прежнему не указаны; ни одна статья не содержит ссылки на обязательный характер участия сторон в рассмотрении споров (т.е. на прил. VII UNCLOS); прописан запрет прибрежным государствам сотрудничать с компаниями из нерегиональных стран. Базовый проект не содержит указания на то, что Кодекс является договором по международному праву [7]. На практике это означает, что сам Кодекс по поведению в ЮКМ может стать просто «джентельменским соглашением».

В то же время АСЕАН, активно сотрудничая с Китаем в вопросах интенсификации переговоров по поиску путей решения спорных вопросов и выработки окончательного соглашения, пытается создать определенные рамки, ограничивающие свободу маневра для Китая. Конкретные сроки заключения Кодекса пока не ясны, хотя премьер-министр Китая Ли Кэцян выразил надежду завершить работу над документом в течение трех лет [8]. Тем самым Председатель Госсовета наглядно продемонстрировал т.н. «двухвекторный подход» (dual-track approach) Китая к разрешению территориальных споров. Он предусматривает: во-первых, разрешение двухсторонних споров стран непосредственно путем переговоров, а во-вторых, поддержание мира и стабильности в Южно-Китайском море совместными усилиями Китая и десяти членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии [9. С. 526–528].

Однако сам процесс предъявления и уточнения китайских претензий на столь обширное пространство стратегически важного моря и последовавшее за ним создание искусственных островов, на которых были размещены объекты двойного назначения (взлетно-посадочных полос, способных принимать стратегические бомбардировщики; глубоководных гаваней), ускорило американскую политику «перебалансировки». Следует отметить, что кроме отмеченных выше объектов КНР размещает на искусственно созданных островах противокорабельные крылатые ракеты и радарные установки, апеллируя к необходимости защиты «государственной территории». Это в совокупности создает угрозу превращения транзитного узла мировой торговли во «внутреннее море» Китая. Размещение радарных установок и ракетных вооружений показывает, что все идет к завершению подготовки к объявлению в ЮКМ Зоны обязательного воздушного оповещения ADIZ, наподобие той, что была введена в 2013 г. в Восточно-Китайском море [10. С. 2–9]. Такая практика соответствует политике ограничения доступа в ВКМ и ЮКМ (введение зон

Anti-Access/Area Denial, A2/AD). Как отмечают эксперты Центра международных стратегических исследований США (CSIS), китайское позиционное превосходство в ЮКМ угрожает гипотетическим проецированием военной мощи КНР за пределы этого моря [11].

Позиция Китая

Активность Китая является, пожалуй, катализатором всех процессов, происходящих в ЮКМ. Его политика характеризуется как напористая и проактивная, ведущая к изменению регионального баланса сил и переосмыслению конъюнктуры взаимоотношений в данной подсистеме.

Претензии на 80 % акватории ЮКМ Китай объясняет «историческими аргументами». Китайская история в данном море начинается еще до новой эры и продолжается непрерывно до наших дней. Основным доказательством в этом контексте выступают факты ловли рыбы в акватории этого моря, вблизи с оспариваемыми объектами, начиная со времен правления древней династии Хань (III в. до н.э. – II в. н.э.), а также выдвинутая гипотеза китайских археологов, опирающаяся на летописи династий Тан и Сун (VII–XIII вв.), об осуществлении не только традиционной экономической деятельности, но и морского патрулирования правительствами Китая [12. С. 108–111].

Однако китайские аргументы были признаны недостоверными при принятии Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В ней четко определены прилегающие территории прибрежных государств, которые состоят из внутренних вод, территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Прибрежные государства имеют суверенные права над этими территориями.

Кроме того, данная Конвенция, подписанная и ратифицированная Пекином, допускает строго ограниченное применение «исторических фактов» и вытекающих из них прав только в разграничении территориальных вод прибрежных государств (т. е. в радиусе 12 миль). При этом в ней не сказано об «исторических оправданиях» требований суверенитета или каких-либо особых прав на столь значительном отдалении от береговой линии Китая, как в случае, например, архипелага Спратли.

В противовес Конвенции 1982 г. по морскому праву Китай отстаивает свою альтернативную правовую доктрину, известную под названием «4 ша» (Донгша, Маша, Наша и Чжунша), в соответствии с которой все 4 группы островов ЮКМ (Пратас, Парасельские о-ва, Спратли и Скарборо соответственно) якобы составляют один архипелаг со своими границами, суверенитетом, который «бесспорно» принадлежит Китаю [13. С. 123–124]. По мнению большинства экспертов мирового научного сообщества, данная доктрина не имеет ничего общего с действующим международным правом.

Выдвинутая Китаем концепция т.н. «исторического моря» в мировом научном сообществе (за исключением китайских юристов и историков) рассматривается как правовой абсурд. Китай никогда не осуществлял продолжительного и неоспоримого суверенитета во всем регионе [14. С. 87]. При этом

ЮКМ выступает важнейшей артерией в глобальной торговле, связывающей Индийский и Тихий океаны, и не является заливом, бухтой или другим видом прибрежных вод, на которые можно было бы распространить какие-либо «исторические права», как это допускается в некоторых случаях международным морским правом.

Симптоматично, что в феврале 1992 г. Высший законодательный орган КНР Всекитайское собрание народных представителей приняло «Закон о территориальном море и прилегающей зоне», в соответствии с которым Китай в одностороннем порядке провозгласил суверенитет над всей акваторией в ЮКМ и над объектами, в ней находящимися. В данном документе было также оговорено право Китая применять силу для пресечения любых действий, которые могут рассматриваться им как незаконный промысел в его территориальных водах [15].

При наличии объективной правовой коллизии целесообразно отметить важное геэкономическое и геополитическое значение акватории данного моря для национальной безопасности Китая, контролируя которую можно защищать континентальный Китай от любой агрессии с моря и поддерживать «стратегический пояс стабильности» в регионе. Установление стабильного контроля над данной акваторией позволит Пекину не только обеспечивать национальные интересы в области обороны и энергетической безопасности, но и максимально снизить эффективность западной политики «сдерживания» Китая.

Позиция Вьетнама

Вьетнам является ключевым соперником Китая в конфликте в Южно-Китайском море: это единственная страна в Юго-Восточной Азии, которая претендует на суверенитет над Парасельскими островами и всеми островами Спратли, участвовала в военных столкновениях с Китаем в ЮКМ (в 1974 и 1988 гг.) [16. С. 128–130] и занимает более двадцати объектов в архипелаге Спратли (для сравнения: КНР контролирует 8 островов, Тайвань – 2, Малайзия – 5, Филиппины – 9).

В отличие от Пекина, выступающего за урегулирование противоречий в ЮКМ на двусторонней основе, Ханой стремится максимально интернационализировать конфликт [17. С. 287–319]. Китайско-вьетнамское взаимодействие в Южно-Китайском море осуществляется по принципу «действие – противодействие» и сопровождается многочисленными протестами, заявляемыми с обеих сторон. Наблюдается схожесть и симметричность политики в отношении спорных акваторий: апелляция к древним «историческим свидетельствам», поощрение рыболовства и нефтедобычи в спорных районах, оккупация и размещение военных гарнизонов на оспариваемых объектах. Кроме того, Ханой активно перенимает китайскую тактику создания искусственных островов и развития на них инфраструктуры [18]. Стоит также отметить схожесть образа действия двух государств в попытках инкорпорировать собственные территориальные претензии в национальное законодательство. Вслед за КНР в 2012 г. СРВ приняла «Закон о морском праве», который

утверждает суверенитет над островами в ЮКМ и всей акваторией [19]. В 2018 г. был принят закон о «Вьетнамской морской полиции», юрисдикция которой простирается на всю исключительную экономическую зону Вьетнама (следовательно, противоречит китайским притязаниям), а в обязанности входит непосредственная защита «морских прав и интересов Вьетнама» [20]. Справедливым выглядит замечание Г.М. Локшина, что данная тенденция сильно затруднит разрешение межгосударственных противоречий [21. С. 178].

Помимо сверхчувствительного вопроса о территориальном суверенитете Ханой рассматривает действия Китая в Южно-Китайском море как вопиющую попытку подорвать его морские экономические интересы. ИЭЗ Вьетнама содержит значительные запасы нефти и газа, в то время как рыболовство создает условия для выгодной экспортной торговли [22. С. 101].

В качестве аргументов приводятся факты оказания Китаем давления на несколько нефтяных компаний, в том числе British Petroleum и Exxon Mobil, способствовавшего их выходу из проектов развития энергетики вьетнамского побережья. Более того, взамен государственная китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация (CNOOC) предложила иностранным энергетическим компаниям сотрудничество в осуществлении необходимых геологоразведывательных работ внутри из Вьетнама, что вызвало массовые протесты в крупных вьетнамских городах. В число «жертв» китайско-вьетнамского энергетического противостояния в 2012 г. попал и российский «Газпром»: после подписания им соглашения с корпорацией «Петровьетнам» на разработку шельфовых газовых месторождений в районе островов Спратли Пекин выразил жесткий протест.

В практической плоскости Ханой ставит перед собой следующие внешнеполитические и военные задачи в контексте урегулирования территориальных споров в ЮКМ. Во-первых, поддержание регулярного диалога с другими участниками, прежде всего Китаем. Во-вторых, активная поддержка на площадках АСЕАН исполнения всех положений Декларации о поведении сторон в ЮКМ (DOC) от 2002 г., в том числе в части, касающейся подписания юридически обязывающего кодекса поведения (COC), работа над которым ведется с 2017 г. В-третьих, активное освещение проблемы и распространение своей точки зрения на региональных и международных форумах, а также научных конференциях. В-четвертых, осуществление скорейшей модернизации оборонного потенциала, прежде всего возможностей ВВС и ВМС [23]. Наконец, диверсификация внешней политики страны и подписание партнерских соглашений с широким кругом стран, среди которых особое место принадлежит Индии.

Позиция Индии

Несмотря на то, что Индия является внерегиональным игроком для данного геополитического пространства, а также стороной, на воды и морские объекты в ЮКМ не претендующей, Дели все же непосредственно заинтересован в данном морском пространстве как транзитном узле, ресурсной базе и

зоне для поддержания двусторонних и многосторонних контактов с государствами, расположенными к востоку от Индии и взаимодействовавшими с данной страной на протяжении многих столетий.

Правительство Н. Рао намеревалось переформатировать внешнеполитический курс государства в переломный момент истории, когда глобальная система международных отношений пережила разрушение биполярной структуры после распада СССР, которого Индия активно вовлекала в региональные процессы, а также все более заметной стала роль Китая, амбиции которого угрожали национальным интересам Индии. В конце 1991 г. был принят курс «Смотри на Восток», который был модифицирован при Н. Моди в 2014 г. в политику «Делай на Востоке». Стержневая идея данной долгосрочной стратегии Индии заключалась в расширении взаимодействия Дели с АСЕАН, необходимого для реализации широкомасштабных рыночных реформ в стране и расширения ее внешних экономических и иных связей [24. С. 52]. Руководители страны поставили во главу угла более глубокое осознание роли и места Индии в мире и меняющейся глобальной экономике с тем, чтобы наилучшим образом с ней интегрироваться (помимо ЮВА, которая сама изменилась, перестав быть полем идеологической борьбы и превратившись в поле экономического соперничества).

Премьер-министр Н. Рао считал, что Индии для эффективного расширения связей на поле ЮВА необходимо решить целый ряд насущных проблем. Во-первых, необходимо было стабилизировать ситуацию в северо-восточных штатах, пресечь идущие туда теневые потоки поставок оружия, незаконные связи и перемещения беженцев. Во-вторых, предпочтительным вариантом виделось использование преимущества близости ЮВА, особенно Мьянмы для того, чтобы раздвинуть границы своих интересов и шагнуть на экономическую и политическую сцену всей Азии. Наконец, требовалось найти дипломатические, экономические и военные средства для решения сложной стратегически-важной проблемы, состоящей в возрастании влияния «китайского фактора» [25. С. 278]. Кроме поисков мер сбалансирования китайского влияния в регионе, новый курс был мотивирован некоторыми внутренними проблемами, связанными с развитием северо-восточных штатов и снижением уровня повстанческого движения на границах с Мьянмой.

В ряду индийских мотивов продвижения на Востоке едва ли не ключевое место занимала так называемая «Малаккская дилемма». Ее воздействие на экономику и Индии и Китая огромно, но в разной степени (через Малаккский пролив проходило до 80% нефтяных поставок в Китай и 45% поставок индийских товаров в Северо-Восточную Азию) [26. С. 95–97]. Обе стороны были крайне заинтересованы в обеспечении безопасности коммуникаций на стыке Индийского и Тихого океанов, что было весьма актуально в условиях активизации пиратства в Индийском океане (вокруг берегов Индонезии, Малайзии, Сингапура, Бангладеш и др.), чуть позже особенно угрожающей на западном его фланге в Аденском заливе и у берегов вечно конфликтного Африканского Рога.

При премьер-министре М. Сингхе в 2004 г. горизонты этой стратегии были расширены в географическом и стратегическом аспекте, что нашло

отражение в военно-морской стратегии Индии 2007 г. «Свобода открытого моря» [27]. Долгосрочной целью реализации данной стратегии является закрепление за Индией статуса крупной морской державы. В документе 2007 г. обозначены узловые точки, играющие жизненно важную роль для Индии с точки зрения морской торговли. В их числе есть Малаккский, Зондский, Макасарский и Ломбокский проливы, которые располагаются в ЮКМ, а само море провозглашается зоной «стратегического интереса» [28. С. 73]. «Морская стратегия – 2009» объявляла о включении ЮКМ в сферу национальных интересов Индии [29], чем заметно повысила стратегический вес бассейна данного моря для всех акторов, вовлеченных в территориальных спор или заинтересованных в том или ином результате его разрешения.

Это было обусловлено как стремлением диверсифицировать энергетические поставки в условиях растущей экономики и обеспечить защиту транзита через акваторию этого моря, так и заметным военно-политическим усилением Китая в зоне Индийского океана (усиление влияния посредством экономических рычагов на такие государства, как Мальдивы и Мьянма), проявившимся созданием в Пакистане и Шри-Ланке глубоководных портов, а также общим превосходством флота НОАК над индийским ВМФ. В кругах военно-морских экспертов широко дебатировалась возможность прибегнуть к концепции «железной цепи», состоящей из 572 индийских островов в Бенгальском заливе, где были созданы несколько опорных пунктов военно-воздушных баз, которые могли быть использованы для блокировки Малаккского пролива [30. С. 21–31].

Взаимоотношения Китай–Вьетнам–Индия в ЮКМ

Катализатором взаимоотношений трех стран в ЮКМ стал вопрос нефтедобычи, который в силу несхожести взглядов Китая и Вьетнама на национальную принадлежность акватории данного моря воспринимался болезненно и приводил к незамедлительной реакции. Начало такой коллизии на индийско-китайско-вьетнамском треке было положено в 2006 г., когда ONGC Videsh Limited (или OVL) подписала контракт с «Petrovietnam» о совместном исследовании секторов 127 и 128 в бассейне Нам Кон Сон, а чуть позже – сделки о сейсмической разведке на этих участках, которые позже оказались предметом спора между Индией, Вьетнамом и Китаем. В Пекине сочли, что Индия затронула интересы КНР и ее «зоны влияния». Между тем, согласно Морской конвенции ООН 1982 г., участки находятся в пределах вьетнамского континентального шельфа и во вьетнамской ИЭЗ [31. С. 120–167]. Официальный представитель Индии Вишну Пракаш в ответ на резкую реакцию Пекина заявил, что сотрудничество его страны в этой области с Вьетнамом или любым другим государством «соответствует международным нормам и правилам» [32].

Немаловажные коррективы в конъюнктуру взаимоотношений данных стран в ЮКМ внес инцидент, происшедший в середине июля 2011 г. в связи с индийским кораблем «Эрават». Судно возвращалось после визита «доброй воли» из Вьетнама и находилось во вьетнамских водах в 45–49 км от берега,

т.е. в ИЭЗ страны, но было задержано (по некоторым источникам, даже обстреляно китайскими патрульными катерами) [33. С. 24]. Подобный же случай повторился спустя 11 месяцев с направлявшимся из Филиппин в Южную Корею фрегатом ВМС Индии «Шивалик».

В сентябре 2011 г. министр иностранных дел Индии во время визита в Ханой объявил о решении Индии поручить индийской нефтегазовой компании продолжать разведку в секторах 127 и 128.

В ответ на это в ноябре того же года Китай потребовал, чтобы индийские компании получили его разрешение на разработку спорных участков, поскольку считает соглашение нелегальным и нарушающим его суверенитет в этих пространствах ЮКМ, простирающихся за «девятиточечную зону» [34. С. 59]. Начиная с 2015 г. Пекин запланировал добывать с месторождений в ЮКМ 15 млрд кубометров газа ежегодно. К 2020 г. добыча эквивалента нефти в глубоководном районе на уровне в 3000 м может достичь 1 млн барр. в день [35].

Руководители Индии проигнорировали демарш Китая и решили продолжать разведку в ЮКМ на предоставленных участках в соответствии с принципами своей морской стратегии 2007 г. и общепринятого международного морского права доступа к ресурсам. Учитывая то, что китайская Национальная оффшорная нефтяная компания (CNOOC) решила предоставить 9 блоков иностранцам для геологической разведки в водах Вьетнама, которые считала своими, активное вовлечение Индии в экономическое освоение месторождений во вьетнамской ИЭЗ было выгодно Ханюю [36. С. 68]. Более того, подобное развитие событий полностью соответствовало той тактике, которой придерживается руководство СРВ (как и каждой страны ЮВА в определенной мере) в условиях длительного исторического сосуществования с экономически и военно развитой державой. Такая геополитическая ситуация была образно названа «тиранией географии», а сам внешнеполитический курс СРВ в данной ситуации – «танцами со слоном» [37. С. 77–100], т.е. хеджированием рисков для обеспечения собственной независимости.

Индия, не будучи участником спора, подогрела косвенно новый этап давнего и вялотекущего противостояния Пекина и Ханоя. В острые его моменты индийский адмирал Девендра Кумар Джоши дважды заявлял о готовности Индии направить военные корабли в ЮКМ для защиты индийских энергетических интересов и охраны специалистов, работавших на месторождении Нам Кон Сон [38]. В ответ Китай законодательно предоставил властям провинции Хайнань право с 1 января 2013 г. производить обязательный досмотр иностранных кораблей при их появлении в тех водах ЮКМ, которые Пекин считает, весьма произвольно, принадлежащими КНР. Власти Хайнаня могли требовать также смены курса судов [39]. Планы досмотра иностранных судов в ЮКМ осудил Вашингтон; Филиппины и Сингапур также объявили намерения Китая незаконными.

Сдвиг в позициях Индии и Китая, скорее всего, объяснялся поисками компромисса в энергетических интересах двух стран, обремененных взаимными трениями и претензиями и желающих общими усилиями в аспектах

финансов и экспертизы противостоять растущим нефтегазовым аппетитам внерегиональных (преимущественно западных) держав. Но китайцы не торопились расширять сотрудничество на каких-либо новых месторождениях и видели в нем скорее возможность наблюдения за реализацией проектов Индии на нефтегазовых промыслах. Индийская сторона призывала к увеличению числа совместных разработок и сетовала на то, что, зачастую доставались менее выгодные участки (например, в Мьянме и др.). Касаясь в основном старых районов совместной добычи (Судан, Сирия и др.), соглашение 2012 г., по всей видимости, имело хорошие перспективы – в нем были заложены планы налаживания более широкого обмена информацией, а в будущем и технологиями [40].

Целесообразно отметить, что такой крутой поворот необходимо рассматривать в более широком контексте крайне сложных индийско-китайских отношений, для которых характерны и стремление к сотрудничеству, и взаимные упреки, и недостаток доверия, что особенно ярко проявляется на почве территориально-пограничных споров в Гималаях.

В индоокеанской зоне Китай продолжал строить планы дальнейшего расширения сети портовой инфраструктуры в дружественных Китаю государствах Азии и Африки (Мьянме, Бангладеш, Мальдивах, Шри-Ланке, ИРП, ИРИ, Джибути, Нигерии, Кении, Танзании, Анголе, Намибии). В докладе аналитиков Дж. Мак-Доланд, Э. Донахью и Б. Данилюк из консалтинговой компании Booz Allen Hamilton эта стратегия получила название «Нить жемчуга» [41]. Наибольшую угрозу для Индии представляет китайская экономическая деятельность в стратегической близости от берегов государства: на Сейшелах Китаю удалось в 2012 г. подписать соглашение о строительстве базы, а на Шри-Ланке с 2017 г. Китай стал долгосрочным арендатором крупного многофункционального глубоководного порта.

Таким образом, взаимоотношения на трехстороннем треке Китай–Вьетнам–Индия в ЮКМ развиваются в конфронтационном ключе, катализатором которых оказывается недра континентального шельфа, в эксплуатации которых заинтересована Индия, признающая вьетнамский суверенитет над ними по Конвенции 1982 г. Помимо данного аспекта столкновения сторон происходят на почве принадлежности самого водного пространства, по которому совершается водное сообщение между Вьетнамом и Индией. Но, несмотря на данную тональность в отношениях данных стран, продолжается взаимодействие через асеаноцентричные форматы (АСЕАН+6 и ВАС), а также сохраняется осознание необходимости поддержания конструктивного диалога в столь стратегически важном пространстве, как Южно-Китайское море.

Заключение

На современном этапе развития глобальной мирополитической системы и Индо-Тихоокеанского региона в частности взаимоотношения на треке Вьетнам–Китай–Индия ощутимо влияют на процессы структуризации субрегионального пространства Юго-Восточной Азии, что привносит как перспективы, так и угрозы для региональных и внерегиональных акторов.

Большой вклад в формирование регионального ландшафта вносит территориальный спор в Южно-Китайском море. Несмотря на то, что на суверенитет над водами, недрами и объектами в акватории данного моря претендуют Китай и Вьетнам, для Индии это географическое пространство представляет существенный геополитический и геоэкономический интерес, являясь вторым по стратегической важности водным пространством (после Индийского океана). Отмеченный вектор приобрел концептуальное оформление в рамках индийской политики «Смотри на Восток» (с 2014 г. – «Действуй на Востоке»). Формулирование подобной политики, фокусирующейся на ЮКМ, сближало державу Индийского океана и Вьетнам, но вместе с тем обостряло конкуренцию с Китаем. Для СРВ присутствие Индии в ЮКМ имеет большую значимость, поскольку Ханой стремится диверсифицировать собственные внешнеполитические контакты для поддержания стратегического равновесия в подсистеме ЮВА, отношениям в которой присущи черты асимметричности.

Пересечение интересов трех стран в данном море угрожает усугублением стратегической хрупкости политического ландшафта региональной подсистемы. Конфронтационная тональность в отношениях между особо заинтересованными сторонами привносит с собой немало угроз, в частности столкновение государственных интересов в экономической (энергетической) плоскости, гонку вооружений между тремя ядерными державами (США, Индия, Китай), которое сопровождается усилением военного присутствия нерегионального игрока (США) в регионе, осложненным территориальными и историческими противоречиями.

Вместе с тем представляется, что эффективное урегулирование споров в Южно-Китайском море зависит от конструктивного диалога в многосторонних форматах и совместном участии в процессах экономической интеграции на Азиатско-Тихоокеанском региональном поле. Подобную модель поведения готовы демонстрировать все три государства, выстраивая стабильные отношения в столь критически важном регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] The 29th ASEAN Ministerial Meeting (AMM), Jakarta, Indonesia, 20–21 July 1996 // ASEAN Documents Series 1996–1997. URL: https://asean.org/?static_post=table-of-contents-asean-documents-series-1996-1997. Дата обращения: 23.06.2020.
- [2] The 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // Ocean Development and International Law, July 2003, Vol. 34, № 3.
- [3] Золотухин И.Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы. Известия Восточного института. 2017. № 4 (36).
- [4] ASEAN in crisis: Divided We Stagger. Economist, 18.08.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21560585>. Дата обращения: 23.06.2020.
- [5] Заявление Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики о решении Арбитражного суда по делу в Южно-Китайском море, созданному по просьбе Республики Филиппины / Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 12.07.2016. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1379490.shtml>. Дата обращения: 03.07.2020. (на кит. яз.).

- [6] *Hiebert M., Poling G.B.* Examining the South China Sea Disputes. Center for Strategic and International Studies. 2015.
- [7] *Thayer C.A.* Closer Look at the ASEAN+China Single Draft South China Sea Code of Conduct // *The Diplomat*, August 03, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct>. Дата обращения: 23.06.2020.
- [8] China hopes to complete talks on S. China Sea COC in 3 years // *China Daily*, 13 November 2018. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201811/13/WS5beaae29a310eff3032886fc.html>. Дата обращения: 23.06.2020.
- [9] *Понька Т.И., Бельченко А.С., Трусова А.А.* Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3.
- [10] *Локишин Г.М.* Южно-Китайское море: острова раздора // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 9.
- [11] *Roberts C.B.* The South China Sea Precedent: Rising Instability Amidst Revisionist Tendencies. S. Rajaratnam School of International Studies. 2018. 07 August. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/08/CO18133.pdf>.
- [12] *Shen J.M.* «China's Sovereignty over the South China Sea Islands: A Historical Perspective». *Chinese Journal of International Law*, Vol. 1, No. 1, 2002.
- [13] *Е Цзычэн.* Великая стратегия Китая. [Пекин: Чжунго шэньхуэй чубаньшэ], 2003, (на кит. яз.)
- [14] *Holmes J.R., Yoshihara T.* Chinese Naval Strategy in the 21st Century: The Turn to Mahan. London and New York: Routledge, 2008.
- [15] Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне / Официальный сайт ВСНП. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4562.htm. Дата обращения: 23.06.2020. (на кит. яз.)
- [16] *Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Чанг Ву Тхуи.* Вьетнам и его отношения с Китаем, США и Россией // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2019. № 4 (45).
- [17] Miku Oishi & Nguyen Minh Quang. Brothers in Trouble: China-Vietnam Territorial Disputes and Their Bilateral Approach to Conflict Management // *International Journal of China Studies Territorial Disputes* Vol. 8, No. 3, December 2017.
- [18] Thêm bằng chứng khẳng định Hoàng Sa của Việt Nam [Дополнительные доказательства принадлежности островов Парасельских Вьетнаму]. URL: www.vietnamnet.vn от 25 июля 2012. Дата обращения: 23.06.2020.
- [19] Luật biển Việt Nam [Закон о морском праве Вьетнама] // Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam khóa XIII, kỳ họp thứ 3. 21.06.2012. [Национальное собрание СРВ XIII Созыва, 3 Сессия]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-thong-Van-tai/Luat-bien-Viet-Nam-2012-143494.aspx>. Дата обращения: 24.06.2020.
- [20] Luật Cảnh sát biển Việt Nam [Закон о Вьетнамской морской полиции] // Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam khóa XIV, kỳ họp thứ 6. [Национальное собрание СРВ XIV Созыва, 6 Сессия] 19.11.2018. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-Canh-sat-bien-Viet-Nam-2018-329798.aspx>. Дата обращения: 24.06.2020.
- [21] Сообщество АСЕАН в современном мире: монография / *Г.М. Локишин, Е.В. Кобелев, В.М. Мазырин*. М.: ИД «ФОРУМ», 2019.
- [22] Lê Văn Mỹ. Ngoại giao Trung Quốc trong quá trình trở dậy và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam [Ле Ван Му. Китайская дипломатия в процессе подъема и проблемы для Вьетнама] // *Вьетнамская Академия общественных наук*, 2013.

- [23] Trả lời phỏng vấn của Thứ trưởng Ngoại giao Phạm Quang Vinh về Bộ quy tắc ứng xử ở Biển Đông (Интервью с заместителем министра иностранных дел Фам Куанг Винь о Кодексе поведения в Южно-Китайском море). URL: <http://www.mofahcm.gov.vn/mofa/nr040807104143/nr040807105039/ns120701214140>. Дата обращения: 27.06.2020.
- [24] *Yadav D.* «Look East» to «Act East»: India's Policy Shift or «Old Wine»? // *India and China: Constructing A Peaceful Order in the Indo-Pacific* / ed. by Gurpreet S. Khurana, Antara Ghosal Singh. New Delhi: National Maritime Foundation. 2016.
- [25] *Лебедева Н.Б.* Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН. 2018.
- [26] *Koda Y.* Maritime Security in the Region: SCS and ECS as Key Arenas for Converging Political Interests, *Asia-Pacific Review*, Vol. 23, No. 2, 2016.
- [27] Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy), 2007.
- [28] *Holmes, James R., Winner, Andrew C.* and Toshi Yoshihara, *Indian Naval Strategy in the Twenty-First Century*. Abingdon: Routledge, 2009.
- [29] Indian Maritime Doctrine 2009. URL: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf>. Дата обращения: 01.07.2020.
- [30] *Mehta S.* Changing Roles of Navies in the Contemporary World Order with Specific Reference to the Indian Navy // *Journal of Defence Studies*, Vol. 3. No. 2. April 2009.
- [31] Nguyễn Xuân Linh. Một số vấn đề cơ bản về Luật biển quốc tế. NXB Tr. HCM [Нгуен Суан Линь. Некоторые основные вопросы международного морского права. Хошимин: Международное издательство]. 1995.
- [32] *Prakash S.V.* Media Briefing by Official Spokesperson on EAM's visit to Hanoi / Ministry of External Affairs of India. September 15, 2011. URL: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/2951/media+briefing+by+official+spokesperson+on+eam+visit+to+Hanoi>. Дата обращения: 27.06.2020.
- [33] *Huong Le Thu.* China's dual strategy of coercion and inducement towards ASEAN. *The Pacific Review*. 2019. Vol. 32. № 1.
- [34] *Scott D.* India's role in the South China Sea: Geopolitics and geoeconomics in play'. *India Review*, 2013. Vol. 12. № 2.
- [35] World oil transit chokepoints // U.S. Energy Information Administration. 25.07.2017. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/special_topics/World_Oil_Transit_Chokepoints/wotc.pdf. Дата обращения: 26.06.2020.
- [36] *Saha P.* India and the South China Sea Dispute // *India and China: Constructing A Peaceful Order in the Indo-Pacific*. ed. by Gurpreet S Khurana, Antara Ghosal Singh. New Delhi: National Maritime Foundation. 2016.
- [37] *Локшин Г.М.* Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2013.
- [38] We'll send force to protect our interests in South China Sea, says Navy chief // *The Hindu*. December 03, 2012. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/We%E2%80%99ll-send-force-to-protect-our-interests-in-South-China-Sea-says-Navy-chief/article12433224eсе>. Дата обращения: 29.06.2020.
- [39] Заявление правительства Китайской Народной Республики о территориальном суверенитете Китая и его морских правах и интересах в Южно-Китайском море / Государственный совет КНР. 12.07.2016. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/12/content_5090631.htm. Дата обращения: 26.06.2020. (на кит. яз.).
- [40] *Scott D.* India's Incremental Balancing in the South China Sea // *E-international Relations*. July 26, 2015. URL: <https://www.e-ir.info/2015/07/26/indias-incremental-balancing-in-the-south-china-sea/>. Дата обращения: 29.06.2020.
- [41] *MacDoland, J., Donahue, A., Danyluk, B.* Energy Futures in Asia. Booz Allen Hamilton report sponsored by the Director of Net Assessment. Department of Defence. Wash., D.C., November 2004.

REFERENCES

- [1] The 29th ASEAN Ministerial Meeting (AMM), Jakarta, Indonesia, 20–21 July 1996. ASEAN Documents Series 1996–1997. URL: https://asean.org/?static_post=table-of-contents-asean-documents-series-1996-1997. [Accessed: 23.06.2020]. (In Russ.).
- [2] The 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. *Ocean Development and International Law*, July 2003, Vol. 34, (3).
- [3] Zolotukhin I.N. Territorial'nye spory v Yuzhno-Kitajskom more: sovremennoe sostoyanie problem. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2017. (4) (36).
- [4] ASEAN in crisis: Divided We Stagger. *Economist*, 18.08.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21560585> [Accessed: 23.06.2020]. (In Russ.).
- [5] Statement of the Ministry of foreign Affairs of the people's Republic of China on the decision of the Arbitration court in the South China sea case established at the request of the Republic of the Philippines] Ministry of foreign Affairs of the People's Republic of China 12.07.2016. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1379490>. Shtml. [Accessed: 03.07.2020]. (In Chin.).
- [6] Hiebert M., Poling G.B. *Examining the South China Sea Disputes. Center for Strategic and International Studies*. 2015.
- [7] Thayer C.A. Closer Look at the ASEAN+China Single Draft South China Sea Code of Conduct. *The Diplomat*, August 03, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/a-closer-look-at-the-asean-china-single-draft-south-china-sea-code-of-conduct>. [Accessed: 23.06.2020].
- [8] China hopes to complete talks on S. China Sea COC in 3 years. *China Daily*, 13 November 2018. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201811/13/WS5beaae29a310eff3032886fc.html>. [Accessed: 23.06.2020].
- [9] Ponka T.I., Belchenko A.S., Trusova A.A. The dual-track approach of the PRC to the resolution of disputes in the South China Sea. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2017, 17 (3).
- [10] Lokshin G.M. Yuzhno-Kitajskoe more: ostrova razdora. *Aziya i Afrika segodnya*. 2015. (9).
- [11] Roberts C.B. The South China Sea Precedent: Rising Instability Amidst Revisionist Tendencies. S. Rajaratnam School of International Studies. 2018. 07 August. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/08/CO18133.pdf>.
- [12] Shen J.M. China's Sovereignty over the South China Sea Islands: A Historical Perspective. *Chinese Journal of International Law*, Vol. 1, (1), 2002.
- [13] Ye Zicheng. *China big strategy. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe*, 2003. (In Chin.).
- [14] Holmes J.R., Yoshihara T. *Chinese Naval Strategy in the 21st Century: The Turn to Mahan*. London and New York: Routledge, 2008.
- [15] Law of the people's Republic of China on the territorial sea and adjacent zone. Official website of the NPC. URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4562.htm. [Accessed: 23.06.2020]. (In Chin.).
- [16] Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Chang Vu Tkhuï. V'etnam i ego otnosheniya s Kitaem, SSHA i Rossiej. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2019, (4). (45).
- [17] Miku Oishi & Nguyen Minh Quang. Brothers in Trouble: China-Vietnam Territorial Disputes and Their Bilateral Approach to Conflict Management. *International Journal of China Studies Territorial Disputes* Vol. 8, (3), December 2017.
- [18] Thêm bằng chứng khẳng định Hoàng Sa của Việt Nam [Additional evidence that the Paracel Islands belong to Vietnam]. URL: www.vietnamnet.vn от 25 июля 2012. [Accessed: 23.06.2020].

- [19] Luật biển Việt Nam [Law of the sea of Vietnam] Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam khóa XIII, kỳ họp thứ 3. 21.06.2012. [XIII National Assembly of the SRV, 3rd Session]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Giao-thong-Van-tai/Luat-bien-Viet-Nam-2012-143494.aspx>. [Accessed: 24.06.2020].
- [20] Luật Cảnh sát biển Việt Nam [The law on Vietnamese maritime police] Quốc hội nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam khóa XIV, kỳ họp thứ 6. [XIV National Assembly of the SRV, 6th Session] 19.11.2018. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-Canh-sat-bien-Viet-Nam-2018-329798.aspx>. [Accessed: 24.06.2020]. (In Russ.).
- [21] *Soobshhestvo ASEAN v sovremennom mire*. Ed. G.M. Lokshin, E.V. Kobelev, V.M. Mazyrin. M.: ID «FORUM», 2019.
- [22] Lê Văn Mỹ. Ngoại giao Trung Quốc trong quá trình trở dậy và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam [Le Wan Mu. Chinese diplomacy in the process of recovery and challenges for Vietnam] Vietnam Academy of Social Sciences, 2013.
- [23] Trả lời phỏng vấn của Thứ trưởng Ngoại giao Phạm Quang Vinh về Bộ quy tắc ứng xử ở Biển Đông [Interview with Deputy foreign Minister Pham Quang Vinh on the Code of conduct in the South China sea]. URL: <http://www.mofahcm.gov.vn/mofa/nr040807104143/nr040807105039/ns120701214140>. [Accessed: 27.06.2020].
- [24] Yadav D. «Look East» to «Act East»: India's Policy Shift or «Old Wine»? India and China: Constructing A Peaceful Order in the Indo-Pacific. ed. by Gurpreet S. Khurana, Antara Ghosal Singh. New Delhi: National Maritime Foundation. 2016.
- [25] Lebedeva N.B. Indijskij okean: vyzovy XXI v. i Indiya [oчерki mezhdunarodnykh otnoshenij] otv. red. T.L. SHaumyan. M.: IV RAN. 2018.
- [26] Koda Y. Maritime Security in the Region: SCS and ECS as Key Arenas for Converging Political Interests. *Asia-Pacific Review*, Vol. 23, (2), 2016.
- [27] Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy. Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy), 2007.
- [28] Holmes, James R., Winner, Andrew C. and Toshi Yoshihara. *Indian Naval Strategy in the Twenty-First Century*. Abingdon: Routledge, 2009.
- [29] Indian Maritime Doctrine 2009. URL: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf>. [Accessed: 01.07.2020].
- [30] Mehta S. Changing Roles of Navies in the Contemporary World Order with Specific Reference to the Indian Navy. *Journal of Defence Studies*, Vol. 3, (2), April 2009.
- [31] Nguyễn Xuân Linh. Một số vấn đề cơ bản về Luật biển quốc tế. NXB Tp. HCM [Nguyen Xuan Linh. Some main issues of international law of the sea. Ho Chi Minh: International publishing house]. 1995.
- [32] Prakash SV. Media Briefing by Official Spokesperson on EAM's visit to Hanoi Ministry of External Affairs of India. September 15, 2011. URL: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/2951/media+briefing+by+official+spokesperson+on+eams+visit+to+hanoi>. [Accessed: 27.06.2020].
- [33] Huong Le Thu. China's dual strategy of coercion and inducement towards ASEAN. *The Pacific Review*, 2019, Vol. 32, (1).
- [34] Scott D. India's role in the South China Sea: Geopolitics and geoeconomics in play', *India Review*, 2013. Vol. 12, (2).
- [35] World oil transit chokepoints. U.S. Energy Information Administration. 25.07.2017. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/special_topics/World_Oil_Transit_Chokepoints/wotc.pdf. [Accessed: 26.06.2020].
- [36] Saha P. India and the South China Sea Dispute. India and China: Constructing A Peaceful Order in the Indo-Pacific. ed. by Gurpreet S Khurana, Antara Ghosal Singh. New Delhi: National Maritime Foundation. 2016.
- [37] Lokshin G.M. V'etnamo-kitajskie otnosheniya: tiraniya geografii i zdnavyj smysl. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2013.

- [38] We'll send force to protect our interests in South China Sea, says Navy chief. *The Hindu*. December 03, 2012. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/We%E2%80%99ll-send-force-to-protect-our-interests-in-South-China-Sea-says-Navy-chief/article12433224e.html>. (Accessed: 29.06.2020).
- [39] Statement by the government of the people's Republic of China on China's territorial sovereignty and Maritime rights and interests in the South China sea/ State Council of the people's Republic of China. 12.07.2016. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-07/12/content_5090631.htm. [Accessed: 26.06.2020]. (In Chin.).
- [40] Scott D. India's Incremental Balancing in the South China Sea. *E-international Relations*. July 26, 2015. URL: <https://www.e-ir.info/2015/07/26/indias-incremental-balancing-in-the-south-china-sea/>. [Accessed: 29.06.2020].
- [41] MacDoland J., Donahue A., Danyluk B. Energy Futures in Asia. Booz Allen Hamilton report sponsored by the Director of Net Assessment. Department of Defence. Wash., D.C., November 2004.

Research article

«China–Vietnam–India» format in the South-China sea in the context of regional security

T.I. Ponka, N.S. Kuklin, I.R. Dubrovsky

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

This article is devoted to the role of the territorial dispute in the South China sea in relations between China, Vietnam and India in the regional subsystem of Southeast Asia. The regional space under consideration is characterized by high economic dynamism and active integration processes, including participation of non-regional actors. Particular importance is attached to the positions of the three States on fundamental aspects that have a destructive impact on the development of regional processes. Attention is paid to the conceptualization of the policy of the three States in the waters of this sea. Following consideration of the problems the authors conclude that the intersection of the interests of the three countries in this sea threatens to exacerbate the fragility of the political and strategic landscape of the regional subsystem, registration open, but citizenries order on the space of the SCS. The article notes that the confrontational tone in relations between China, Vietnam and India brings with it many threats, in particular the clash of state interests in the energy plane, the arms race between the three nuclear powers (USA, India, China), which was accompanied by increased military presence of non-regional player (USA) in the region, complicated by territorial and historical conflicts.

Key words: China, Vietnam, India, South China Sea, security in the Asia-Pacific, territorial disputes in Southeast Asia, Indo-Pacific region

Информация об авторах / Information about the authors

Понька Татьяна Ивановна – к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: ponka-rudn@mail.ru.

Tatyana I. Ponka – PhD (History), associate professor, Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: ponka-rudn@mail.ru.

Куклин Никита Сергеевич – ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: kuklin-ns@rudn.ru.

Nikita S. Kuklin – Assistant Professor, Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: kuklin-ns@rudn.ru.

Дубровский Иван Родионович – соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, e-mail: 1032171352@rudn.ru.

Ivan R. Dubrovskiy – Applicant at the Department of theory and history of international relations, RUDN University, e-mail: 1032171352@rudn.ru.

Для цитирования / For citation

Понька Т.И., Куклин Н.С., Дубровский И.Р. Формат «Китай–Вьетнам–Индия» в Южно-Китайском море в контексте региональной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 354–371. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-354-371

Ponka T., Kuklin N., Dubrovskiy I. «China–Vietnam–India» format in the South-China sea in the context of regional security // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 354–371. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-354-371

Информация о финансировании / Funding information

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-514-92001 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

The article was prepared with the support of the RFBR grant no. 20-514-92001 of VASS «Russian-Vietnamese cooperation in the context of the current geopolitical situation in East Asia».

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 19.05.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-372-379

Научная статья

Сущность и специфика евразийской доктрины Аскара Акаева

Е.А. Бакина

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматривается евразийская доктрина Аскара Акаева, Президента Кыргызстана в 1991–2005 гг., который разрабатывал и во многом реализовал на практике стройную философию и политическую концепцию.

Особенного внимания заслуживает место России в геополитической концепции А. Акаева, который подчеркивает важность и центральную роль России в евразийской интеграции, которая не выступала в роли колониальной державы, а являлась центром притяжения для многонационального народа Российской империи, СССР и РФ.

Ключевые слова: Аскар Акаев, евразийская доктрина, Кыргызстан, Атаке-бий, «островок демократии», «восточный азимут»

Евразийство как общественно-политическое движение и философское направление, в основе которого заложена идея Евразии как автономного самодостаточного географического и исторического мира, как известно, зародилось и сформировалось в 20–30-е годы прошлого столетия в интеллектуальной среде русской эмиграции. Яркими представителями новой политической философии были Н.С. Трубецкой, Н.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и др.

Основной концепт евразийства сформулирован достаточно ясно и четко. Евразия – это пространство, включающее Россию и сопредельные государства, расположенные географически в Европе и Азии, отличающиеся от обеих в геополитическом и культурном плане. Практическим результатом евразийцы видели цель, заключающуюся в том, чтобы провести духовные, моральные, культурные границы отстраивания от Западной Европы и США и в объединении с сопредельными государствами найти и оформить свой цивилизационный код, духовный путь, отражающий общие евразийские ценностные установки.

Творческим развитием идей евразийства во 2-й половине XX века стала теория «пассионарности» Л.Н. Гумилева, во многом определившая направление и контуры евразийства в наши дни.

Однако практического воплощения, т.е. применения в реальной политической жизни, доктрина евразийства довольно долго не получала, оставаясь

© Бакина Е.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сугубо теоретической разработкой и предметом дискуссий в академических кругах. Лишь сравнительно недавно, в 2011 году, евразийская геополитическая доктрина вошла в геополитическую повестку постсоветского пространства, став своего рода локомотивом и катализатором интеграционных процессов.

Пальма первенства среди политиков–пионеров евразийского объединения, бесспорно, принадлежит Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, предложившего в марте 1994 года двигаться России и странам СНГ по пути формирования Евразийского Союза [1]. Однако все это свое время. Тогда эта инициатива не смогла получить своего практического воплощения. К ней вернулись лишь в 2014 году. Старт был дан программной статьей премьер-министра В.В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 г. в газете «Известия» [2].

При этом за скобками и пределами изучения и практической реализации этого вопроса весьма незаслуженно остаются евразийские взгляды первого Президента Кыргызстана А.А. Акаева, оформленные в весьма стройную евразийскую доктрину. Восполнить этот пробел призвана данная статья, целью которой является анализ эволюции евразийских воззрений политика.

Основная идея евразийской доктрины Акаева сводится к положению о том, что «Евразийский Союз – практическое воплощение тяги к евразийскому объединению, возникшей в постсоветском пространстве» [3.С. 89]. Акаев отмечает: «Россия дана Богом и историей, ее нельзя рассматривать в отрыве от окружающего ее евразийского пространства» [4. С. 57]. Он подчеркивает свой политический и научный императив: «Евразийский Союз – моя заветная мечта, евразийское единение – ответ на народные чаяния» [5]. И далее переходит от эмоциональных оценок к сухому рациональному анализу.

Оценивая взаимоотношения России с сопредельными государствами, Акаев выделяет чрезвычайно важный момент. Он проводит разграничительную линию между Россией и другими колониальными империями, видя именно в этом основное отличие российской политики от политики других государств, играющих значительную роль на политической карте мира в Европе и Азии.

По мнению А. Акаева, ни Российская империя, ни СССР, ни современная Россия в ее усеченном после 1991 года виде никогда не были колониальными империями в их классическом представлении с разделением на метрополию, высасывающую все соки в виде человеческих и природных ресурсов из колоний, в конечном счете обогащая за счет прямого ограбления и беспощадной эксплуатации колониальных владений. Именно в этом принципиальное отличие России, к примеру, от Британской империи. Россия, СССР никогда не богатели за счет национальных окраин, а напротив, поддерживали их, щедро делаясь материальными и нематериальными активами.

Важнейшим концептом приращения российских земель и территорий выступала политика Российской империи, нацеленная на расширение не путем экспансии, прямых завоеваний, а на объединение и принятие в свой состав других народов на основе их добровольного волеизъявления, «видевших в Москве надежного защитника и великодушного заступника» [5].

Акаев подчеркивает, что и в постсоветские годы Россия никогда не навязывала свои подходы к организации политической и социально-экономической

жизни. «В этом мы всегда видели и видим величие России – констатирует Акаев – с годами все больше высвечивается значение духовного пространства, которое веками складывалось на востоке Евразии при определенном влиянии России» [6. С. 41].

Весьма примечателен исторический бэкграунд киргизской истории, проводимый Акаевым, при прямом сопряжении судеб киргизского этноса с вхождением в состав Российской империи. Он приходит к выводу, что именно то, что киргизы связали свою судьбу с Россией, позволило им не утратить свою ментальность, традицию и этническую самоидентификацию.

Начало интеграции было положено в 1785 году, когда киргизская посольская миссия, направленная Атаке-бием, прибыла к Екатерине II с просьбой о вхождении в состав России [4. С. 103].

В этой связи примечателен факт, что во времена президентства Акаева (1990–2005 гг.) возникли легендарные представления о его великих предках. В его многочисленных биографиях красной нитью проходила мысль о том, что он потомок великого хана Атаке-бия, а другой его предок Шабдан-батыр правил в Северном Кыргызстане и оказывал помощь и поддержку генералу Скобелеву в присоединении Южного Кыргызстана к Российской империи. Возможно, знаменитые предки – дань легенде, основанной на историческом предании, но и они были призваны создать историческое обоснование политическому имиджу первого киргизского Президента. Сам Акаев пытался подкорректировать это предание. В 1995 г. в интервью в преддверии 1000-летнего юбилея эпоса «Манас» на вопрос, является ли он прямым потомком Шабдан-хана, Атаке-бия, он отвечал: «Я не являюсь их прямым потомком. Наш род восходит к приемному сыну хана, который жил в XVI веке. Один казахский султан, спасаясь от преследования, вынужден был перейти к киргизам. Он был принят ханом. У этого султана от киргизской жены родился сын, который был усыновлен правителем и впоследствии стал киргизским ханом, от которого и пошел наш род. Меня иногда называют казахом. Но думаю, сам Аллах не смог бы различить казаха и киргиза» [7. С. 10].

Таким образом, достоверно не выяснена генеалогия Акаева, однако сам факт легендарного приписывания ему в предки знаменитого Атаке-бия, друга России, весьма показателен в выстраивании политической траектории Акаева, который так же всегда был и остается большим другом России.

Однако возвратимся к событиям 1785 года. В то время киргизы столкнулись с опасным вызовом – угрозой завоевания со стороны кокандских ханов. Вопрос стоял чрезвычайно остро и сводился к политике изгнания киргизских племен с ареала их проживания, вплоть до их тотального геноцида в конечном итоге. Именно это подтолкнуло хана Атаке-бия направить посольскую миссию в Санкт-Петербург к Екатерине II с просьбой принять киргизов в подданство России. Послы Абдрахман Кучаров и Шергазы были торжественно и уважительно приняты при российском дворе и получили заверения в поддержке. А.А. Акаев подчеркивает: «Сигнал из Санкт-Петербурга надолго охладил горячие головы любителей поживиться за счет кыргызского добра» [6. С. 51].

А.А. Акаев подчеркивает, что «было бы в высшей степени несправедливо принижать роль России в исторической судьбе евразийских народов» [6. С. 54]. По его мнению, невозможно в принципе рассматривать развитие Центральной Азии в отрыве от России. Он резко критикует позицию З. Бжезинского о деструктивной роли российской политики в этом регионе. Анализ, проводимый А. Акаевым, сводится к выводу к тому, что приход России в Центральную Азию в XIX веке был предопределен логикой международных процессов, так называемой «Большой игрой в Азии». Это был период борьбы Великих держав за территориальный раздел и сферы влияния в этом регионе. Он пишет, в частности: «Не приди Россия, появились бы, скорее всего, Великобритания... Или же в регионе одержали бы верх самые темные феодальные силы, которые бы ввергли Центральную Азию в кровавую гражданскую и межнациональную смуту. Выступая во внешнем плане в роли колонизатора, Россия в то же время спасла регион от саморазрушения» [6. С. 55].

По оценке Акаева, 1785 г. является ключевым в истории киргизско-российских отношений. Не только Российская империя, но и Советский Союз сыграли значительную роль в интеграционных процессах в Центральной Азии, в сохранении этнической природы проживающих в регионе народов, которым приходилось постоянно бороться за свое выживание.

В конце VII века киргизские племена от кочевого образа жизни перешли к оседлому и расселились в верховьях Енисея в попытках найти надежное убежище от преследования Тюркского каганата. Однако в 711 году каганат организовал военную экспедицию на территории расселения киргизов.

В урочище Сунга произошла смертельная битва. Сотни киргизских воинов пали в бою. Их возглавлял Барс-бек, который стал прообразом Манаса – жемчужины киргизского национального эпоса [4. С. 59].

Выживание киргизского народа было поставлено на карту, и в XVIII веке на помощь снова пришла Россия.

В начале XX века большевистская Россия снова приходит на помощь Киргизии и другим народам Центральной Азии. Киргизам грозила участь растворения в общетуркестанском котле. Большевики пошли на решительный шаг – создали Кыргызскую автономную область в составе РСФСР. Позднее она получила статус союзной республики. Придание Кыргызстану в Конституции 1937 года статуса республики открыло народу Киргизии в 1991 году путь к независимости. Имя В.И. Ленина стало среди киргизов того времени поистине магическим. «Советская власть стала для киргизов спасением» – отмечает О. Ибрагимов [8. С. 113].

А. Акаев постулирует: «Тем, кто плачет по несостоявшемуся Туркестану, можно ответить, что в общем центральноазиатском замесе за 70 лет могли бы расплавиться и стереться национальные особенности народов региона. Где были бы казахи, узбеки, таджики, туркмены, не говоря уже о киргизах. Скорее всего, возникло бы некоторое усредненное гибридное состояние» [6. С. 52].

В рамках своей евразийской доктрины А.А. Акаев отмечает роль и величие России как европейского ядра, центра притяжения и в деле сохранения

самоидентичности и других народов, проживающих на сопредельных с Россией территориях.

Он акцентирует внимание на исторических эпизодах, когда Россия в критические моменты истории приходила на помощь, протягивала руку в 1783 году Грузии, когда Ираклий II подписал с Российской империей Георгиевский трактат, спасший Грузию и обеспечивший ей национальное выживание; в 1795 году, когда хан Мир Мустафа обратился за помощью к России. По Туркманчайскому договору 1828 года ханство было принято под российский протекторат. Это стало ключевым моментом в выстраивании азербайджано-российских отношений. Ну и, наконец, Украина, попавшая в сложнейшие геополитические реалии в XVII в. Угроза, исходившая от Речи Посполитой, создавала угрозу самому существованию казацкой Сечи, окраинных земель Руси, возмнивших себя вольницами. В 1654 году состоялась знаменитая Переяславская Рада, ознаменовавшая, как тогда казалось, вечное воссоединение Украины (окраины Руси) с Россией.

Также спасаясь от притязаний джунгар, под покровительство России пошли казахи, избавившись от страшных набегов, сопровождавшихся массовой резней и убийствами.

Отмечая генеральную роль России как центра притяжения народов Евразии, Акаев акцентирует внимание на ключевом аспекте: все народы Евразии добровольно выбирали Россию на роль защитника и проводника их интересов [9. С. 97; 6. С. 289–291]. При этом Россия ничего не требовала взамен в качестве оплаты своего протектората. В основе евразийской модели Российской империи и Советского Союза, в ходе реализации которой был действительно создан Евразийский суперэтнос – российский, а позднее советский народ, лежал в сущности лозунг, выдвинутый Л.Н. Гумилевым: «Объединиться, чтобы не исчезнуть» [10].

Именно в этом контексте А. Акаев считает историческим парадоксом глубочайшей исторической несправедливостью распад евразийской империи – СССР, который проходил на фоне усиления объединительных тенденций в Европе. Таким образом, на Западе шло объединение, а на Востоке вопреки гумилевскому императиву – разъединение. На Западе набирали силу центристремительные тенденции, а на Востоке, в Евразии – центробежные [11. С. 260].

К великому сожалению, в развале СССР нашла свое подтверждение теория систем Арнольда: «В условиях хаоса крупные социумы подвергаются стихийному дроблению, а мелкие стремятся к кооперации».

Сумятица и хаос, возникшие на постсоветском пространстве, привели многих политиков бывших союзных республик к незатейливой мысли искать дальнейшие пути самоидентификации, импульсы к развитию не с Москвой, а с Западом. Начался этап, названный Акаевым «хождением в Европу» [5].

Он, анализируя этот выбор, считает его глубоко ошибочным, подчеркивая, что Запад считает все евразийские государства «цивилизационными чужаками» [5]. Именно поэтому сближение с ним и попытки втянуться в НАТО отнюдь «не дорога к храму». Акаев выступает с беспощадной критикой

политики Запада и США на постсоветском пространстве, в основе которой лежат демократический терроризм и гуманитарные интервенции. «Бойтесь американцев, дары приносящих», – метко пишет он [5].

В теоретическом плане А. Акаев последовательно выступает как продолжатель и носитель идей русского евразийства от Трубецкого до Гумилева, исходя из установки «кризисы приходящие, а движение непрерывно», во многом опирающейся на Евразийский манифест 1926 года.

Он глубоко уверен, что США навязывают региону политику независимости от России, но не от себя [12. С. 198]. А. Акаев выступает оппонентом и жестко критикует концепции А. Тойнби и С. Хантингтона, базирующиеся на постулате о том, что экспансия и конфликты цивилизаций составляют содержание современных международных отношений. Он является последовательным сторонником единства и взаимопроникновения цивилизаций. В 2004 году А. Акаев выступил с инициативой изъять из научного оборота понятие «конфликт цивилизаций», заменив его «партнерством цивилизаций» [13. С. 7].

Он разделяет мысль философа и обществоведа Ю. Розенвалдса о том, что «нет универсальной демократии, которая в равной мере подходила бы любому обществу. В зависимости от специфичного характера его исторического развития, культурных традиций ее ценности реализуются по-разному» [14].

Мысль о единой для всего мира универсальной демократической модели, основанной на двойных стандартах, бывшему президенту Кыргызстана довелось испытать на себе и на судьбе своего Отечества.

Долгое время Кыргызстан преподносился на Западе как «островок демократии» в Центральной Азии. Так оно и было. В стране существовала многопартийность, политическая конкуренция, проходили демократические выборы, отсутствовала цензура. Но стоило в 2004 году А. Акаеву подписать соглашение с РФ о создании в Канте российской авиабазы, как А. Акаев в мгновение ока превратился в авторитарного диктатора, сметенного в марте 2005 г. в ходе инспирированной США «тюльпановой революции».

Сегодня А.А. Акаев живет и работает в России. Он избран иностранным членом РАН, является главным научным сотрудником Института математических исследований сложных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. Он полон творческих сил и энергии. Горький опыт, полученный им в марте 2005 г., не только не изменил, но и укрепил его евразийский вектор философских исследований. Он уверен, что восточный азимут – основа евразийского единения, ключевая и систематизирующая роль в котором принадлежит России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Таир Мансуров*. Евразийский проект Нарсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию проекта 1994–2014, Алма-Ата, 2014.
- [2] *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. Известия, 4 октября 2011 г.
- [3] *Акаев А.А.* Глобализация и евразийская безопасность // Геополитика и безопасность, 2009. № 2–3.
- [4] *Акаев А.А.* Кыргызская государственность и народный эпос Манас, Бишкек, 2003.
- [5] *Акаев А.А.* Евразийское единение – ответ на народные чаяния. Известия, 10 октября 2011 г., № 187.

- [6] Акаев А.А. Духовное притяжение России. Евразийские перспективы возрождения России. М., 2012.
- [7] Койцев Т., Пlosких В. Аскар Акаев: ученый политик, Бишкек, 1993.
- [8] Ибраимов О. Испытание историей. М., Международные отношения, 2008.
- [9] Шаповалов А. Истоки и смыслы российской цивилизации. М., 2003.
- [10] Гумилев Л. Объединиться, чтобы не исчезнуть. Час пик № 2, 1991.
- [11] Акаев А.А. Евразийские метаморфозы // Евразийские перспективы возрождения России. М., 2012.
- [12] Акаев А.А. Думая о будущем с оптимизмом. Размышления о внешней политике и мироустройстве. М., 2004.
- [13] Акаев А.А. Евразия в XXI веке: диалог культур или конфликт цивилизаций. Бишкек, 2004.
- [14] Розенвалдс Ю. Ирония демократии, или Взгляд в европейское зеркало. URL: <http://www.politnauka.org/comm/lu/rozenvalds.php>. Дата обращения: 10.07.2020.

REFERENCES

- [1] Tair Mansurov. *The Eurasian project of Narsultan Nazarbayev, put into practice. On the 20th anniversary of the project 1994–2014*. Alma-Ata, 2014.
- [2] Putin V.V. A new integration project for Eurasia – the future that is born today. *Izvestia*. October 4, 2011.
- [3] Akayev A. Globalization and Eurasian Security. *Geopolitics and Security*, 2009, (2–3).
- [4] Akayev A. *Kyrgyz statehood and the national epic Manas*. Bishkek, 2003.
- [5] Akayev A. Eurasian Unity – A Response to People’s Aspirations, *Izvestia* October 10, 2011, (187).
- [6] Akayev A. *Spiritual attraction of Russia. Eurasian prospects for the revival of Russia*. М., 2012.
- [7] Kojtsev T., Ploskikh V. Askar Akayev: scientist politician, Bishkek, 1993.
- [8] Ibraimov O. Test of History, М, *International Relations*, 2008.
- [9] Shapovalov A. *The Origins and Meanings of Russian Civilization*. М., 2003.
- [10] Gumilyov L. Unite in order not to disappear. *Rush Hour* (2), 1991.
- [11] Akayev A. Eurasian metamorphoses. Eurasian prospects for the revival of Russia, М., 2012.
- [12] Akayev A. Thinking about the future with optimism. *Reflections on Foreign Policy and World Order*, М., 2004.
- [13] Akayev A. *Eurasia in the 21st century: a dialogue of cultures or a conflict of civilizations*. Bishkek, 2004.
- [14] Rosenvalds J. Irony of democracy, or a look in the European mirror. URL: <http://www.politnauka.org/comm/lu/rozenvalds.php>. [Accessed: 10.07.2020] (In Russ.).

Research article

The essence and specificity of the Eurasian doctrine of Askar Akayev

E.A. Bakina

Peoples’ Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

The article discusses the Eurasian doctrine of Askar Akayev, the president of Kyrgyzstan in 1991–2005. This is a very little studied problem in Russian historiography. Meanwhile,

A. Akayev developed and largely implemented in practice a harmonious philosophical and political concept. This article is intended to fill this gap.

The place of Russia in the geopolitical concept of A. Akayev deserves special attention, which emphasizes the importance and central role of Russia in Eurasian integration, which never acted as a colonial power, but was a center of attraction for the multinational people of the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation.

Keywords: Askar Akayev, Eurasian doctrine, Kyrgyzstan, Atakebiy, “island of democracy”, “east azimuth”

Информация об авторе / Information about the author

Бакина Елена Александровна – ассистент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: bakina_ea@pfur.ru.

Bakina Elena – assistant of department of World history, Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: bakina_ea@pfur.ru.

Для цитирования / For citation

Бакина Е.А. Сущность и специфика евразийской доктрины Аскара Акаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 372–379. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-372-379

Bakina E. The essence and specificity of the Eurasian doctrine of Askar Akayev // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 372–379. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-372-379

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 23.06.2020

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Научная статья

«Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...»

К феноменологии современного протеста в США

С.А. Воронин, Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье анализируется феномен социальных протестов, которыми оказались охвачены США в 2020 году. Рассматривается эволюция понятий «жертвы» и «искупления» в современном общественном сознании США и Европы. Анализируются причинно – следственные связи происходящего, явления, сопутствующие протестам, в частности, мародерство, которое воспринимается протестующими не как маргинальное явление, а как необходимое условие восстановления социальной справедливости.

Ключевые слова: США, протест, фloyd, мародерство, жертва, искупление

Весной 2020 г. после гибели чернокожего Д. Флойда от рук полицейского, США охватили массовые протесты, в ходе которых совершались масштабные погромы и поджоги магазинов, убийства и насилие в отношении белого населения, снос и осквернение памятников политическим и общественным деятелям, объявленным «расистами». При внимательном рассмотрении нельзя не прийти к выводу, что то, что сегодня происходит в США, является не спонтанным волеизъявлением определенных групп населения и не спланированной провокацией тех или иных политических кругов. Корни проблемы лежат гораздо глубже, она отражает очень многие социальные и духовные подвижки в сознании современной цивилизации, подвижки, которые сегодня появляются в форме погромов и насилия.

Начать следует с констатации очень важной особенности современного социального пространства Старого и Нового Света. Исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов [1. Р. 87–106]. Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х гг., когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная

© Воронин С.А. Якеменко Б.Г., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками. Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти (1). И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулирует память об общем прошлом. Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе и США в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу.

В этих условиях закономерно обостряется историческая память, возникают вопросы – в каких формах теперь происходит осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности? Происходящее в США в рамках этих тенденций можно рассматривать как репрезентацию новых форм памяти через актуализацию старых обид и попытки утвердить за целыми национальными сообществами статус жертв.

На «тренде» жертвы, все более активно занимающем ментальное пространство как Старого, так и Нового света, необходимо остановиться подробнее. В рамках этого тренда общее и личное прошлое, бывшее ранее источником радости, гордости, вдохновения, величия, славы, надежд (это хорошо видно по праздникам типа 40-летия Победы в России или 200-летия Французской революции на Западе), сменяется прошлым, замешанным на слезах, трагедиях и разочарованиях [2. Р. 275–284], а главным предметом споров, о чем бы они ни велись, становится вопрос – могло ли быть еще хуже или все-таки мы легко отделались?

Данный тренд приводит к ощущению, что мир вокруг нас полон опасностей, представляющих собой долгосрочные следствия копившихся веками пороков и дурных наклонностей, решивших именно сейчас выйти из многовековой тени к свету. Травма становится призмой, через которую рассматривается абсолютно все и которая уравнивает всех пострадавших и потерпевших. Любой разговор напоминает беседу больных у Зощенко, хвастающихся болезнями, пространство СМИ захватывает тема бытового насилия – жертвы сексуального насилия спустя годы вдруг начали сводить счеты с бывшими начальниками и любовниками, обострилась тема домашнего насилия и насилия в отношении детей. Комплекс жертвы охватывает самые разные социальные слои и группы, возникают потерпевшие от государства, общества, соседей. Общество как масштабную, объективную живую историю героев сменяет социум как частная, рыхлая, субъективная история побежденных, травма становится важнейшим маркером, определяющим социальную и политическую жизнеспособность общества. Не случайно за последние годы на Западе и в России наблюдается стремительный рост «историографии травмы».

В этих условиях неизбежно возникает «конкуренция жертв», когда уровень «моральной экономики» измеряется по способности не только победить ближнего количеством и ужасом пережитых страданий, но и конвертировать их в комфортное будущее. «В настоящее время коллективная идентичность многих групп основана на их виктимизации в прошлом, – пишет Э. Содаро, – и часто подкреплена спорной идеей, что «виктимизация есть знак достоинства». Переход политической и моральной силы от победителей к жертвам делает прошлое одной из важнейших проблем современности... Учитывая огромное число жертв, унесенных XX веком, неудивительно, что именно виктимизация стала значимым политическим, моральным и социальным инструментом» [3. С. 91].

«Прошлое не ушло из повестки дня, только теперь это не золотой век, о котором прежде так много говорилось в социальном дискурсе, – в нем видится нечто ужасное, отвратительное» [4. Р. 122], – пишет Д. Олик. Трагическая память, заполненная гекатомбами жертв, начинает становиться инструментом создания новой политической реальности, в которой жертва приобретает совершенно особый статус. Поэтому жертвы насилия охотно делятся альковными подробностями в сетях и пабликах, становятся звездами ток-шоу, предъявляют на всеобщее обозрение раны, кровоподтеки, разбитые машины. По способности сострадать и помогать жертвам оцениваются лидеры, государства и общества – хорош тот правитель, который много жертвует (милостыня – знак, что ты жертва, даже если ты себя таковой не считаешь), хорошо то государство, которое жалеет, страдает и прощает. Термин «посттравматическое расстройство» из научного лексикона стремительно врывается в повседневный язык.

Состояние жертвы очень выгодно – приятно, когда тебя жалеют и ты можешь не стыдиться своей боли и слез. Когда ты жертва – ты точно ни в чем не виноват. Состояние жертвы обнуляет весь предыдущий опыт, он становится не нужен, так как страданиями и переживаниями, как оказывается, можно тоже нажать неплохой капитал. Мало того, если жалеем жертву, то обязаны осудить героя, ибо жертва всегда нуждается в легитимации своего статуса извне. В этих условиях закономерно подтверждается, что быть проигравшим выгодно – жертва не должна оправдываться и что либо объяснять, в отличие от победителя. При этом в «пространстве травмы», как и за пределами этого пространства, тут же начинается селекция – эстрадная «звезда», единожды поколоченная мужем, оказывается гораздо большей жертвой, чем женщина из провинциального города, регулярно избиваемая мужем-алкоголиком. Убитый полицейским чернокожий уголовник жертвенен, а вступившийся за женщину и осужденный за превышение необходимой обороны белый получает по заслугам. И так далее.

Как только определяется амбивалентная структура «Преступник/жертва», встает вопрос о прощении и его формах. Дискуссии о том, что такое прощение и в каких формах оно должно существовать, чтобы быть адекватным вине, ведутся с момента окончания Второй мировой войны [5. С. 47–67]. Мы видим, как «обвиняемые» массово «просят прощения» (вернее, их вынуждают просить) –

становятся на колени, выступают с покаянными заявлениями, соглашаются со сносami памятников. Однако «жертвы» не торопятся прощать – для них все указанные акции лишь средство убедиться в собственной правоте и легитимизировать компенсационные процессы, которые выражаются преимущественно в грабеже и мародерстве (по точному выражению Д. Леви и Н. Шнайдера, происходит «конвертация прощения в деньги» [5. С. 58–59]), то есть происходит торговля статусом жертвы, когда в полном соответствии с законами рынка именно жертва определяет стоимость страданий.

В координате этих тенденций становятся закономерными выступления, охватившие США. Поскольку они сопровождаются погромами и насилием, которые в общественном сознании всегда имели отрицательные коннотации, возникает необходимость оправдания этих действий, придания им легитимного статуса. Ключевым положением этого оправдания становится то, что право на погромы дано протестующим их трагической историей вековечного унижения и угнетения, хотя в США чернокожих уже никто не угнетает минимум полвека.

Поэтому грабеж, насилие, убийства – все справедливо. «Когда цветные грабят магазин, они забирают мизерную долю того, что было исторически украдено у них, – пишет журналист Вики Отвервейл. – Когда бунтовщики захватывают территорию и грабят, они показывают, каким образом в пространстве без полицейских можно разрушить отношения собственности и получить вещи бесплатно... И в самом деле, – продолжает она, – почему нельзя использовать возможность улучшить свое благосостояние, сделать жизнь лучше, легче или комфортнее?... Только если вы верите, что получить хорошие вещи бесплатно аморально, если вы верите, что нынешний режим собственности справедлив, тогда вы способны поверить, что мародерство аморально само по себе... Мародеры всего лишь ... экспроприируют то, что иначе купили бы – например, спиртное, – но это все равно представляет собой средство, с помощью которого бунты помогают обществу, предоставляя людям возможность решить некоторые из своих насущных проблем и создавая пространство для свободного воспроизводства своей жизни, а не делая это с помощью наемного труда» [6]. Примечательно, что если подставить в этот текст слова «насилие», «убийство», «поджоги» – ничего не изменится. «Свободное воспроизводство жизни» не прекратится. Мощь и масштаб вопиющей к отпущению истории угнетенных столь велики, что выровнять чаши весов невозможно. Сколько бы ни кляли «обвиняемые» на свою, чаша «жертв» все равно не сдвинется с места.

Отсюда желание воскрешать концепцию «коллективной вины», против которой был после Второй мировой войны даже Карл Ясперс, ставить назначенных виновными и особенно полицию, на колени. Необходимо подчеркнуть, что этот акт полностью лишает прав коленопреклоненных, это знак глобального согласия на все, предания себя в руки победителей, капитуляции на любых условиях, готовности каяться даже за то, что не совершали. После этого невозможно уравнивать шансы – это стояние на коленях останется навсегда знаком тотальной потери достоинства из-за глобального проигрыша побежденным и неизбежно откроет эпоху вывернутого наизнанку расизма.

Из этого закономерно вытекает, что погибший уголовник возносится на знамена, освящая и осеняя своей праведной смертью прежде всего всех уголовников, закономерно, что учреждается премия его имени, нет сомнения что будет ему и памятник. Это тоже тенденция. В США, толком не воевавших во Второй мировой войне, плохо различают жертву Освенцима и жертву пьяной драки в пивной, считают, что музыкант, отмороживший руки в Дахау, и обитатель национального квартала, избитый полицейскими за украденный арбуз, достойны одинаковой чести и компенсации – ведь оба они жертвы.

Абсурд ситуации здесь и в том, что внезапно объявившиеся «жертвы» расизма, не заставшие колониационных процессов и не испытывавшие расизма, требуют от «виновных» покаяния в расизме, которого они тоже не выражали и признания ответственности за колониальное прошлое, к которому они не имели отношения. Таким образом, понуждая «виновных» к покаянию, «жертвы» получают «знак покаяния» (вставание на колени, жесты, ритуалы, не наполненные ничем, так как вины кающиеся не испытывают), который, разумеется, не может никого удовлетворить. Результатом работы этого искусственно созданного «фантома памяти» становится отнюдь не фантомное насилие и не фиктивное мародерство.

Еще одна причина происходящего – попытка снизу вернуть переживающей глубокий кризис демократии ее реальный смысл, вновь сделать ее властью сознательного большинства. Однако здесь есть одна серьезная проблема. Современные революции – это революции без ведущего класса, носителя идей, собственно революционеров, вокруг которых группируются люмпены в качестве боевой силы. Особенность нынешних революций в том, что они без революционеров. И это не сегодня началось – революция 1990-х – это буржуазная революция без буржуазии, то есть без носителей морали и ценностей. А только при наличии ценностей и морали оправдано насилие. Нынешние революции начинают с насилия, в надежде, что потом все само образуется. В итоге новый «правлящий класс» создается искусственно, назначается из самых активных погромщиков.

Поскольку демократия – это прежде всего система идей, утверждаемых на форумах и агорах, а не на полях сражений и в уличных драках, попытка вернуть сознательному большинству власть оборачивается кратковременной властью маргинального меньшинства. Основа революции – борьба идей. Основа квазиреволюции – погром магазинов. Погромом можно захватить кабинет, но не власть. Здесь важно и то, что это меньшинство все время требует от власти гарантий, льгот и благ, хотя тем, кто решает исторические судьбы стран, гарантии не нужны – они их дают сами. Иначе они не могут действовать свободно. Соответственно из тех, кто кланчит, невозможно создать и гражданское общество, которое нужно для того, чтобы люди цивилизованно, демократически выясняли отношения и утверждали позиции.

Там, где расстановка позиций осуществляется насилием, нет общества – есть стая, где любой несогласный вызывает настороженность. Стая, погромщики, насильники – это не субъект для диалога, это пустота. Свобода, демократия не могут быть брошены в пустоту. Они делегируются кому-то, субъекту, а

не никому, безличной массе. И поэтому никакого результата быть не может. То есть все вернется назад. Только еще в худшем виде, так как власть будет сильно напугана и постарается сделать все, чтобы это не повторилось.

Еще одна проблема. То, что происходит в Америке и в Европе, стало следствием проблем, которые копились годами. Так, уже более 30 лет во всем западном мире растет неравенство между богатыми и бедными. В США это неравенство в наши дни достигло своего исторического пика, выйдя на уровень 1929 года, то есть года, за которым последовала «великая депрессия». Уже началась отмена государственной медицины, образования, социального обеспечения, различных льгот и пособий. Реальная средняя зарплата американца не увеличивалась с 1973 года и рост благосостояния происходил только за счет кредитной задолженности [7]. Недавно изданный доклад ФРС открыто говорит о том, что 2/3 американских домохозяйств не в состоянии набрать 400 долларов наличных, не продав имущество или не заняв у родственников или друзей. С 2008 года 70% американцев сократили свои расходы на отпуск и развлечения, 40% стали тратить на текущие нужды накопления на старость и обучение детей, 29% начали одалживаться у близкого круга [8].

В крупнейших странах Старого света вводится повсеместно политика «жесткой экономии», вызывающая постоянные забастовки. Во Франции планируется повышение возраста, с которого наступает право на полное пенсионное пособие с 65 до 67 лет – содержать стариков нет возможности [9]. Не растут зарплаты, но растет безработица, которая достигла с начала века максимального уровня, грядет 75-процентный налог на годовой доход свыше миллиона евро, из страны бежит молодежь и предприниматели. У Испании дефицит бюджета около 10% от ВВП. Зарплаты госслужащих были урезаны на 5%, а в дальнейшем будут заморожены [10]. В Великобритании в конце октября 2014 года премьер-министр представил план, включающий сокращение социальных гарантий, повышение пенсионного возраста до 66 лет [11]. «Как же это так, – недоумевают исследователи Д. Хиз и Э. Поттер, – мы в состоянии производить столько богатства и в то же время не можем обеспечить сколь угодно заметные улучшения в плане жизни людей? Мы постоянно слышим о том, что как общество мы больше не можем позволить себе иметь бесплатную медицину и бесплатное образование. Но если мы не можем позволить это себе сейчас, то как же мы могли пользоваться этими благами тридцать лет назад, когда страна производила вдвое меньше? Куда же деваются деньги?» [12].

Деньги деваются в явление, которое Н. Гринвич (республиканец и кандидат в президенты США) точно обозначил как «кумовской капитализм». То есть деньги общества, которому все равно не поможешь, тратятся богатыми на спасение друг друга, а не страны. Лестер К. Туроу отмечает, что в 1980-е годы 64% роста зарплат пришлось на долю всего 1% работников, то есть топ-менеджеров. Средний заработок управляющих пятисот крупнейших компаний США в то время повысился в среднем с 35 до 157 зарплат среднего рабочего [13. С. 125]. С. Костяев констатирует: «...По данным исследования, проведенного в Массачусетском технологическом институте и Федеральной резервной системе, с 1970-х годов доходы руководителей корпораций с учетом

инфляции выросли в четыре раза, тогда как заработки 90% американцев не изменились. В 1970 году зарплата руководителя корпорации в 28 раз превышала зарплату рядового сотрудника, а к 2005 году это соотношение выросло до 158 раз. В исторической перспективе США вернулись к ситуации 1920-х годов» [14].

Кроме того, значительное количество людей начинают чувствовать, что незаметно произошла сегрегация, когда тебя, не спрашивая, приобщили к постоянно растущей массе тех, кто опоздал к празднику жизни и дележу пирога. Все большее количество людей исключается из политических, социальных, культурных процессов, их голоса не слышно в СМИ, их мнение не учитывается, государство не видит их как граждан, а общается с ними, как с массой через милостыню – пособия, подачки, выплаты, – а также через полицию и чиновников, которым эта масса отдана на аутсорс. «Делайте с ними, что хотите, только чтобы было тихо». Эти люди никогда не займут никакие посты и должности не потому, что у них нет способностей – их просто не пустят.

Они это видят, понимают, чувствуют. И бунты, поджоги, погромы – это сегодня единственный способ обратить на себя внимание (не случайно у этих протестов нет никакой содержательной повестки). Так нередко ребенок задает десятки глупых вопросов родителям не для того, чтобы получить ответ, а чтобы мамаша, наконец, отклеилась от телефона и повернула в его сторону голову. В этой логике ИГИЛ взрывали бамианские статуи Будды и громили музеи, и главным посылом этого варварства было: «Мы здесь! Мы есть! Мы заставим вас говорить с нами!» Поэтому убитый афроамериканец Флойд становится национальным героем, то есть взлетает снизу на самый верх, а сотни тысяч его последователей, доселе обитавших на задворках, вдруг на центральных улицах и площадях заставляют полицейских или белых вставать на колени, каяться, смиряться, разговаривать с ними.

Есть и еще одна проблема. Сегодняшняя «политика» рождается не в кабинетах, а в ток-шоу, и обслуживает не конкретных людей, а абстрактные «ценности демократии». Мало того, сегодня политика и власть разделились и все больше отдаляются друг от друга, а это значит, что политика превратилась в технологию. Однако потребность в политике не просто осталась – она возросла. И из щели между политикой и властью вырастают те самые погромишки, которые создают политическую энергию, то есть насильно генерируют политику, поджигая машины и громя дома. То есть они требуют у элит политики и внимания, как беспризорник, описанный А. Мариенгофом: «Тетя, дайте гривенник, а то в рожу плюну – у меня сифилис» [15].

В заключение необходимо отметить, что происходящее показывает – мультикультурализма больше нет. Значительная часть афроамериканцев так и осталась «афро», не став американцами. Годы жили в национальных кварталах, как в Африке, усвоив лишь одну, главную истину – «белые перед нами виноваты и нам обязаны». Поэтому любая попытка навести среди них порядок, заставить работать, прекратить торговать дурью, немедленно квалифицировалась как национализм, ксенофобия и расовая сегрегация – сами их этому научили, так что жаловаться некому. Они тем временем добивались

своего – никто не просил вас разводить колониальную систему, а теперь не обижайтесь – раньше вы мочили нас, а теперь мы давим вас, так бывает и еще как бывает. И пока государство прикидывалось толерантным, росли протофашистские движения – с 2000 года количество таких групп в США выросло на 56% [16]. Они показывают, что не так страшен национальный вопрос, как ответ на него, который они, а не государство, готовы дать.

Примечание

(1) Как характерное отражение этого подхода в ноябре 2019 г. начал работу сайт, представляющий собой базу жертв нацизма, содержащую более 10 млн человек. См. <https://collections.arolsen-archives.org>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Levy D., Szneider N.* Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // *European Journal of Social Theory.* 5 (1).
- [2] *Fassin D., Rechtman R.* The Empire of Trauma: An Inquiry into the Condition of Victimhood. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2009.
- [3] *Эми Содаро.* Мемориальные музеи: возникновение новой формы // Неприкосновенный Запас. Дебаты о политике и культуре. № 6 (128). 2019.
- [4] *Olick J.* The politics of regret. On collective memory and historical responsibility. New York. Routledge. 2007.
- [5] *Даниэль Леви, Натан Шнайдер.* Права человека и конфликты памяти: политика прощения // Неприкосновенный Запас. № 5 (127). 2019.
- [6] *Vicky Osterweil.* In Defense of Looting // *The New Inquiry.* № 21. August. 2014.
- [7] Долги американцев по кредитам поставили новый рекорд. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2019/5d53cdc69a794712daa67cc2>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [8] *Paul Craig Roberts, Dave Kranzler, and John Titus.* The De-industrialization of America. URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2014/08/11/de-industrialization-america/>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [9] Власти Франции решили поднять возраст для получения полной пенсии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df103529a7947dfd595d94a>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [10] Испания снижает прогноз по росту ВВП из-за борьбы с дефицитом. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/05/2010/5703da5e9a79470ab5020e4d>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [11] Правительство Британии готовится уволить миллион госслужащих. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/business/pravitelstvo-britanii-gotovitsya-uvolit-million-gos-sluzhaschih?id=31993077>. Дата обращения: 17.03.2020.
- [12] *Хиз Д., Поттер Э.* Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления. М., 2007.
- [13] *Лестер К. Туроу.* Будущее капитализма. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/capital/89->. Дата обращения: 11.03.2020.
- [14] *Костяев С.С.* Финансовая реформа в США: основные положения // *Экономические и социальные проблемы России.* № 1. 2012.
- [15] *Мариенгоф А.* Роман без вранья. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000437071/quotes-roman-bez-vranya-anatolij-mariengof>. Дата обращения: 17.03.2020.
- [16] Америка находится на грани фашистского восстания. URL: <https://www.politforums.net/usa/1406135041.html>. Дата обращения: 11.03.2020.

REFERENCES

- [1] Levy D., Szneider N. Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory. *European Journal of Social Theory*. 5 (1).
- [2] Fassin D., Rechtman R. *The Empire of Trauma: An Inquiry into the Condition of Victimhood*. Princeton; Oxford: Princeton University Press. 2009.
- [3] Amy Sodaro. Memorial museums: the emergence of a new form. *Emergency ration. Debates about politics and culture*. (6), (128). 2019.
- [4] Olick J. *The politics of regret. On collective memory and historical responsibility*. New York. Routledge. 2007.
- [5] Daniel Levy, Nathan Schneider. Human Rights and Conflicts of Memory: The Politics of Forgiveness. *Emergency ration*. (5), (127). 2019.
- [6] Vicky Osterweil. In Defense of Looting. *The New Inquiry*. (21). August. 2014.
- [7] American loan debts set a new record. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/08/2019/5d53cdc69a794712daa67cc2>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [8] Paul Craig Roberts, Dave Kranzler, and John Titus. The De-industrialization of America. URL: <https://www.paulcraigroberts.org/2014/08/11/de-industrialization-america/>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [9] The French authorities decided to raise the age for full pension. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2019/5df103529a7947dfd595d94a>. [Accessed: 15.03.2020]. (In Russ.).
- [10] Spain lowers its forecast for GDP growth due to the struggle with the deficit. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/05/2010/5703da5e9a79470ab5020e4d>. [Accessed: 15.03.2020]. (In Russ.).
- [11] The British government is preparing to fire a million civil servants. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/business/pravitelstvo-britanii-gotovitsya-uvolit-million-gos-sluzhaschih?id=31993077>. [Accessed: 17.03.2020]. (In Russ.).
- [12] Heath D., Potter E. *Riot for Sale: How Counterculture Creates a New Consumer Culture*. M., 2007.
- [13] Lester K. Throw. The future of capitalism. URL: <https://www.modernproblems.org.ru/capital/89->. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).
- [14] Kostyaev S.S. Financial reform in the United States: the main provisions // *Economic and social problems of Russia*. (1). 2012.
- [15] Mariengof A. A novel without lies. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000437071/quotes-roman-bez-vranya-anatolij-mariengof>. [Accessed: 17.03.2020]. (In Russ.).
- [16] America is on the brink of a fascist rebellion. URL: <https://www.politforums.net/usa/1406135041.html>. [Accessed: 11.03.2020]. (In Russ.).

Research article

“The looters are just expropriating what they would otherwise have bought ...”

Towards the phenomenology of contemporary protest in the United States

S.A. Voronin, B.G. Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay street, Moscow, Russian Federation, 117198

The article analyzes the phenomenon of social protests that swept the United States in 2020. The article considers the evolution of the concepts of “sacrifice” and “redemption” in the

modern public consciousness of the USA and Europe. The author analyzes the cause-and-effect relationships of what is happening, the phenomena accompanying the protests, in particular, looting, which is perceived by the protesters not as a marginal phenomenon, but as a necessary condition for restoring social justice.

Keywords: USA. Protest. Floyd. Looting. Victim. Redemption

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин Сергей Анатольевич – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru.

Voronin S.A. – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: svoronin.rudn@mail.ru.

Якеменко Борис Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, г. Москва, e-mail: Borislj@mail.ru.

Yakemenko Boris – PhD in History, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: Borislj@mail.ru.

Для цитирования / For citation

Воронин С.А., Якеменко Б.Г. «Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...». К феноменологии современного протеста в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 380–389. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Voronin S.A., Yakemenko B.G. "The looters are just expropriating what they would otherwise have bought...". Towards the phenomenology of contemporary protest in the United States // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 380–389. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-380-389

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 09.07.2020

АНТИЧНЫЙ МИР ANTIQUE WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-390-398

Научная статья

Аграрный закон 111 г. до н. э. как исторический источник

В.А. Колюхов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1

В статье рассматривается один из важнейших памятников истории Республиканского Рима – эпитафический аграрный закон 111 г. до н. э. Целью настоящей источниковедческой работы является комплексная характеристика данного памятника в качестве исторического источника. Дана материальная характеристика памятника, освещена история его научной реконструкции, подняты вопросы атрибуции и показана значимость памятника как исторического источника по целому ряду аспектов жизни Древнего Рима.

Ключевые слова: аграрная история, аграрный закон, *Lex agraria*, *Lex Thoria*, гракханские реформы

Аграрный вопрос в Древнем Риме был актуален в той или иной степени с очень раннего времени. Традиция римской историографии фиксирует упорядочение земельных отношений уже в царскую эпоху. Позднее, в республиканское время, проекты аграрных законов нередко оказывались ключевым пунктом противоречий между основными «сословиями» римского общества – патрициями и плебеями. Уже в 486 г. до н. э. выдвижение подобного проекта о переделе земель стоило его автору, Спурию Кассию, жизни – он был обвинен в попытке захвата власти и казнен. Через несколько веков схожая участь постигнет и других аграрных (хотя и не только аграрных) реформаторов – братьев Гракхов.

Что касается памятников аграрного права, то первым из них можно назвать знаменитые Законы XII Таблиц, в которых имеются правовые установления, посвященные регулированию аграрных отношений (например, устанавливается ширина межи между двумя полями в 5 римских футов). Среди других значимых аграрных законов стоит выделить *lex agraria* Лициния – Секстия 367 г. до н. э., установивший земельный максимум – «потолок»

© Колюхов В.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

количества земли, которым мог владеть римский гражданин. К сожалению, текст как этого, так и многих других аграрных законов и тем более законопроектов до нас не дошли – в лучшем случае их содержание известно нам в пересказе римских историков (поэтому достаточно часто исследователи высказывают сомнения в историчности закона Лициния – Секстия). Это касается даже таких значимых правовых актов, какими были аграрные законы, принятые в пору трибуната братьев Гракхов – великих реформаторов Древнего Рима. Тем ценнее оказывается для нас тот эпиграфический источник, о котором пойдет речь – аграрный закон 111 г. до н. э.

Lex agraria 111 года до н. э. (далее LA111aC) высечен на одной из сторон памятника, именуемого *Tabula Vemбина* и представляющего собой бронзовую табличку с обоесторонним текстом – на другой стороне таблицы выбит текст закона о судах за злоупотребления («*Lex de iudiciis repetundarum*»). Памятник был обнаружен в конце XV века невдалеке от г. Урбино (Италия). Табличка дошла до нас в расколотом виде, причем многие фрагменты были утрачены еще до находки, а фрагмент E (1) исчез впоследствии (к счастью, его успели трижды опубликовать), поэтому тексты обоих законов изобилуют лакунами: большая часть строк обрывается или начинается не сначала; во многих случаях отсутствуют целые абзацы. Заполнение этих лакун оказывается, тем не менее, во многих случаях возможным благодаря формульной структуре LA111aC (далее, естественно, мы не будем говорить о *Lex de iudiciis repetundarum*). Речь идет о частом повторении вводных и заключительных клаузул в ряде римских законодательных документов II в. до н. э. [1. P. 61–63], а также об использовании схем и шаблонов для построения многочисленных придаточных предложений, которые в рамках развернутого условно-определяющего периода очень часто нагромождались друг на друга, что сделало тексты законов достаточно трудными для понимания исследователями из-за необходимости «распутывать» многоуровневые иерархические и горизонтальные связи таких придаточных предложений. Тем не менее, благодаря такой формульной структуре имеется возможность в значительной степени реконструировать содержание утраченных фрагментов, исходя из сохранившихся. Однако наличие в ряде случаев нескольких вариантов для заполнения лакуны приводит к появлению противоречащих друг другу конъектур утраченных фрагментов.

Ныне фрагменты памятника находятся в музеях Неаполя и Вены.

Хотя фрагменты памятника публиковались уже с XVI в. (зачастую качество публикаций оставляло желать лучшего), но основы изучения аграрного закона 111 г. до н. э. заложил К.А. Кленце, в 1825 г. издавший *Lex de iudiciis repetundarum*, который находится на лицевой стороне *Tabula Vemбина*. Ему впервые удалось удачно согласовать имеющиеся фрагменты памятника, и благодаря этому оказалась возможной научная реконструкция текста обоих эпиграфических законов с *Tabula Vemбина*. В 1839 г. А. Рудорфф осуществил первое научное издание *Lex agraria* 111 года до н. э. Закон привлек внимание известнейшего немецкого антиковеда Т. Моммзена, и многолетние труды по изучению текста этого памятника позволили Моммзену предпринять новое издание эпиграфического закона в 1863 г. в первом томе *CIL* (*Corpus*

Inscriptionum Latinarum – «Корпус латинских надписей»; переиздан в 1918 г.). Позднее Моммзен внес некоторые коррективы в реконструкцию, что нашло отражение в посмертной публикации (1905 г.) в составе собрания сочинений ученого. Моммзен удачно восполнил многие лакуны, имевшиеся в эпиграфическом тексте, и большинство специалистов согласились с его конъектурами. Хотя появившиеся в начале 90-х годов XX века новые данные потребовали пересмотра целого ряда его реконструкций, текст Моммзена воспроизводится во многих современных изданиях в качестве базового.

В конце 60-х – начале 70-х гг. XX века появилось сразу несколько работ, в той или иной степени реконструировавших текст аграрного закона. В 1966 г. немецкий исследователь Ф.Т. Хинрихс в своей работе «Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr.» прокомментировал LA111aC, предложив ряд интересных конъектур и новых идей, в частности, о сущности *ager exseptus*. В 1969 г. Х. Мэттингли [2. P. 129–143] предпринял ревизию моммзеновской реконструкции *tabula Vembina* в той ее части, которая касалась взаиморасположения фрагментов А и В, а также оригинального местоположения утерянного фрагмента F. В 1971 г. свою диссертацию по LA111aC защитила К. Йохансен [3], ориентировавшаяся прежде всего на Моммзена, но принявшая в своей реконструкции многие конъектуры Хинрихса и предложившая ряд собственных.

Конец XX и начало XXI века ознаменовались, можно сказать, прорывом в издании и изучении LA111aC – появилось сразу несколько новых реконструкций. Первым в 1992 г. новое издание текста закона подготовил Э. Линтотт. Используя текст Т. Моммзена, Линтотт предложил ряд удачных конъектур, заполняющих лакуны в эпиграфическом тексте *Lex agraria*. В том же 1992 г., когда книга Э. Линтотта уже должна была вот-вот выйти в свет, другой исследователь, М. Кроуфорд, предложил иное расположение двух фрагментов бронзовой таблицы с текстом LA111aC. Он показал, что лакуна между фрагментами А и В (фрагменты таблицы традиционно обозначаются главными буквами латинского алфавита) значительно меньше, чем предполагалось ранее. Представленное Кроуфордом взаиморасположение фрагментов значительно сокращает начальные лакуны в стр. 65 – 105 закона, но вносит не так много нового в его интерпретацию. Э. Линтотт в некоторой степени учел данные Кроуфорда, сделав несколько пояснений и добавлений к своим комментариям, но отказываться от своей реконструкции не стал. М. Кроуфорд опубликовал свою реконструкцию текста LA111aC в изданном им корпусе римских законодательных памятников – она и стала основополагающей для большинства современных исследователей аграрного закона [4. P. 154]. Тем не менее, третье по счету за полтора десятилетия издание *Lex agraria*, предпринятое итальянским исследователем О. Сакки в 2006 г., воспроизводит в качестве основного текст Т. Моммзена, а реконструкция М. Кроуфорда указывается лишь в критическом аппарате. Отечественный исследователь Т.Г. Мякин именно по этому изданию (хотя привлекалась и реконструкция М. Кроуфорда) осуществил в 2006 г. первый перевод на русский язык текста LA111aC. Благодаря этому переводу среди отечественных исследователей вырос интерес к гракханским реформам в целом и *Lex agraria* 111 года в

частности. Надо отметить, что издание Сакки было подвергнуто критике М. Кроуфордом в связи с использованием в качестве основы устаревшей реконструкции Моммзена.

В 2015 году вышла работа итальянского исследователя С. Сизани [5], в которой он предпринимает попытку новой, более полной реконструкции текста аграрного закона 111 г. По сравнению с реконструкцией Кроуфорда Сизани предложил несколько иное – хотя и не слишком отличающееся – взаиморасположение некоторых фрагментов бронзовой таблицы с текстом законов. Последовательное разбиение текста *Lex agraria* на параграфы (что ранее делали Рудорфф и Линтотт, причем во всех трех случаях разбиение несколько отличается) при достаточно смелом подходе к заполнению имеющихся лакун (во многом с опорой на первое издание LA111aC, предпринятое Р. Рудорффом) превратило реконструкцию фактически в полноценный текст. Сизани, однако, в своей работе ограничился лишь первой, итальянской частью закона, рассмотрев также давно дискутируемый вопрос о принадлежности строк 42–48 к той или иной части LA111aC. Помимо этого данным исследователем был осуществлен постатейный перевод итальянской части закона на итальянский язык.

Важнейшей проблемой, связанной с LA111aC, является его атрибуция. Основными источниками, на которые исследователи опираются в своих гипотезах на этот счет, являются сочинения Аппиана Александрийского, Плутарха и Цицерона. Один из крупнейших историков Древнего Рима Аппиан Александрийский в своих «Гражданских войнах» (App. BC. I. 27) говорит о трех аграрных законах, принятых вскоре после гракханских реформ. В связи с этим различные исследователи неоднократно предпринимали попытки обосновать отождествление эпиграфического LA111aC с одним из них. Ситуация осложняется еще и упоминанием у Цицерона трибуна Спурия Тория в контексте аграрного закона (Cic. Brut. 36. 136).

Традиционная точка зрения, идущая от Моммзена [6. P. 77], отождествляет аграрный закон 111 г. до н. э. со вторым из аппиановых законов, проект которого, по данным Александрийца, был внесен плебейским трибуном Спурием Торием, почему очень часто эпиграфический LA111aC именуется *Lex Thoria* – законом Тория. Однако это небесспорно. С одной стороны, имели место попытки развести *Lex Thoria* и аграрный закон 111 г. до н. э., с другой – высказывалось мнение о том, что Аппиан неверно приписал трибуну Торию второй из законов, поскольку на самом деле ему принадлежал третий – такая точка зрения была высказана французским исследователем Ш. Соманем и опирается на одну из трактовок высказывания Цицерона об аграрном законе Тория в трактате «Брут» (Cic. Brut. 36. 136), а также на пассаж из его же трактата «De oratoribus» (Cic. De or. 2. 70. 284).

Британско-нидерландская исследовательница С. Розелаар (вслед за К. Йоханнсен и другими авторами) считает, что LA111aC следует отождествить с третьим из аппиановых законов [7. P. 271]. Она исходит из того, что в строках 19 и 20 LA111aC достаточно прозрачно говорится об отмене налога (именуемого *uestigal*) на частные земли (*agri privati*), а Аппиан как раз и упоминает, что третий из законов отменил взимание налога с владельческих

земель. Главной проблемой становится следующий отрывок из Аппиана: «уменьшились и раздачи, и законы – пятнадцать лет спустя после реформы Гракха – при разборе дел в судах перестали применяться» (App. BC. I. 27). Итак, Аппиан говорит, что примерно через 15 лет после реформы Гракха действие его законов сошло на нет. В связи с этим встает два вопроса: 1) от реформ какого из братьев Гракхов отсчитывать эти 15 лет? 2) можно ли сказать, что третий аппианов закон и ознаменовал конец этого периода или нет? Положительный ответ на второй вопрос, который давали многие ученые, затрудняет соотнесение третьего аппианова закона с LA111aC при любом ответе на первый: в самом деле, отнимая 15 лет от начала реформы Тиберия, мы получаем 118 г. до н. э., проделывая то же самое с датой начала реформ Гая – 108 г. до н. э. Тем не менее, С. Розелаар считает возможным ответить отрицательно на второй вопрос – по ее мнению, третий из аппиановых законов был принят уже после вышеописанного пятнадцатилетнего периода, начало которого она отсчитывает от 133 г. до н. э.; последнее выглядит и с нашей точки зрения более предпочтительным. С С. Розелаар солидаризируются и отечественные исследователи А.М. Сморгачев и Р.В. Лапыренко [8. С. 209–210].

Высказывалась и та точка зрения, что LA111aC следует отождествить с первым из аппиановых законов [9. Р. 164–166]: ведь в памятнике речь идет скорее о подтверждении аграрных мероприятий Гракха, нежели об их отмене, а кроме того, нет особых ссылок ни на какие предшествующие законы, кроме гракханских. Однако упоминания различных не названных по имени законов в тексте *Lex agraria* все же имеются.

Наконец, недавно итальянский исследователь С. Сизани выдвинул гипотезу о том, что закон 111 г. до н. э. принадлежит плебейскому трибуну того года Гаю Меммию и не входит в число тех трех законов, о которых говорит Аппиан. При этом, как и Розелаар, он отсчитывает 15 лет от деятельности старшего из Гракхов, помещая таким образом все три аппиановых закона в промежуток до 118 г. до н. э. Критики такой идеи полагают, что Гай Меммий, будучи оппозиционером, едва ли мог предложить столь просенатский документ [10. С. 173]; кроме того, непонятно, почему Аппиан не упоминает об этом четвертом законе в своей книге.

Таким образом, практически все концепции построены на неполном учете имеющихся данных, притом что набор источников весьма небогат, однако между ними существуют заметные разногласия, что и привело к тому, что LA111aC до сих пор не может быть однозначно атрибутирован. Вопрос о том, возможно ли вообще на базе имеющихся источников сделать это, остается открытым.

Важнейшей особенностью LA111aC является его деление на итальянскую, африканскую и элладскую части. К сожалению, последняя сохранилась крайне плохо, тем не менее, сравнение итальянской и африканской частей дают значительный материал по вопросу о региональном измерении римского права в конце II в. до н. э.

Аграрный закон 111 года до н. э. является источником по истории Древнего Рима сразу в нескольких ее аспектах. Во-первых, он является отражением

текущего военно-политического момента – речь идет прежде всего о том, что он был принят в ситуации Югуртинской войны. Недаром исследователями уже достаточно давно высказывалась мысль о том, что ряд положений закона направлен прежде всего на успокоение крестьян, служащих в легионах, чтобы они, пока идет война, могли не опасаться потерять свои земельные участки в результате действий откупщиков [11].

Во-вторых, охватывая более широкий исторический контекст, стоит сказать, что LA111aC является важнейшим источником по истории гракханских реформ, в особенности в отношении деятельности младшего из братьев, Гая. В первой, италийской части неоднократно упоминается категория земель, исключенных из раздела по закону и/или плебисциту, предложенному Гаем Гракхом. Мнения исследователей насчет того, что это были за земли, разделились: одни видели здесь скорее политический подтекст – по их мнению, исключались из раздела земли италийских союзников Рима [12]; другие авторы полагали, что вообще не представляется возможным говорить об этих *agri exserti* как единой категории [13. С. 16]. Однако наиболее вероятной представляется самая ранняя концепция, предложенная Моммзенем, о том, что из раздела и распределения исключались поля, которые римское государство сдавало в аренду через цензоров – т. н. *agri censorii*. Нельзя не сказать, однако, что и эта точка зрения подкрепляется лишь довольно косвенными свидетельствами Цицерона и Грания Лициниана.

В-третьих, италийская часть LA111aC дает информацию о правовых различиях между римскими гражданами и италийскими союзниками Рима – многие положения закона очевидным образом касаются только первых, но в некоторых случаях упоминаются и вторые (*socii nominis Latini*) – они, в частности, могут быть «прежними владельцами» участков на римской общественной земле (*ager publicus*). Такие сведения являются особенно ценными для понимания ситуации накануне одного из важнейших событий поздней Республики – Союзнической войны 91–88 гг., во многом изменившей политико-правовую структуру Римской державы.

В-четвертых, и это, пожалуй, важнее всего, данный закон является источником по хозяйственно-экономической и правовой истории Древнего Рима. В самом деле, в тексте закона упоминается множество различных аграрно-правовых категорий, в том числе такие важнейшие, как *ager publicus* и *ager priuatus*. Значение последнего из терминов дебатировалось и продолжает дебатироваться: если ранее чаще всего полагали, что речь идет о частнособственническом поле, то теперь исследователи переводят это как «частное (в смысле выделенное из общественного) поле». Здесь нужно отметить сложность вопроса о сущности частного вектигального поля – т. н. *ager priuatus uestigalisque*, упоминающегося в африканской части закона. Дело в том, что по нормам классического римского права частное поле в собственности не могло быть вектигальным. Можно предположить, что *ager priuatus uestigalisque* как раз и зафиксировал этап формирования частной собственности на землю, когда уже выделенное и обособленное поле еще не осознавалось как полностью принадлежащее собственнику и не получило статус

dominium ex iure Quiritium – ведь такого термина в конце II в. до н. э. еще не существовало, хотя некоторые авторы и считают, что именно LA111aC сформировал доминиальное право на недвижимость [14. С. 258].

Подводя итог, можно сказать, что изучение Lex agraria 111 aC продолжает активно развиваться, и новые концепции могут быть связаны как с более внимательным и точным его прочтением, так и с помещением его данных в принципиально новые научные контексты (прежде всего археологические).

Примечания

(1) Фрагменты tabula Bembina именуются с помощью заглавных букв латинского алфавита.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Lintott A.* Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. A new edition with translation and commentary of laws from Urbino. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- [2] *Mattingly H.* The Two Republican Laws of the Tabula Bembina // *The Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. N 1/2.
- [3] *Johannsen K.* Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar. Inaug. Diss. München: Ludwig-Maximilians-Universität München, 1971.
- [4] *Crawford M.* Lex agraria // *Idem*, editor. Roman Statutes (BICS Supplement 64). London, 1996. Vol. I.
- [5] *Sisani S.* L'ager publicus in età graccana (133 – 111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica. Roma: Edizioni Quasar, 2015.
- [6] *Mommsen Th., Henzen W., Hülsen Ch.*, editores. Corpus Inscriptionum Latinarum: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem. Editio altera. Berolinum: apud G. Reimerum, 1893.
- [7] *Roselaar S.T.* Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396 – 89 BC. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- [8] *Ланыренко П.В., Сморгачев А.М.* Аппиан и пост-гракханское аграрное законодательство // *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал*. 2014. Вып. 4.
- [9] *Rathbone D.* The control and exploitation of ager publicus in Italy under the Roman Republic // *Aubert J.-J.* (ed.). *Tâches publiques et entreprise privée dans le monde romain*. Geneve: Droz, 2003.
- [10] *Ланыренко П.В.* Sisani S. L'ager publicus in età graccana (133 – 111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica. Roma: Edizioni Quasar, 2015. 340 p. // *Вестник древней истории*. 2016. N 1.
- [11] *Hinrichs F.T.* Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1966. Bd. 83. S. 298.
- [12] *Hinrichs F.T.* Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1966. Bd. 83. S. 255 ff.
- [13] *Мякин Т.Г.* Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения): статья вторая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. Вып. 1: История.
- [14] *Курьюшов Д.А.* Аграрный закон 111 г. до н.э. и римская собственность на землю // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 4. СПб., 2005.

REFERENCES

- [1] Lintott A. *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. A new edition with translation and commentary of laws from Urbino*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992.
- [2] Mattingly H. *The Two Republican Laws of the Tabula Bembina*. In: *The Journal of Roman Studies*. 1969; 59(1/2).
- [3] Johannsen K. *Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr. Text und Kommentar*. Inaug. Diss. München: Ludwig-Maximilians-Universität München; 1971.
- [4] Crawford M. *Lex agraria*. In: Idem, editor. *Roman Statutes* (BICS Supplement 64). London; 1996. Vol. I.
- [5] Sisani S. *L'ager publicus in età graccana (133 – 111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica*. Roma: Edizioni Quasar; 2015.
- [6] Mommsen Th., Henzen W., Hülsen Ch., editores. *Corpus Inscriptionum Latinarum: Inscriptiones Latinae antiquissimae ad C. Caesaris mortem*. Editio altera. Berolinum: apud G. Reimerum; 1893.
- [7] Roselaar S.T. *Public Land in the Roman Republic. A Social and Economic History of Ager Publicus in Italy, 396 – 89 BC*. Oxford: Oxford University Press; 2010.
- [8] Lapyryonok R.V., Smorchkov A.M. *Appian and post-Gracchan agrarian legislation*. In: *Antiquitas aeterna. Povolzhskii antikovedcheskii zhurnal*. 2014; (4) (In Russ.).
- [9] Rathbone D. *The control and exploitation of ager publicus in Italy under the Roman Republic*. In: Aubert J.-J., editor. *Tâches publiques et entreprise privée dans le monde romain*. Geneve: Droz; 2003.
- [10] Lapyryonok R.V. *Sisani S. L'ager publicus in età graccana (133 – 111 a. C.): Una rilettura testuale, storica e giuridica della lex agraria epigrafica*. Roma: Edizioni Quasar, 2015. 340 p. In: *Journal of Ancient History*. 2016; (1) (In Russ.).
- [11] Hinrichs F.T. *Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr.* In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1966; 83:298.
- [12] Hinrichs F.T. *Die lex agraria des Jahres 111 v. Chr.* In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung*. 1966; 83:255ff.
- [13] Myakin T.G. *Grakkhi i narod (k ideologii grakkhanskogo dvizheniya): stat'ya vtoraya*. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 2010; 9(1):16. (In Russ.).
- [14] Kiryushov D.A. *Agrarnyi zakon 111 g. do n.e. i rimskaya sobstvennost' na zemlyu*. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 2005; (4):258. (In Russ.).

Research article

Agrarian Law 111 BC e. as a historical source

V.A. Konyukhov

Lomonosov Moscow State University

Leninskiye Gory str., 1, Moscow, Russian Federation, 119234

The article treats of one of the most important monuments of Republic Rome history – the epigraphic agrarian law 111 BC. The purpose of this source-studying paper is an integrated characteristic of this monument as an historical source. The author describes the monument externally, shows the history of it's reconstruction, raises the issue of it's attribution, and assesses it's relevance as a source on a number of aspects of the life of Ancient Rome.

Key words: agrarian history, agrarian law, Lex agraria, Lex Thoria, Gracchan reform

Информация об авторе / Information about the author

Конюхов Владимир Александрович – аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: vladimir.konukhoff@yandex.ru.

Vladimir A. Konyukhov – postgraduate student of the Department of Ancient World history, Lomonosov Moscow State University (MSU), e-mail: vladimir.konukhoff@yandex.ru.

Для цитирования / For citation

Конюхов В.А. Аграрный закон 111 г. до н. э. как исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 390–398. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-390-398

Konyukhov V.A. Agrarian Law 111 BC e. as a historical source // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 390–398. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-390-398

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 29.06.2020

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-399-411

Научная статья

Исследования Дагестана по сведениям арабских авторов IX–XIII вв. в историографии российских и зарубежных ученых

М.А. Гизбулаев

Независимый исследователь

Аннотация. В статье рассматриваются основные работы российских и зарубежных авторов, посвященные изучению истории Дагестана по арабской исторической и географической литературе IX–XIII вв. Характеристики исследования сгруппированы по хронологическому принципу. Политическая и социальная жизнь дагестанцев, историческая география, исламизация Дагестана – эти и другие вопросы были в центре внимания ученых и разрабатывались ими на основе изучения средневековых арабских источников. Научную новизну представленной статьи определяет то, что в данной работе проводится сравнительно-обобщающее исследование литературы XIX – начала XXI вв., принадлежащей к российской и зарубежной историографии «Дагестан по сведениям арабских авторов IX–XIII вв». Материал, представленный в статье, позволяет увидеть источниковедческие успехи ученых в изучении истории средневекового Дагестана по арабским источникам, какие аспекты проблемы нуждаются в дальнейших разработках.

Ключевые слова: средневековый Дагестан; арабская историко-географическая литература; историография

Введение

Основной материал для представления о политико-экономическом, социально-культурном состоянии Дагестана в VII–XII вв. дают источники на арабском языке, поэтому любые исследования по истории неизбежно опирались на сочинения мусульманских авторов IX–XIII вв.

Цель статьи – историографический обзор основных работ российских и зарубежных авторов, посвященные изучению истории Дагестана по арабским источникам IX–XIII вв. Политическая и социальная жизнь дагестанцев, историческая география, исламизация Дагестана – эти и другие вопросы были в центре внимания ученых и разрабатывались ими на основе изучения арабской исторической и географической литературы.

© Гизбулаев М.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В XVII–XIX вв. Дагестан был одним из самых хорошо известных регионов Кавказа. «Ренессанс мусульманской научной и культурной традиции» в Дагестане отмечалось именно в этот период. Однако, с одной стороны, местные ученые-арабисты не занимались историко-географическими, историко-этнографическими исследованиями региона на том уровне, который уже существовал в Европе, а с другой стороны для европейских востоковедов Дагестан был труднодоступен. Только после того, как Северный Кавказ вошел в состав Российской империи, для них, открылась, наконец, эта недостаточно изученная территория.

Основные работы российских и зарубежных авторов XIX в.

Первые работы, в которых были использованы арабские исторические и географические сочинения, содержащие сведения о Дагестане, принадлежат известным зарубежным и российским востоковедам XIX в. Ю. Клапроту, Б. Дорну, А. Казем-Беку, А. Бакиханову и др.

Первый хороший перевод дагестанского исторического сочинения *Дарбанд-нама* на немецкий язык был дан Ю. Клапротом в 1814 г., а затем и на французский в 1829 г. с указанием его разночтений с парижской рукописью. Его интересовала проблема атрибуции этого сочинения, источники, на основе которых оно было написано, а также средневековая историческая география Дагестана [1. Р. 439–467].

Следует указать, что также большего внимания заслуживает труд о *Дарбанд-нама*, опубликованный на английском языке Российской академией наук в 1851 г. проф. А. Казем-Беком. Ни одно из дореволюционных изданий дагестанских текстов не было выполнено на столь высоком профессиональном уровне [2. Р. 245]. При переводе и комментировании хроники *Дарбанд-нама*, и Ю. Клапрот, и А. Казем-Бек пытались выяснить источники дагестанского исторического сочинения. Для этого каждый из них сопоставил текст автора *Дарбанд-нама* со сведениями ал-Балазури, ат-Табари, ал-Мас'уди и др.

Интерес к прикаспийским областям, в частности Дагестана, составлял важную грань востоковедческих изысканий акад. Б. Дорна, который в 40-х гг. XIX в. издал в четырех частях тексты ряда исторических и географических сочинений, посвященные этим областям. Впоследствии он опубликовал исследование о походах руссов в Табаристан, где приведены отдельные замечания по поводу терминов «Сарир» и «филаншах». Он считал, что «правитель страны с титулом филаншах подчинил Ширван в 842 г.» [3. Р. 465–569; 4. С. 718].

Попытка разрешения отдельных вопросов исторической географии с привлечением классических арабских исторических и географических сочинений, и топографических данных была предпринята А. Бакихановым, который справедливо считал, что древняя Албания включала в себя Ширван и Дагестан. Написанное в 1841 г. сочинение «Гюлистан-и-Ирам» на персидском языке в 1844 г. было переведено на русский язык самим же автором, где он осветил историю Ширвана и Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. [5. С. 304].

Основные работы российских и зарубежных авторов XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в изучении вопросов, связанные с этнической историей населения и исторической географии Дагестана VI–XI вв., а также в локализации раннесредневековых политических образований изучаемого региона, проделана значительная работа как зарубежными, так и российскими востоковедами – Й. Марквартом, Н. Карауловым, В. Бартольдом, В.Ф. Минорским.

В 1903 г. немецкий востоковед Й. Маркварт издал капитальный труд *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge* [6. Р. 618] по истории и географии Евразии с 840 по 940 гг., в котором после обширного предисловия по общественно-политической ситуации того времени он обсуждает вопросы, касающиеся истории дальнейшего развития народов, населявших территорию между Восточно-Франкской империей и Каспийским морем, разрешая их с помощью арабских источников. В частности, ему принадлежит важные реконструкции, связанные с этнической историей населения Лакз, Филан, Сарир, Баб ал-Абваб. На данный момент нет полного перевода данного сочинения Й. Маркварта на русский, что лишает многих ученых возможности широко использовать его в своих исследованиях.

В этом же периоде была выдвинута идея о создании переводов по сведениям арабских сочинений о народах, в частности, живших на Кавказе. В осуществлении этой идеи появились собрания сведений арабских источников, переведенных на русский язык. Только после того, как в научный оборот вошли труды ал-Истахри, Ибн Хордадбэ, Кудама ибн Джафар, Ибн Руста, Ибн Хаукаля, ал-Мукаддаси, ал-Масуди, ал-Балазури и ал-Йакуби, создались предпосылки для появления качественно новых исследований, касающихся, в частности, Восточного Кавказа.

Одними из первых исследований, посвященных вопросу об отношении сведений средневековых арабских историков и географов о Кавказе, являются работы российских ученых Н.А. Караулова и П.К. Жузе [7. С. 42]. В журнале «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», который издавался Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе, содержатся отрывки переводов арабских сочинений IX–XII вв., выполненных Н.А. Карауловым, в которых указываются сведения и о народах Кавказа [8. С. 1–63; 9]. Следует отметить, что переводы отрывков из сочинений этих авторов, выполненные Н.А. Карауловым, уже устарели и содержат стилистические недостатки, а некоторые фрагменты отсутствуют в арабских текстах.

Исследование Дагестана, Восточного Кавказа в целом, связано с именем известного российского востоковеда акад. В.В. Бартольда. Влиянию арабских завоеваний на последующий ход исторического развития Дагестана посвящены некоторые статьи академика. В работе «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира» им показано, какое большое значение придавали мусульмане захвату и укреплению Баб ал-Абваба, а также южной части Дагестана, из-за чего хазары были вынуждены перенести свою столицу в г. Итиль [10. С. 674]. Позже, дополнив работу старейшими известиями из арабских источников о Дагестане, он опубликовал статью «Дагестан» и

сделал вывод, что «торговые связи с соседними народами после арабских завоеваний стали намного оживленнее. Дербент стал при арабах главным торговым пунктом на Каспийском море» [11. С. 400]. В.В. Бартольд в форме научных статей и лекций изложил общие сведения о культурной жизни региона.

Одним из первопроходцев на этой стезе стал профессор Лондонского университета В.Ф. Минорский. Ему не довелось побывать в Дагестане, но использование арабских письменных сведений дало возможность описать историю, географию и этнографию Ширвана, Дербента, Сарира и т.д., а также историю о поздних Ширваншахах и правителях Дербента. В основу этого исследования он положил сочинение *Тарих Баб ал-Абваб* («История Баб ал-Абваба»), написанное в XI в. и считающееся утерянным [12. С. 266]. Но часть арабского текста из этой книги воспроизведена в труде турецкого ученого XVII в. Махмуд-Эфенди. В части, посвященной географии и этнографии Дагестана, В.В. Минорский на основе многочисленных первоисточников и литературных данных характеризует географическое положение местных политических образований, дает историю возникновения некоторых городов, подробно останавливается на этимологическом разборе названия местностей и т.д.

Кроме того, в 1937 г. Оксфордским университетом был опубликован на английском языке полный перевод *Худуд ал-алам* («Пределы мира») [13. Р. 595]. Детальное исследование сведений *Худуд ал-алам*, в частности о Дагестане, проведенное В.В. Минорским, показало, что раздел сочинения «Рассказ о стране Сарир и ее городах» дает относительно мало новой информации по сравнению с сообщениями более ранних авторов.

Важный успех в исследовании Дагестана произошел в 30–50-е гг. XX века после того, как в изучении арабских источников (прежде всего местных, дагестанского происхождения исторических сочинений) по истории народов Северного Кавказа выдающуюся роль сыграли советские востоковеды: акад. И.Ю. Крачковский, А.Н. Генко и М.-С. Саидов, интересовавшиеся прошлым этого региона.

Изучение и публикацию арабских средневековых источников, а также арабского рукописного наследия народов Северного Кавказа акад. И.Ю. Крачковский считал одной из главных задач российского востоковедения. Открытие дагестанской оригинальной литературы на арабском языке он считал выдающимся событием послереволюционного периода [14. С. 622].

Особого внимания заслуживает работа А.Н. Генко «Арабский язык и кавказоведение» [15. С. 81–100]. В ней автор на обширном материале охарактеризовал значение арабских письменных источников IX – начала XIII вв. для изучения истории Кавказа, оценил «высокий уровень научной мысли на арабском языке в Дагестане», подтвердил на данных арабских источников (сообщения автора XIII в. Закарийи ал-Казвини) факт значительного арабского влияния на население Южного Дагестана. В целом, в отношении рассматриваемой мною проблемы статья А.Н. Генко, написанная в 1941 г., является академически выдержанной, опирающийся на обобщения фактических данных, извлеченных из арабских источников.

В становлении и развитии дагестанского востоковедения, исторического источниковедения, в организации археографических работ, в создании отдела востоковедения и фонда восточных рукописей М.-С. Саидов сыграл выдающуюся роль. Он в 20–30-е гг. продолжал «формировать» [16. С. 4–21] свою коллекцию арабских рукописей, старопечатных книг, документального материала. На основе собранных источников были написаны обзорные статьи о *Дарбанд-наме* [17. С. 104–116], исламизации Дагестана, *Тарих Дагестан* [18. С. 43–51]. Для нашего исследования эти работы представляет интерес тем, что в ней были использованы имеющие непосредственное отношение к нашему исследованию, сочинения арабских авторов, которые были известны М.-С. Саидову.

Важное место в историографии рассматриваемой проблемы занимают работы дагестанского востоковеда А.Р. Шихсаидова. Как известно, практически уже с самого начала он в своих исследованиях проявлял интерес к истории народов Дагестана, результатом чего стало появление работы «Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.)» [19. С. 252]. Его заслуга заключается в том, что он, мобилизовав огромный материал арабских письменных источников, упростил проблемы для социально-экономического и политического познания Дагестана в прошлом, и теперь его исследование можно только углублять.

В своей другой работе «Книга ат-Табари История посланников и царей о народах Северного Кавказа» А.Р. Шихсаидов на основе перевода (который уже устарел и имеет интерпретационные ошибки) фрагментов из сочинения ат-Табари приводит данные о ряде дагестанских городов и княжеств, характеризуют их положение при Халифате [20. С. 66–87].

Непосредственное использование работ предшественников, занимавшихся изучением Дагестана по арабским источникам, стало результатом создания им книги «Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана», в которой, в частности, А.Р. Шихсаидовым рассматриваются вопросы локализации раннесредневековых дагестанских политических образований [21. С. 559].

Одновременно с исследованиями А.Р. Шихсаидова в советский период публикуется «Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир)». Эта статья В.М. Бейлиса, которая являлась одной из первых работ по истории Сарира, в которой он утверждал, что В.В. Бартольд «отождествил население государства Сарир с предками аварской народности» [22. С. 254]. Написанию этой научной работы предшествовала огромная работа по выявлению и исследованию письменных источников на арабском языке. Из арабских сочинений, имеющих значение для нас, которыми пользовался А.Р. Шихсаидов и В.М. Бейлис, можно указать на *ал-Камил фи-т-та'рих* Ибн ал-Асира, «Историю завоеваний» ал-Балазури, «История Халифы ибн Хаййата», «Всемирную историю» ал-Йакуби и др.

Особого внимания заслуживает работа советского востоковеда Б.Н. Заходера «Каспийский свод сведений о Восточной Европе», так как в ней содержатся ценные сведения о политических образованиях на территории Дагестана,

Каспийском море [2. Р. 245]. В этом двухтомнике рассматриваются арабские письменные источники IX–XIII вв. Путем сравнительно-текстологического анализа им выделяются отрывки, представляющие собою законченное повествование, неизменно повторяемое в разных текстах в различного рода сочетаниях с различными дополнениями, опущениями, искажениями.

В 1971 г. О.Г. Большаков перевел на русский язык историко-географические сочинение *ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* («Ясное изложение некоторых чудес Магриб») Абу Хамида ал-Гарнати, а также отрывки из *Тух-фат ал-албаб* («Подарок умам») Абу Хамида ал-Гарнати о Дербенте [24. С. 134]. Перевод в основном охватывает те события, которые имели какое-либо отношение к истории и к нынешней территории Дагестана, Поволжья, Карпат и других мест Восточной Европы.

В последующие годы одним из первых, кто занимался исследованием *Та'рих* («История») Халифы ибн Хайята, была Т.М. Сипенкова. В 1980 г. опубликована ее статья [25. С. 76–81], в которой на нескольких ярких примерах показано значение этого произведения как одного из важных источников для истории народов Восточного Кавказа. Через восемнадцать лет, в своей статье В.М. Бейлис подчеркнул большое значение *Та'рих* Халифы для изучения эпизодов из истории арабо-хазарских войн, а также для освещения сведений, в некоторых случаях уникальных [26. С. 32–53].

Очень интересна, по содержанию, работа азербайджанского ученого З. Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.» [27. С. 404]. В ней автор не просто использовал материал, но и выполнил источниковедческий анализ исторических сведений арабских средневековых источников, полезных для исследования Кавказа. Большое место в работе занимают вопросы этнической истории народов Восточного Кавказа, реконструированы основные этапы сложения и развития народов Азербайджана с VII до IX в.

Кроме того, нам известен полный перевод главы об Азербайджане сочинения *Китаб ал-футух* («Книга завоеваний») ал-Куфи, выполненный Буниятовым, в которой имеются и сведения о Дагестане [28. С. 84]. В качестве недостатков этого перевода следует отметить существование некоторых искажений исходного текста, в частности, систематическое опускание упоминаний об Армении и армянах и их замене на Азербайджан.

В 1986 г. издан полный перевод известного арабского сочинения Ибн Хордадбега *Китаб ал-масалик ва-л-мамалик* («Книга путей и стран»), выполненный Н.М. Велихановой по Лейденскому изданию 1889 г., [29. С. 433], которое относится к категории географических сочинений. В рассматриваемом памятнике дан богатый информативный материал самого разнообразного характера; большое место в нем уделено маршрутному описанию стран – как входящих в состав Халифата, так и сопредельных с ним, в том числе о Восточном Кавказе.

Научная статья «Центральная часть Восточного Дагестана в VII–XIII вв. (К хронологии и географии борьбы с мусульманами)» Т.М. Айтберова примечательна тем, что его исследование позволяет получить представление о количестве политических образований, в частности, в Центральном Дагестане и

состоянии их изученности. Он рассмотрел в ней историю пяти политических образований, из которых в послеордынское время сложилось Кайтагское уцмийство [30. С. 22–40].

Основные работы российских и зарубежных авторов начала XXI в.

Полученный в результате исследований материал стимулировал дальнейшее изучение арабских средневековых источников о Дагестане. Так, на рубеже XX–XXI вв. в изучении вопросов, связанных с этнической, политической, религиозной историей населения и локализации средневековых политических образований Дагестана X–XIV вв., проделана значительная работа российскими востоковедами – А.Р. Шихсаидовым, Т.М. Айтберовым, А.К. Аликберовым, М.А. Гизбулаевым.

При подготовке книги «Дагестанские исторические сочинения» [31. С. 302] ее авторами были привлечены новые списки изданных текстов и ранее неизвестные исторические сочинения, кроме того, опубликованные переводы были вновь проверены и отредактированы. В числе издаваемых текстов, относящихся к жанру региональной историографии – *Дарбанд-наме* и *Тарих Дагестан* («История Дагестана») – свод преданий и рассказов о важнейших политических событиях в Дагестане X–XIV вв., исламизации и др. Эта работа интересна для нашего исследования, потому что она также основана на сведениях арабских источников.

Исследованием проблемы генезиса политических образований, существовавших на Кавказе (Дагестане) в период халифатского господства, вопросов, связанных с теорией и практикой ислама, в первую очередь в форме суфизма на Северном Кавказе, который в XI в. распространяется среди определенной части населения г. Дербент, занимался также А.К. Аликберов. Так, в своей монографии «Эпоха классического ислама на Кавказе» [32. С. 854] он использовал материал уникальной арабской рукописи *Райхан ап-хака'ик* («Базилик истин и сад тонкостей») Абубакра ад-Дарбанди, написанной на рубеже XI–XII вв., которая была переведена советским востоковедом М.-С. Саидовым на русский язык.

Следует отметить, что в своих диссертационных исследованиях А.М. Нурмагомедов [33. С. 259], Р.И. Гаджиев [34. С. 167] и Ш.Ш. Шихалиев [35. С. 214] привлекают сведения арабских авторов (ал-Куфи, ал-Балазури, ат-Табари, ал-Йа'куби, ал-Истахри, Ибн Хордадбех и др.), сами они, конечно же, не занимались переводом с арабского, а использовали переводы П.К. Жузе, Н.К. Караулова, В.М. Бейлиса, З.М. Буниятова, Н. Велихановой по которым производили отождествление с населенными пунктами. Освещение вопросов военно-политических, социально-экономических отношений, культуры и религии занимает значительную часть их работ.

В 2011 г. Т.М. Айтберов опубликовал учебное пособие для студентов исторического факультета ДГУ «Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе». В нем на основе данных арабских источников им предпринята попытка

исторической реконструкции событий VII–IX вв., – от времени правления халифа Усмана ибн Аффана (644–656) до Харуна Рашида (786–809) и Амина (809–813), – сопровождавшихся исламизацией дагестанцев [36. С. 79].

Отдельные проблемы исследуемой темы нашли отражение в научных статьях М.Г. Гизбулаева. В них на основе источниковедческого анализа, перевода и комментирования отрывков из арабских исторических и географических сочинений им освещены ценные сведения по истории Кавказа (Дагестана) в VII–XII вв., выполнено сопоставление сведений о Дагестане, чтобы выяснить, едино ли происхождение материала у авторов этих сочинений, таких как Халифа б. Хаййат [37. С. 22–27], ал-Балазури [38. С. 130–138], Ибн Асам ал-Куфи [39. С. 129–147], ат-Табари [40. С. 513–528], Хилял ал-Саби [41. С. 14–19], Ибн Хордадбех и ал-Йа'куби [42. С. 63–70], Мискавейх и ал-Мукаддаси [43. С. 77–85], Ибн Факих [44. С. 131–135], Йакут ал-Хамави [45. С. 32–39], проведено сравнение перевода отрывков о Дагестане Н.А. Караулова, З. Буниятова, А.Р. Шихсаидова с оригиналом текста на арабском языке.

Выводы

Таким образом, из приведенного обзора российской и зарубежной литературы видно, что наибольший вклад в развитии исследования Дагестана по арабским источникам IX–XIII вв. среди зарубежных ученых внес В.Ф. Минорский, тогда как среди востоковедов царской России – акад. В.В. Бартольд. При этом необходимо отметить, что прочные основы этой части медиэвистики были заложены публикациями, из арабских географических и историографических сочинений, советских востоковедов: А.Н. Генко, М.-С. Саидов, В.М. Бейлис, А.Р. Шихсаидов, Б.Н. Заходер, О.Г. Большаков, З. Буниятов и др. В российской историографии последних лет одними из первых источниковедческих исследований, посвященных вопросу об отношении сведений средневековых арабских историков и географов о Дагестане, являются реферируемые статьи М.А. Гизбулева. Им были привлечены новые списки изданных текстов, кроме того, опубликованные переводы фрагментов были им вновь проверены и отредактированы. На рубеже XX–XXI вв. можно констатировать существование заметной историографической лакуны в изучении существующих арабских источников изучаемого периода, содержащих информацию о средневековом Дагестане, зарубежными востоковедами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Klaproth J.* Extrait du Derbend Nameh ou de l'histoire de Derbend par J. Klaproth // *Nouveau Asiatique*. Paris, 1829. Т. 3.
- [2] *Kazem-Beg Aleksandr.* Derbend-nameh, or the history of Derbend: translated from a select Turkish version...and with notes, St.-Petersbourg, 1851.
- [3] *Dom B.* Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. V. *Geographica*, enthaltend Auszüge aus Istakhry (Persische Uebersetzung), Sakaria Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Razy // *Mémoires de l'Académie. Sér.* T. VII. 1848.

- [4] Дорн Б. Каспий: О походах древн. русских в Табаристан, с доп. сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря // Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1875.
- [5] Бакиханов А. Гюлистан и Ирам. Баку, 1991.
- [6] Marquarl J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
- [7] Жузе П.К. Баладзури «Книга завоевания стран» // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. 3.
- [8] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. III. Ибн-Хордадбэ. IV. Кудама. V. Ибн-Рустэ. VI. Ал-Якубий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903.
- [9] Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане: VIII. ал-Мукаддаси, Мас'уди, Ибн Хаукаль // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 38. Тифлис, 1908.
- [10] Бартольд В.В. Дагестан. Соч. Т. III. М.–Л., 1965.
- [11] Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т. II. Ч. I. М.–Л., 1963.
- [12] Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963.
- [13] *Hudud al-'Alam*, The Regions of the World A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D. Havertown, Pennsylvania] Gibb Memorial Trust, 2015.
- [14] Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. соч. Т. 6. М.–Л., 1960.
- [15] Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй ассоциации арабистов. М.–Л., 1941.
- [16] Шихсаидов А.Р. Востоковедение в Дагестане // Исламоведение, 2012 (1).
- [17] Саидов М.-С. Дербенд-наме // Труды второй научной сессии Дагестанской базы АН СССР. Махачкала, 1949.
- [18] Саидов М.-С. О распространении Абу Муслимом ислама в Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т.1. Махачкала, 1957.
- [19] Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969.
- [20] Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.
- [21] Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008.
- [22] Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. 1963. Т. 73.
- [23] Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- [24] Большаков О.Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971.
- [25] Сипенкова Т.М. «История» Халифы ибн Хайата как источник по истории арабских завоеваний на Кавказе и в Закавказье // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. V. Л., 1980.
- [26] Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой пол. VIII в. // ДГВЕ. Отв. ред. Т. Калинина. М., 2000.
- [27] Буниятов З. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965.
- [28] Буниятов З. Абу Мухаммад б. 'Асам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1981.
- [29] Велиханова Н.М. Книга путей и стран. М., 1986.
- [30] Айтберов Т.М. Центральная часть Восточного Дагестана в VII–XIII вв. (К хронологии и географии борьбы с мусульманами) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
- [31] Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

- [32] *Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе М., 2003.
- [33] *Нурмагомедов А.М.* Дагестан и Арабский Халифат: Автореферат диссертации канд. ист. наук. Махачкала, 2007.
- [34] *Гаджиев Р.И.* Первые походы арабов и начала расширение ислама на Восточном Кавказе (сер. VII – пол. VIII в.) / Автореферат диссертации канд. ист. наук. Махачкала, 2006.
- [35] *Шихалиев Ш.Ш.* Исламизация Дагестана в X–XVI века: историко-культурные аспекты / Автореферат диссертации канд. ист. наук. Махачкала, 2007.
- [36] *Айтберов Т.М.* Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе. Махачкала, 2011.
- [37] *Гизбулаев М.А.* Та’рих Халифы ибн Хаййата как источник по истории Дагестана VII–VIII вв. // Вестник СПбГУ, 2016. Серия (13). Вып. 4.
- [38] *Гизбулаев М.А.* Арабские источники по средневековой истории Дагестана // Вопросы истории. № 7 (2018).
- [39] *Гизбулаев М.А.* Дагестан в арабских исторических источниках: Китаб ал-Футух ал-Куфи // Вопросы истории. № 4 (2019).
- [40] *Гизбулаев М.А.* Сведения о Дагестане в арабском историческом сочинении Та’рих ал-русул вал-мулук ал-Табари // Вестник СПбГУ, 2019. Серия (13). Вып. 4.
- [41] *Гизбулаев М.А.* Тухфат ал-умара фи Т’арих ал-бузара как источник по истории Дербента X в. // Вестник СПбГУ, 2016. Серия (13). Вып. 2.
- [42] *Гизбулаев М.А.* Китаб Ал-Масалик Ва-Л-Мамалик Ибн Хордадбеха и Китаб Ал-Булдан Ал-Йа’куби: арабские географические источники о средневековой истории Дагестана // Проблемы востоковедения, 2017. Вып. 4.
- [43] *Гизбулаев М.А.* Сведения арабских авторов Мискавейха и ал-Мукаддаси по истории Дагестана VIII–X вв. // Исламоведение, 2018. № 04.
- [44] *Гизбулаев М.А.* Арабский источник о средневековой истории Восточного Кавказа: Китаб ал-Булдан Ибн ал-Факиха // Вестник Томского государственного университета, 2019. История. Вып. 60.
- [45] *Гизбулаев М.А.* Арабские источники о средневековой истории Северного Кавказа: Му’джам ал-булдан Йакута ал-Хамави о Дагестане // Проблемы востоковедения, 2020.

REFERENCES

- [1] Klaproth J. Extrait du Derbend Nameh ou de l’histoire de Derbend par J. Klaproth. *Nouveau Asiatique*. Paris, 1829. Т. 3.
- [2] Kazem-Beg Aleksandr. *Derbend-nameh, or the history of Derbend: translated from a select Turkish version... and with notes*, St.-Petersbourg, 1851.
- [3] Dom B. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. V. *Geographica, enthaltend Auszüge aus Istakhry* (Persische Uebersetzung), Sakaria Kaswiny, Hamdullah Mustaufy Kaswiny und Amin Ahmed Razy. Mémoires de l’Académie. Sér. T. VII. 1848.
- [4] Dorn B. Kaspjij. *O pohodah drevnih russov v Tabaristan, s dopolnitelnymi svedenijami o drugih nabegah ih na pribrezhe Kaspijskogo morja* (Caspians. About ancient Rus raids to Tabaristan, with additional reports on other raids in the Caspian lowlands.). SPb., 1875.
- [5] Bakihanov A. *Gjulistan-i Iram*. Baku, 1991.
- [6] Marquar J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903.
- [7] Zhuze P.K. Baladzuri «Kniga zavoevanija stran» [Baladzuri “The Book of Conquests”] *Materialy po istorii Azerbajdzhana*. Baku, 1927. Isu. 3.

- [8] Karaulov N.A. Svedenija arabskih pisatelej o Kavkaze, Armenii i Azerbejdzhane. III. Ibn-Hordadbe. IV. Kudama. V. Ibn-Rustje. VI. Al-Jakubij (Arab authors' reports on Caucasus, Armenia and Azerbaijan. III. Ibn-Hordadbe. IV. Kudama. V. Ibn-Rustje. VI. Al-Jakubij) *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza*. Is. 32. Tiflis, 1903.
- [9] Karaulov N.A. Svedenija arabskih pisatelej o Kavkaze, Armenii i Azerbejdzhane: VIII. al-Mukaddasi, Mas'udi, Ibn Haukal' (Arab authors' reports on Caucasus, Armenia and Azerbaijan. VIII. al-Mukaddasi, Mas'udi, Ibn Haukal'). *Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza*, Is. 38. Tiflis. 1908.
- [10] Bartold V.V. Dagestan. In: *Soch.* T. III. ML, 1965.
- [11] Bartold V.V. Mesto prikaspijskih oblastej v istorii musulmanskogo mira [Place of Caspian districts in Muslim world history]. In: *Soch.* T. II. Ch. I. ML, 1963.
- [12] Minorskii V.F. *Istorija Shirvana i Derbenta X–XI vv.* [The History of Shirvan and Dagestan in the 10th–11th century]. Moscow, 1963.
- [13] Hudud al-'Alam. *The Regions of the World A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* Havertown, Pennsylvania] Gibb Memorial Trust, 2015.
- [14] Krachkovskii I.Ju. *Arabskaja literatura na Severnom Kavkaze* [Arabi literary tradition in North Caucasus]. Izbr. soch. T. 6. – Moscow, 1960.
- [15] Genko A.N. Arabskij jazyk i kavkazovedenie [Arabic language and Caucasus Studies]. *Trudy vtoroj asociacii arabistov*. Moscow, 1941.
- [16] Shihsaidov A.R. Vostokovedenie v Dagestane [Oriental Studies in Dagestan]. *Islamovedenie*, 2012 (1).
- [17] Saidov M-S. Derbend-name. *Trudy vtoroj nauchnoj sessii Dagestanskoj bazy AN SSSR*. Makhachkala, 1949.
- [18] Saidov M-S. *O rasprostranenii Abu Muslimom islama v Dagestane* [On Abu Muslim and his role in spreading of Islam in Dagestan]. T.1. Makhachkala, 1957.
- [19] Shihsaidov A.R. *Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.)* [Islam in medieval Dagestan (7–15 cc.)]. Makhachkala, 1969.
- [20] Shihsaidov A.R. *Kniga at-Tabari «Istorija poslannikov i carej» o narodah Severnogo Kavkaza* [At-Tabari's Book "The History of Messengers and Kings" on the people of North Caucasus] *Pamjatniki istorii i literatury Vostoka*. Moscow. 1986.
- [21] Shihsaidov A.R. *Očerki istorii, istochnikovedenija, arheografijsrednevekovogo Dagestana* [History, source and archaeological study of medieval Dagestan]. Makhachkala, 2008.
- [22] Beylis V.M. Iz istorii Dagestana VI–XI vv. (Sarir) [Story from a history of Dagestan in the 6–7 century (Sarir)] *Istoricheskie zapiski*. 1963. T. 73
- [23] Zahoder B.N. Kaspijskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope. T. 1: Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. [The Caspian corpus of reports on East Europe. T. 1: Gorgan and Volga region in 9th–10th cc.] Moscow. 1962.
- [24] Bolshakov O.G. *Primechanija Al-Garnati Abu Hamid. Puteshestvie v Vostochnuju i Central'nuju Evropu (1131–1153)* [Notes Al-Garnati Abu Hamid. Trips to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow. 1971.
- [25] Sipenkova T.M. «Istorija» Halify ibn Hajata kak istochnik po istorii arabskih zavoevanij na Kavkaze i v Zakavkaze [«History» of Halifa ibn Hayyat as a source on history of Arab conquests in Caucasus]. *Istoriografija i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki*. Is. V. Leningrad. 1980.
- [26] Beylis V.M. *Soobshhenija Halify ibn Hajjata al-'Usfuri ob arabo-hazarskih vojnah v VII–pervoj pol. VIII v.* [Reports by Halify ibn Hajjata al-'Usfuri on Arab-Khazar warfare in 7–8 century]. DGVE. Ed. T. Kalinina. M. 2000.
- [27] Bunyatov Z. *Azerbajdzhan v VII–IXvv.* [Azerbaijan in VII–IX cc.] Baku. 1965.
- [28] Bunyatov Z. *Abu Muhammad b. 'Asam al-Kufi. Kniga zavoevanij* [Abu Muhammad b. 'Asam al-Kufi. The Book of Conquests]. Baku. 1981.

- [29] Velihanova N.M. *Kniga putej i stran* [The Book of Roads and Countries] Moscow. 1986.
- [30] Aytberov T.M. *Centralnaya chast Vostochnogo Dagestana v VII–XIII vv. (K hronologii i geografii borby s musulmanami)* [The Central part of Dagestan in the 7th – 8th century (To question of chronology and struggle against Muslims)]. *Osvoboditel'naya borba narodov Dagestana v jepohu srednevekovya*. Makhachkala. 1986.
- [31] Shihsaidov A.R., Aytberov T.M., Orazaev GM-R. *Dagestanskije istoricheskie sochinenija* [Dagestani historical works]. Moscow. 1993.
- [32] Alikberov A.K. *Jepoha klassicheskogo islama na Kavkaze* [An epoch of classical Islam in Caucasus]. Moscow. 2003.
- [33] Nurmagedov A.M. *Dagestan i Arabskij Halifat* [Dagestan in Arab Caliphate]: Avtoreferat diss ... kand. ist. nauk. Makhachkala, 2007. (PhD thesis).
- [34] Gadzhiev R.I. *Pervye pohody arabov i nachala rasshirenie islama na Vostochnom Kavkaze (ser. VII – pol. VIII v.)* [First raids of Arabs and the beginning of Islam spread in Eastern Caucasus (mid.7th – first half 8th century)]. Avtoreferat diss ... kand. ist. nauk. Makhachkala. 2006. (PhD thesis).
- [35] Shihaliyev Sh.Sh. *Islamizaciya Dagestana v X–XVI vekah: istoriko-kulturnye aspekty* [History of the islamization of Dagestan in 10th–16th cc.: historical and cultural aspects]. Avtoreferat diss...kand. ist. nauk. Makhachkala, 2007. (PhD thesis).
- [36] Aytberov T.M. *Nachalni etap v processe formirovanija musulmanskoj gosudarstvennosti i islamskih centrov na Vostochnom Kavkaze* [A preliminary stage in Muslim state building process in Eastern Caucasus]. Makhachkala, 2011.
- [37] Gizbulaev M.A. *Ta'rih Halify ibn Hajjata kak istochnik po istorii Dagestana VII– VIII vv.* [Ta'rih by Halifa ibn Hayyat as a source on the history of Dagestan 7th–8th cc.]. *Vestnik SPbGU*. 2016. Serija (13). Is. 4.
- [38] Gizbulaev M.A. *Arabskie istochniki po srednevekovoj istorii Dagestana* [Arabic sources on medieval history of Dagestan]. *Voprosy istorii*. 2018 (7).
- [39] Gizbulaev M.A. *Dagestan v arabskih istoricheskikh istochnikah: Kitab al-Futuh al- Kufi* [Dagestan in Arabic historical sources: Kitab al-Futuh al-Kufi]. *Voprosy istorii*. 2019 (9).
- [40] Gizbulaev M.A. *Svedeniya o Dagestane v arabskom istoricheskom sochinenii Ta'rih al-rusul val-muluk al-Tabari* [Reports on Dagestan in the Arabic historical work: Tarikh al-rusul wa al-wuluk of al-Tabar]. *Vestnik SPbGU*, 2019. Serija (13). Is. 4.
- [41] Gizbulaev M.A. *Tuhfat al-umara fi T'arih al-vuzara kak istochnik po istorii Derbenta X v. (Tuhfat al-umara fi T'arih al-vuzara. as a source on the history of Derbent in 10th century)*. *Vestnik SPbGU*, 2016. Ser. 13. Is. 2.
- [42] Gizbulaev M.A. *Kitab Al-Masalik Va-L-Mamalik Ibn Hordadbeha i Kitab Al-Buldan Al-Ja'kubi: arabskie geograficheskie istochniki o srednevekovoj istorii Dagestana* [Kitab Al-Masalik Va-L-Mamalik Ibn Hordadbeha and Kitab Al- Buldan Al-Ja'kubi: Arabic geographical sources on medieval history of Dagestan]. *Problemy vostokovedeniya*. 2017 (4).
- [43] Gizbulaev M.A. *Svedeniya arabskih avtorov Miskavejha i al-Mukaddasi po istorii Dagestana VIII–X vv.* [Reports by Arab authors Miskavejha and al-Mukaddasi on Dagestan history in the 8–10 cc.]. *Islamovedenie*. 2018 (4).
- [44] Gizbulaev M.A. *Arabskij istochnik o srednevekovoj istorii Vostochnogo Kavkaza: Kitab al-Buldan Ibn al-Fakiha (Arabic source on medieval history of East Caucasus: Kitab al-Buldan Ibn al-Fakih)*. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta*, 2019 (60).
- [45] Gizbulaev M.A. *Arabskie istochniki o srednevekovoj istorii Severnogo Kavkaza: Mu'dzham al-buldan Jakuta al-Hamavi o Dagestane* [Arabic sources on medieval history of North Caucasus: Mu'jam al-Buldan of Yaqut al-Hamawi on Dagestan]. *Problemy vostokovedeniya*, 2020.

Research article

Study of Dagestan through the 9th–13th centuries Arabic sources in historiography of Russian and overseas scholars

M.A. Gizbulaev

Independent Researcher

Abstract. The article reviews main works of Russian and foreign authors devoted to the study of the history of medieval Dagestan based on Arabic sources of the 9th–13th centuries on a chronological basis. The Dagestan society political and social life, historical geography, islamization of the region were these and other questions under the focus of these scholars who had developed them on the basis of the in-depth study and knowledge of Arabic historical and geographical sources. The scientific novelty of the paper is determined by the fact that in this work a comparative study of the literature throughout the 19th and early 21st centuries, belonging to the Russian and foreign historiography on “Dagestan according to the Arab authors of the 9th–13th centuries”, is carried out. The material presented in the article makes it possible to see the source-study outcomes of scholars in studying the history of medieval Dagestan from early Arabic sources, and shows different aspects of the problem which need further development.

Keywords: medieval Dagestan; Arabic historic-geographical literature; historiography

Информация об авторе / Information about the author

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, e-mail: awariyav@gmail.com.

Magomed A. Gizbulaev – Candidate of History, Independent Researcher, e-mail: awariyav@gmail.com.

Для цитирования / For citation

Гизбулаев М.А. Исследования Дагестана по сведениям арабских авторов IX–XIII вв. в историографии российских и зарубежных ученых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 399–411. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-399-411

Gizbulaev M.A. Study of Dagestan through the 9th–13th centuries Arabic sources in historiography of Russian and overseas scholars // RUDN Journal of World History. 2020. Vol. 12. № 4. P. 399–411. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-399-411

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 04.05.2020

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-412-416

Рецензия

Рецензия на книгу М.Ф. Видясовой «Тунис. Маршрут в XXI в.». М.: Садра, 2018

Е.Г. Зуева, А.А. Куделин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Тунис – весьма необычная арабская страна, которая выделяется, в первую очередь, тем, что дальше всех прошла по пути модернизации: это единственная арабская страна, где декларируется, что законодательство является полностью светским, говорится о полном уравнивании в правах мужчин и женщин, присутствует достаточно высокий уровень образования и политической культуры населения, в том числе за счет длительного периода существования и функционирования профсоюзов. Еще одной особенностью Туниса является сохранение нормальных отношений с бывшей метрополией – Францией, что также оказало значительное влияние на развитие этой страны во второй половине XXI в. Наконец, именно в Тунисе начались события, которые в той или иной степени охватили почти весь арабский мир и получили название «Арабской весны» 2011 г. Эти факторы обусловили устойчивый интерес к Тунису у отечественных исследователей. Одним из наиболее плодотворных российских ученых, пишущих об этой арабской стране, является Мария Федоровна Видясова, рецензии на работы которой уже появлялись на страницах данного журнала [1. С. 70–73; 2. С. 125–129].

Рассматриваемая книга охватывает период с момента установления французского протектората в Тунисе до 2016 г. Несмотря на то, что книга имеет значительный объем (почти 700 страниц), автор вполне осознавала, что все вопросы и проблемы истории Туниса на протяжении почти полутора веков не могут быть подробно рассмотрены в рамках одной книги. В то же время перу М.Ф. Видясовой принадлежат и другие работы по истории Туниса данного периода [3, 4, 5, 6, 7, 8], в связи с чем важно определить место рецензируемой книги в творчестве автора и российской историографии о Тунисе в

© Зуева Е.Г., Куделин А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

целом. Сама автор определяет работу как «научно-популярную», несмотря на то, что работа написана по всем канонам научной монографии: присутствует развитый ссылочный аппарат, подробная библиография и другие атрибуты серьезного научного издания. В тоже время стиль книги и ее обзорный характер делают ее доступной и интересной не только для профессиональных востоковедов и историков, но и для широкого круга читателей. Наличие подобных обзорных работ позволяет молодым исследователям более четко представить уровень развития отечественной науки об определенной стране, в данном случае о Тунисе, и разработать план собственного исследования какой-либо проблемы, которая пока изучена недостаточно.

Материал в книге изложен в хронологическом порядке. Первая из семи частей книги кратко повествует об установлении французского протектората в Тунисе, а также о возникновении движения «младотунисцев», боровшегося против французов с националистических позиций, но при этом доказывавших необходимость модернизации в Тунисе по европейским образцам.

Вторая часть книги, достаточно объемная, посвящена периоду 1918–1939 гг. Не останавливаясь подробно на всех затронутых в этом разделе автором проблемах, перечислим главные из них. Это влияние Первой мировой войны и экономического кризиса конца 20-х – начала 30-х гг. на ситуацию в Тунисе, становление тунисского профсоюзного движения и создание националистической партии Дустур, развитие национально-освободительного движения, реформы и репрессии французской администрации в Тунисе, раскол Дустума на «Старый» и «Новый», начало политического пути Хабиба Бургибы.

В третьей части описываются события Второй мировой войны и их влияние на Тунис, а также период с конца войны до достижения Тунисом независимости от Франции. Среди основных сюжетов, затронутых автором, противоречивые настроения тунисцев в период правления правительства Виши во Франции, приход к власти Монсеф-бея, период итало-немецкой оккупации Туниса, освобождение Туниса англо-американскими войсками, восстановление партии Дустур, борьба за внутреннюю автономию Туниса после Второй мировой войны, репрессии генерального резидента де Отклока, триумфальное возвращение Хабиба Бургибы на родину и его борьба за власть против Салаха Бен Юсуфа.

Четвертая и пятая части книги посвящены правлению Хабиба Бургибы в Тунисе. Естественно, в рамках рецензии сложно перечислить все детали правления Бургибы, которые излагает автор. Кратко остановимся лишь на наиболее значимых из них.

В четвертой части, посвященной первой половине правления Бургибы, описываются светские реформы в Тунисе, поиск Тунисом пути экономического развития и внешнеполитической позиции, борьба Бургибы с политическими конкурентами и постепенное усиление авторитаризма. В пятой части, посвященной закату правления Бургибы, излагается рост оппозиционных настроений, в том числе появление исламизма.

В шестой части книги перед читателем раскрывается период правления Президента Бен Али. Уделяется значительное внимание борьбе Бен Али

против «угрозы исламизма», которой он оправдывал почти все свои действия, начиная от отстранения от власти Бургибы и заканчивая авторитарным образом правления и установлением контроля в обществе через спецслужбы. Автор убедительно доказывает, что, с одной стороны, угроза исламизма в Тунисе была сильно преувеличена, но, с другой стороны, говорить о том, что «исламизм в Тунисе вырублен под корень», как утверждали сторонники Бен Али, также было нельзя [9. С. 521]. Также в книге уделяется внимание конструированию режима «управляемой демократии» при Бен Али, который в итоге привел к практически полному свертыванию политического плюрализма и установлению авторитарного правления Бен Али, в том числе к переписыванию конституции в интересах действующего президента.

Седьмая часть книги, по мнению авторов рецензии, представляет наибольший интерес, поскольку фокусирует внимание читателя на событиях 2011–2016 гг. – «Арабской весне» в Тунисе и ее последствиях. Автор описывает свержение Бен Али, делает предположения относительно возможной роли внешнего фактора в данных событиях, полемизирует с уже имеющимися материалами историографии по данным проблемам. Уделяется внимание борьбе светских и исламских партий и движений за власть в послереволюционном Тунисе и вокруг проекта новой конституции. В финале данной части подводятся промежуточные итоги периода «Арабской весны» в Тунисе. Представляет значительный интерес сравнение выводов автора с мнением В.А. Кузнецова, рецензия на книгу которого [10], посвященную тому же периоду, вышла не так давно в нашем журнале [11. С. 370–374].

Оценивая книгу в целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть ее ориентацию на широкий круг читателей. Данную книгу можно рекомендовать для чтения любому, кому бы хотелось получить информацию об истории Туниса в конце XIX – начале XXI в. В то же время книга подойдет и для профессиональных историков. Начинающие арабисты смогут наметить себе план научной работы, опираясь на материалы данной книги, особенно если они выбрали себе Тунис в качестве проблемного поля исследований. Востоковеды и африканисты другой специализации смогут почерпнуть из книги богатый материал для сравнительного анализа. В заключении хотелось бы пожелать автору книги дальнейших творческих успехов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Куделин А.А.* Политический экстремизм под знаменем ислама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2009. № 4.
- [2] *Куделин А.А.* Умеренный исламизм в Тунисе и Египте после «Арабской весны» 2011 г. Рецензия на книгу: М.Ф. Видясова, Т.И. Гасанбекова. Двухликий Янус умеренного исламизма. Послереволюционная борьба в Тунисе и Египте. М., 2013 // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2014. № 3.
- [3] *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. Т. I. Кн. 1–2. М.: ИСАА ИГУ, 2005.
- [4] *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. Т. II. Кн. 1. М.: Гуманитарий, 2007.
- [5] *Видясова М.Ф.* Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы. Т. II. Кн. 2. М.: ИСАА МГУ, ИВ РАН, 2012.

- [6] Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Двуликий Янус умеренного исламизма. После-революционная борьба в Тунисе и Египте. М.: ИСАА МГУ, ИА РАН, 2013.
- [7] Видясова М.Ф., Гасанбекова Т.И. Катаклизмы в арабском мире, год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. М.: ИСАА МГУ, 2014.
- [8] Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки: история и современное состояние. М.: Изд-во Московского университета, 2008.
- [9] Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI в. М.: Садра, 2018.
- [10] Кузнецов В.А. Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию. М.: Институт востоковедения Российской академии наук; ГАУГН-Пресс, 2018.
- [11] Зуева Е.Г., Куделин А.А. Рецензия на книгу Кузнецова В.А. «Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию». М.: ИВ РАН, ГАУГН-ПРЕСС, 2018 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 4.

REFERENCES

- [1] Kudelin A.A. The Political Extremism under the Banner of Islam. *RUDN Journal of World History*. 2009. (4).
- [2] Kudelin A.A. “MODERATE ISLAMISM” IN TUNISIA AND EGYPT AFTER “THE ARAB SPRING” (2011). Review: M.F. Vidyasova, T.I. Gasanbekova. The Janus-faced moderate Islamism. The post-revolutionary political struggle in Tunisia and Egypt. M., 2013. *RUDN Journal of World History*. 2014. (3).
- [3] Vidiassova M.F. *Jihad without War. Tunisian Experience of Modernisation and the Political Legacy of Habib Burgiba*. Т. I. Book 1–2. М.: ISAA MGU, 2005.
- [4] Vidiassova M.F. *Jihad without War. Tunisian Experience of Modernisation and the Political Legacy of Habib Burgiba*. Т. II. Book 1. М.: Gumanitariy, 2007.
- [5] Vidiassova M.F. *Jihad without War. Tunisian Experience of Modernisation and the Political Legacy of Habib Burgiba*. Т. II. Book 2. М.: ISAA MGU, IV RAN, 2012.
- [6] Vidiassova M.F., Gasanbekova T.I. *Dvulikij Yanus umerennogo islamizma. Poslerevolucionnaya bor'ba v Tunise i Egipte*. М.: ISAA MGU, IA RAN, 2013.
- [7] Vidiassova M.F., Gasanbekova T.I. *Kataklizmy v arabskom mire, god chetvertyj. Noveye konstitucii Tunisa i Egipta*. М.: ISAA MGU, 2014.
- [8] Vidiassova M.F., Orlov V.V. *Political Islam in North African Countries. Past and Present*. М.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2008.
- [9] Vidiassova M.F. *Tunisia. Route to the XXI century*. М.: 2018.
- [10] Kuznecov V.A. *Potaennye tropy Tunisa: zhit' i rasskazivat' revoljuciju*. М.: Institut vostokovedenija Rossijskoj akademii nauk; GAUGN-Press, 2018.
- [11] Zueva E.G., Kudelin A.A. Review of the Book Vasiliy A. Kuznecov “Secret Tunisian Tropes: to Live Telling the Revolution”. М., 2018. *RUDN Journal of World History*. 2019. Т. 11. (4).

Review

Review of the Book Maria F. Vidiassova “Tunisia. Route to the XXI Century”. (M.: Sadra, 2018)

E.G. Zueva, A.A. Kudelin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Информация об авторах / Information about the authors

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, e-mail: zueva_eg@rudn.university.

Elena G. Zueva – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, e-mail: zueva_eg@rudn.university.

Куделин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов, e-mail: kudelin_aa@rudn.university.

Andrey A. Kudelin – PhD in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, e-mail: kudelin_aa@rudn.university.

Для цитирования / For citation

Зуева Е.Г., Куделин А.А. Рецензия на книгу М.Ф. Видясовой «Тунис. Маршрут в XXI в.». М.: Садра, 2018 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 412–416. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-412-416

Zueva E.G., Kudelin A.A. Review of the Book Maria F. Vidiassova “Tunisia. Route to the XXI Century”. (M.: Sadra, 2018) // *RUDN Journal of World History*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 412–416. DOI: 10.22363/2312-8127-2020-12-4-412-416

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 28.07.2020